

ТУВИНСКИЕ
народные сказки

**СКАЗКИ
И
МИФЫ
НАРОДОВ
ВОСТОКА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

С (Сиб)
Т-81

ТУВИНСКИЕ народные сказки

254874

5565
40894

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ • МОСКВА 1971

Редакционная коллегия серии
«СКАЗКИ И МИФЫ НАРОДОВ ВОСТОКА»:

И. С. БРАГИНСКИЙ, Н. И. КОНРАД, Е. М. МЕЛЕТИНСКИЙ,
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ (председатель), Э. В. ПОМЕРАНЦЕВА,
Б. Л. РИФТИН (секретарь), С. А. ТОКАРЕВ

Перевод, составление и примечания
МАРКА ВАТАГИНА

Предисловие
Д. С. КУУЛАРА

Т81 Тувинские народные сказки. Перевод, составление и примечания Марка Ватагина. Предисловие Д. С. Куулара. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», М., 1971.

208 с. («Сказки и мифы народов Востока»).

В сборник включены разнообразные по сюжетам и жанрам сказки, дающие представление о быте и культурных традициях тувинского народа.

Сборник рассчитан на взрослых читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тувинские сказки. Еще одна неизвестная страница самобытного фольклора тувинцев открывается широкому читателю.

Найдите на карте истоки Енисея. Две реки — Пий-Хем и Каа-Хем, сливаясь, образуют Улуг-Хем — Великую реку. Так называют Енисей жители края. В этом месте расположен Кызыл, столица Тувинской АССР.

Культура предков тувинцев сохранилась для нас не только в устном народном творчестве. На территории Тувы находится абсолютное большинство памятников древнетюркской (енисейской) письменности. Язык енисейских надписей является предком тувинского, киргизского, хакасского, алтайского и шорского языков. Остатки древних городищ, горных выработок, многие тысячи курганов, обелиски, сохранившиеся до наших дней, говорят о существовании самобытной цивилизации на территории Тувы.

Эта книга — первый крупный сборник, охватывающий все основные жанры тувинских сказок: богатырские, волшебные, бытовые и сказки о животных. Она составлена так, чтобы дать о каждом жанре хотя бы беглое представление. В ней всего тридцать пять сказок, а тувинцы сохранили их в памяти, по предварительным подсчетам, около тысячи.

Устно-поэтическое творчество тувинского народа привлекало исследователей еще в XIX в. Основатель отечественной тюркологии академик В. В. Радлов в 1861 г. побывал в местечке Кара-Холь (ныне Бай-Тайгинский р-н Тувы). Он записал со слов сказителей четыре песни и две сказки — «Кужуттум Молун» и «Пагай Чуру», которые потом опубликовал в I томе своего труда «Образцы народной литературы тюркских племен» (СПб., 1866). Так Радлов стал первым собирателем тувинского фольклора.

В 1879 г. Г. Н. Потанин записал в Туве около двадцати пяти сказок, а также несколько космогонических легенд и преданий. Он опубликовал их в своих знаменитых «Очерках Северо-Западной Монголии» (вып. II. Материалы этнографические, СПб., 1881; вып. IV. Материалы этнографические, СПб., 1883). Среди произведений, собранных Потаниным, есть конспективные записи таких знаменитых героических эпосов тувинцев, как «Эртине-Мерген», «Капгавай-Мерген» (у Потанина «Хангавай»), «Танаа-Херел» («Тана-Герель»), а также хорошо известные сегодня волшебные и бытовые сказки — «Богатый Боралдай», «Тумецдей, имеющий тысячу каурых лошадей, и его сын Ер-Сарыг», «Оскюс-оол» и др.

Спустя десять лет после Г. Н. Потанина в Туву приезжал Н. Ф. Ката-

нов — один из основоположников отечественной тюркологии, выдающийся сын хакасского народа. Он собрал огромный материал по языку, этнографии и фольклору тувинцев. 1410 произведений разных жанров, записанных Н. Ф. Катановым, опубликованы в «Образцах народной литературы тюркских племен» В. В. Радлова (т. IX, СПб., 1907). Среди них — 12 бытовых и волшебных сказок («Старик и черт», «Балдыр-Бээжек-оол», «Оскюс-оол, имеющий семь рыжих колей», «Дилгижек-оол», «Мудряя девушка», «Старик и мангыс», «Старик и тигры», «Три брата» и др.).

Немалый интерес представляют и записи фольклорных произведений, сделанные сильным революционером Ф. Я. Коном, участвовавшим в научной экспедиции Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества в Урянхайский край (в Туву) в 1902—1903 гг. Восемь сказок, собранных Коном, опубликованы в русском переводе¹, и четыре сказки, как установлено С. И. Вайнштейном, остались в рукописях².

В последующие годы и вплоть до 30-х годов произведения фольклора тувинцев не записывались и не публиковались. Хотя в 1921 г. с образованием Тувинской Народной Республики создались благоприятные условия для записи образцов фольклора, собирание и публикации сокровищ народной мудрости задерживались из-за неимения национальной письменности. Только после того как в 1930 г. с помощью советских ученых-тюркологов была создана тувинская письменность, началось регулярное собирание, публикация и изучение устно-поэтического наследия народа. Уже через год газета «Шыл» («Правда») объявила конкурс на собирание легенд и преданий. Лучшие записи печатались в газете. Начинающие тувинские литераторы черпали свое мастерство в народном творчестве. Тувинская народно-революционная партия направляла работу по собиранию и изучению произведений устно-поэтического творчества, призывала использовать их в борьбе с пережитками феодального прошлого. Так, в постановлении X Великого хурала ТНРП указывалось на необходимость публикации сказок, песен, пословиц и поговорок, загадок, частушек³.

В 1938 г. вышел первый сборник тувинских сказок — «Тоолдар» («Сказки»). В него вошли два героических сказания и две бытовые сказки. В 1939 г. в сборнике произведений тувинских поэтов было напечатано богатырское сказание «Танаа-Херел с Даш-Хурен-конем». В 1941 г. в альманахе «Заря революции» публикуется одно из крупнейших сказаний тувинцев — «Великодушный Кара-Когель».

В 1944 г. ТНРП добровольно вошла в состав Советского Союза. Социалистическая действительность, подготовка научных кадров в крупнейших

¹ Ф. Я. К о н, За пятьдесят лет, М., 1934.

² С. И. В а й н ш т е й н, Антропологические и этнографические исследования Феликса Яковлевича Кона, — «Советская этнография», № 4, 1965.

³ Материалы X Великого Хурала ТНРП, Кызыл, 1937.

пуях страны, создание научно-исследовательского института языка, литературы и истории — все это способствовало рождению в Туве фольклористики, вооруженной марксистским методом исследования. Начиная с 1947 г. ИИЯЛИ осуществил девять выпусков сказок на тувинском языке и четыре на русском. Уже нашлись солидные исследования, посвященные тувинскому эпическому творчеству, — «Тувинский героический эпос» Л. В. Гребнева, «Тувинские народные сказки» И. А. Вчерашней и много статей, затрагивающих различные проблемы изучения фольклора.

Наряду со сбором и публикацией образцов устно-поэтического творчества тувинцев в республике организуются слеты сказителей, ежегодно проводятся фольклорные вечера, которые способствуют распространению и сохранению богатых традиций фольклора.

Сказочное творчество тувинского народа разнообразно по жанрам и сюжетам. В предлагаемый читателю сборник вошли богатырские сказки, волшебные, бытовые и сказки о животных.

Богатырские сказки представлены в сборнике двумя образцами: «Богатырь Тевене-Мёге и конь его Демир-Шилги» и «Бесстрашный Хан-Хулюк». Богатыри сражаются между собой и с иноземными захватчиками, защищают родную землю и утверждают превосходство человека над фантастическими обитателями неведомых мест.

Одной из наиболее характерных волшебных сказок сборника является сказка «Старик Бумбаадая». Герой сказки Бумбаадая умен, смекалник, обладает большой физической силой. Кони Лихой Вороной и Ленивый Вороной и тысяча черных овец составляют его гордость. Однажды его овцы принесли двух белых ягнят, но черные вороны небесного хана выклевали им глаза. Начинается борьба Бумбаадая с небесным ханом. Старик побеждает все злые силы и мудростью своих ответов поражает самого Курбусту-хана. Как и у многих народов, добро у тувинцев связано с белым цветом. Белые ягнята в сказке олицетворяют добро, а черные вороны — зло. Победа героя над Курбусту-ханом означает торжество справедливости.

Героям волшебных сказок часто помогают в их действиях волшебные предметы: шапка-невидимка, идики-сорокоходы, деревянная колотушка, трубка, шелковые разноцветные кадаки (платки), обломки точильного камня, гребня и т. д. Кроме того, некоторые вещи героя обладают волшебными свойствами.

Часть тувинских волшебных сказок является тувинскими вариантами широко известных восточных сказок. Так, например, сходство мотивов сказки «Уран-Дойду» с индийскими сказками из «Книги попугая» бесспорно. Дошли до берегов Улуг-Хема популярный в Индии цикл «История Арджи-Бурджи», некоторые рассказы Панчатантры, песни «Джангра», «Гэсэра».

В бытовых сказках главное место занимают произведения об Оскюс-ооле — парне-сироте. Хан нещадно эксплуатирует Оскюс-оола, обманывает

его, но в итоге бедный парень побеждает хана или при помощи своих знаний («Оскюс-оол, постигший три науки») или волшебств Спящей красавицы и сам становится ханом. Мечта народа о социальной справедливости превращалась в мечту о добром хане, которым должен стать простой человек, бедняк. Эта же мечта о правде, о правом суде делает Оскюс-оола в одной из сказок судьей.

Интересна одна особенность тувинских бытовых сказок. Носителем положительных качеств в них обычно являются или юноши («Оскюс-оол», «Балдыр-Бээжек»), или старики («Старик Ак-Сал и джумет»). Они не наделены большой силой, но душевными качествами всегда превосходят ханов и богачей. Находчивость, смелость, смекалка помогают им побеждать сильных врагов («Коолу-Сандак»).

В бытовых сказках воспеваются нравственная чистота, честность, дружба и осуждаются трусость, измена, жадность, обжорство («Шесть братьев»).

Тувинские сказки о животных продолжают темы бытовых сказок. Это в основном аллегорические бытовые сказки, где за животными мы ясно видим людей. Этиологические мотивы занимают в них совсем незначительное место.

Многочисленные сюжетные параллели в устном творчестве тувинцев, алтайцев, бурят, монголов, калмыков говорят о вековых культурных и исторических связях этих народов.

Все тувинские сказки исполняются напевно, без музыкального сопровождения. Напевы у разных сказителей различны. Различаются они и в процессе исполнения одного произведения. Знаменитый Ооржак Чанчи-Хоо поет сказание в трех тембрах. Когда речь идет о мирной жизни богатыря — напев плавный, размеренный, когда начинается богатырское сражение — ритмы меняются, нарастает темп, сказитель заставляет слушателей сочувствовать герою.

Сказители в Туве — высококочные люди. Это и хранители и пропагандисты лучших традиций народа, народной мудрости. В старой Туве сказка заполняла досуг путешественников в Монголию и Китай. Сказителей брали на охоту — считалось, что сказка помогает добыть больше пушнины. Крупнейший сказитель Тулуш Баазанай, даже если охотился один, всю ночь, сидя у костра, рассказывал сказки. Он говорил: «Хозяин тайги послушает сказку и за это пошлет мне навстречу какого-нибудь зверя».

Сказка в Туве популярна и в наши дни. Сказки таких сказителей, как Тулуш Баазанай, Ооржак Чанчи-Хоо, Баян Балбыр, Хертек Сортуй-оол, Сат Тевек-Кежеге, Монгуш Агылдыр, Ооржак Машнай, записаны в их исполнении на магнитофонные ленты. Достоинные продолжатели традиций старых сказителей — Тюлюш Сарыг-Хаа, Тюлюш Когель, Ооржак Хургул-оол, Салчак Бичей (сказительница) и многие другие.

Д. С. Куулар

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Увлекательнейшая работа над переводами тувинских народных сказок не могла бы успешно завершиться, если бы не серьезная помощь и консультации сотрудников сектора литературы и фольклора Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории.

Пользуясь случаем, хочу сердечно поблагодарить научных сотрудников института Д. С. Куулара, А. К. Калзана и М. А. Хадаханэ, сделавших много ценных замечаний по всему сборнику, а также Л. В. Гребнева и Н. Сердобова, любезно предоставивших в мое распоряжение имеющиеся у них записи образцов тувинского фольклора.

Особая благодарность — молодому литератору Оюну Кодур-оолу, который сделал почти все подстрочные переводы сказок.

Марк Ватасин

**БОГАТЫРСКИЕ
СКАЗКИ**

Faint, illegible text at the top of the page, possibly a header or introductory paragraph.

Main body of faint, illegible text, appearing to be several paragraphs of a letter or report.

Yours faithfully,
[Illegible signature]

Faint, illegible text at the bottom of the page, possibly a footer or additional notes.

1. БОГАТЫРЬ ТЕВЕНЕ-МЁГЕ И КОНЬ ЕГО ДЕМИР-ШИЛГИ¹

Это случилось раньше ранних времен, это было древнее прежних времен. Хвост верблюда тогда достигал земли, а рога горного козла упирались тогда в небеса. И жил тогда на северном склоне Арзылан-Тайги * крутолобий силач, богатырь Тевене-Мёге *. Будто озера были глаза его глубоки. Будто хребты шестнадцать складок шли через лоб.

Была у него старая-старая мать. Своего последнего часа она ждала. Был у него могучий рыжий железный конь. Звали его Демир-Шилги *. Уши его, как пожницы, стояли торчком. Стальные его копыта гремели, как гром.

Владел богатырь могучей Арзылан-Тайгой, на склоне которой росло священное дерево. Пес Качига-Калдар * стерег бесчисленный белый скот.

Была у Тевене-Мёге коновязь — железный столб, упирающийся в небеса.

Были у Тевене-Мёге седло, похожее на горный перевал, распростершийся, будто степь, потник, золотая уздечка, огромная перекидная сума, необъятный белый шатер и обозревающая мир девятисуставная подзорная труба.

Был у Тевене из лосиной кожи крепкий содак. Ни тридцать богатырей из верхнего мира, ни шестьдесят силачей из нижнего мира не смогли бы его разорвать *.

Был у него, как речка изогнутый, черный лук.

Был звенящий бляхами пестрый кисет, в котором лежал красный крупный табак. Была дорогая трубка: из блестящего железа головка, а из сверкающего драгоценного камня — мундштук.

¹ Ударение в тувинских именах падает на последний слог. В сложных именах на последний слог каждой части. Например: Тевене-Мёге, Шулбу-Сарыг, Чангыс-Хай, Алдын-Оюу.

Было волшебное зеркало, которое знало, кто и когда родится, кто и когда умрет.

И была любимая сабля длинной в шестьдесят сажений!

Знал богатырь великое волшебство: в миг он мог оглядеть весь неоглядный мир.

Знал Тевене тысячу разных волшебств, но конь его безупречный знал больше, чем богатырь.

В семи серых птичках хранилась душа Тевене. Мог он несколько раз умереть и несколько раз ожить. Мог он выйти неуязвимым из ста боев. Он мог оставаться живым, даже если сломают все сто восемь его костей. Вот каким был Тевене-Мёге!

А теперь внимательно слушайте. Целый месяц прошел, как богатырь из юрты не выходил. И подумал наш Тевене: «На склонах моей великой Арзылан-Тайги пасется неисчислимый прекрасный скот, стережет его верный пес Качига-Калдар. Не пристало мне будто бабе в юрте сидеть. Не пристало мне, как собаке, дом сторожить!»

Взял он девятисуставную подзорную трубу и черный лук. Потом он кликнул коня своего, Демир-Шилги. Конь в это время гулял, набирался сил. Клич услышав, с верхнего мира на трех озаренных тучах спустился он и встал на стальные копыта, на четыре стальные ноги.

Тевене положил на его широкую спину седло, похожее на перевал, подтянул тридцать три подпруги, тридцать три подхвостных ремня. Зануздал золотой уздой. А потом вскочил на лихого Демир-Шилги и поехал по склону тайги.

И увидел он, что пес Качига-Калдар старательно скот стережет, что стерлись когти его, что вылезли кости его.

Сел Тевене на камень и задумался о своей судьбе. «День придет, и старая мать умрет. Богатырь рождается у стены, умирает он у скалы. Как в этом мире жить одному? Слово сказать кому?» И он спросил у коня:

— Есть ли где-нибудь девушка, хоть самая захудалая, которая бы в юрту мою юной хозяйкой вошла?

— Хозяин, ты зря говоришь со мной: мой язык шершав, как песок. Иди и с матерью поговори,— ответил Демир-Шилги.

Снова подумал богатырь Тевене: «Не для того мужчина рожден, чтоб одиноким быть. Пойду и у матери старой спрошу, какова же моя судьба».

Он скорее вернулся домой, к столбу привязал коня — трижды повод вокруг завернул и мертвым узлом завязал. В юрту вбежал, а мать говорит:

— Какой ты веселый, сын! Что видел, что слышал, скорей расскажи, скорей расскажи, сынок!

— Есть ли где-нибудь девушка, хоть самая захудалая, которая бы в юрту мою юной хозяйкой вошла?

— Девять лет я не решалась с тобой об этом заговорить. Ведь у доброго молодца тысяча своих желаний, тысяча разных дум. Мой Тевене, ты у меня один. В верхнем мире, на всех тридцати трех его небесах, достойной тебя, мой сын, красавицы нет. Если в нижний мир за счастьем пойти — достойной и там не найти. Но живет на севере грозный хан Кавынды. Самая младшая из восемнадцати его дочерей так прекрасна, что подобной не отыскать в верхнем мире, на всех его небесах. Зовут красавицу просто: Терге-Кара*. За нее боролись батыры из многих стран. Но слишком силен отец, Кавынды-хан. Ни один, имеющий локти, не смог его одолеть. Ни один, имеющий челюсти, не переспорил его.

Не знаю, сможешь ли ты перед ним устоять.

Тевене ответил:

— Не беспокойся, мать. Видно, мне суждено на севере счастье искать.

— Не беспокойся ты за меня, — ответила мать. — Своего последнего часа я жду давно. Главное — был бы ты цел-невредим. Будь осторожен. Сам за собой следи. Чужая земля немилла. Знай: один человек бывает хитрее другого, так же как конь бывает резвее другого коня.

И она накормила сына такой едой, которой надолго насытился Тевене. В суму его положила запас этой еды.

Тевене завернул серых птиц, в которых хранилась его душа, в косу любимой матери и сказал:

— Будет дорога моя хороша — станет крепче узел твоей косы. Если будет тяжелым путь — ослабнет узел твоей косы.

На рассвете нового дня сел Тевене-Мёге на лихого Демир-Шилги и помчался на север, туда, где живет могучий хан Кавынды.

Низкие горы лежали — конь по гребням бежал. Высокие горы вставали — конь по склонам скакал. Но вот он замер, вдалеке посмотрел и сказал:

— Хоть и добрый ты богатырь, да мало ума у тебя. Тот, кто отправился в дальний путь, должен смотреть вперед. Там, где сливаются девять рек, где сходятся девять дорог, видишь, черное что-то стоит? Как ты думаешь, это что?

— Наверное, это стоит гора.

— О нет, дорогой Тевене: в несокрушимой каменной юрте охрана хана сидит!

— Если охрану мне не пройти, то нечего к хану идти! — Засмеялся силач, ударил коня и с юртою рядом встал.

Любимую саблю в шестьдесят саженей вытащил богатырь, размахнулся и несокрушимую юрту легко рассек пополам. Старик и старуха вышли из юрты и ласково говорят:

— Люди, которые едут мимо, обычно заходят к нам. Откуда ты приехал, сынок с пламенем в черных глазах? — И трубку ему поднесли.

Вытащил Тевене свою дорогую трубку, протянул старикам и подумал: «Почему они здесь, где нет ни живой души?»

Вдруг его бесподобный конь закричал:

— Что ты куришь, ведь это же черный яд!

Тевене подскочил к коню, схватил из сумки целебной травы и вмиг ее проглотил. И черными струями вытек яд из носа и изо рта.

— Не простые люди живут там, где сливаются девять рек! — сказал Тевене, и эхо, как гром, прогремело в грозных горах.

Вмиг вскочил богатырь на Демир-Шилги, накинул на старика и старуху золотой крепкий аркан и так натянул узду, что удилы разорвали щеки коня и дошли до его ушей. Конь рванулся вперед, и уже через миг позади остались девять перевалов и девять рек. Тевене оглянулся назад и увидал, что от старика со старухой остались две головы. Оскалив зубы, смеялись две головы.

И снова конь рванулся вперед. Много рек перелетел. Много перевалов перемахнул и наконец устал. Оглянулся назад Тевене-Мёге, а злых голов уже нет. Они испарились от жара копыт его дорогого коня.

Устал Тевене, и конь устал. Им бы поесть, отдохнуть. Но и трава и вода в этой стране — все испаряло яд. А листья были, как сабли, крепки и остры.

Тевене по тридцатитрехслойной радуге устремился в верхний мир, чтобы из девяти источников вынуть аржан-воды. Там он коня своего отпустил: пусть наестся железный конь. Досыта поел, досыта попил и думать стал богатырь. И оказалось, что он почти полгода уже в пути! И сказал богатырь:

— Так не пойдет. Надо ехать только вперед!

При помощи своих волшебств он понял, что старик и старуха — шулубусы, хранители покоя хана Кавиды. «Все-таки

меньше одним врагом». И посмотрел вперед. Там, где сливалось девять рек, в небо уперся чум. В нем сидели седая старуха и белоголовый старик. Там, где сходилось девять дорог, стояло девять шатров. Девять желтых красавиц сидели в желтых шатрах. А дальше — море с черной водой, а над морем клубился пар. А дальше, за морем, была земля, где жил Кавындыхан.

Сел богатырь Тевене-Мёге на Демир-Шилги-коня и с верхнего мира по девятицветной радуге быстро спустился вниз. Вот он, в небо упершийся чум. Тевене соскочил с коня. Из чума выскочили старики и приветливо говорят:

— Люди, которые едут мимо, обычно заходят к нам...

Но Тевене стариков оборвал:

— Замолчите, знаю я вас. Вы — два медведя Кавындыхана, вы — охрана его!

И тут старик обернулся медведем и ринулся в верхний мир. Тевене натянул свой жестокий лук, и медведя стрела догнала. А медведица ринулась в нижний мир, но мудрый Демир-Шилги увидел ее, в два прыжка догнал и копытами растоптал. «Убран с дороги еще один враг», — подумал храбрый силач.

Там, где сходилось девять дорог, стояло девять шатров. Девять желтых красавиц выбежали и говорят:

— Отпусти коня своего пастись на склоны вон той горы, и вместе пойдем на озеро — поиграем, поговорим.

«Что тут плохого, — подумал силач, — поиграю, поговорю». И к берегу вместе с ними пошел. Мудрый конь закричал:

— Что ты делаешь? Остановись! Видно, ты захотел свою жизнь желтым шулбусам отдать!

Опомнился Тевене. Шулбусов он разрубил пополам и покакал вперед.

А вот и море с кипящей черной водой, а над черным морем клубится горячий пар.

— Это — ядовитое море хана! — громко вскричал богатырь.

— Откуда, откуда он это узнал?! — голос моря силач услышал.

И высохло море. Не стало его. Охрану Тевене победил.

Слушайте дальше. В паршивого жеребенка Тевене превратил коня, а сам превратился в мальчишку в лохмотьях и пошел по ханской земле. По пути ему встретился белоголовый табунищик, пасший белый табуи. Белый когержик был приторочен к его седлу.

Откуда ты пришел, богатырь с пламенем в черных глазах? — спросил парнишку старик.

— Я — бедный мальчик. Ищу, где дадут поесть. Я слышал, очень богат хан Кавынды. Говорят, у него в избытке бора-быда, говорят, у него в достатке божа-хойтпак.

Вскоре его встретили сто табунщиков, пасших сто синих табунов. Одни закричали:

— Шальная стрела, бродячий бешеный бык! Ответь, зачем ты появился в наших краях?

— Какой он вишивый, какой он грязный! Откуда он к нам пришел?

— Он опозорит нашего хана! Голову ему отрубить!

Но другие жалели бедного паренька.

— Каких только людей не бывает, — говорили они.

Тевене им сказал:

— Я — бедный мальчик. Ищу, где дадут поесть. Я слышал, что у вашего хана в избытке бора-быда, в достатке божа-хойтпак.

Засмеялись табунщики и ускакали прочь. Дальше пошел Тевене по ханской земле.

Семь желтых девушек пасли семь тысяч овец, два желтых парня пасли двести телят. Увидав Тевене с жеребенком, девушки опустили на землю и начали хохотать. Падали вперед — их косы касались земли, падали назад — их косы касались пят. Мальчик в отрешьях спросил:

— Разве вы оборванцев не видели? Я ищу такие места, где в избытке бора-быда, где в достатке божа-хойтпак. Неужели у вас не найдется ягненка, чтобы голод мой утолить?

— Желтые парни хану обо всем допесут, — ответили желтые девушки, перестав хохотать, — но раз ты такой несчастный — мы поможем тебе.

И девушки привели годовалого баранка, чтобы голод его утолить.

Мясо зажарил, съел и к хану пошел Тевене. У самого края коновязи конька своего привязал. В ханском аале мальчики в разные игры играли, но, увидев его, все побежали прочь. А взрослые закричали:

— Что за паршивый щенок?

— Он не из нашего мира! Откуда такой пришел?

В самую крайнюю юрту Тевене заглянул. Там гнали для хана крепкую араку. Тевене под струйку подставил ладони, выпил один глоток и про себя подумал: «Если мне удалось по-

пробовать самое лучшее из ханской еды-питья, значит, во всех состязаниях должен я победить».

Обо всем, что видел, рассказал своему коньку.

— Если на эту ночь мы останемся здесь — нас не минует беда, — ответил ему конек.

Тевене послушал коня, и они отправились в степь. Напротив аала хана мальчишка поставил шатер — огромный белый шатер в огромной желтой степи. А потом превратил своего конька в железного Демир-Шилги, а сам стал снова Тевене-Мёге, могучим богатырем. Вбил у шатра железный столб, к нему привязал коня — трижды повод вокруг завернул и мертвым узлом завязал. А потом зашел в свой белый шатер и улегся спать-отдыхать.

Наутро ханские слуги увидали чудо в степи: возвышается белый шатер, огромный, как снежный склон! А рядом с шатром стоит невиданный конь. Уши его упираются в небеса!

Испугались слуги — и к хану бежать. Рассказали ему обо всем. Хан Кавынды подумал и говорит:

— Или это приехал великий хан, или это — невиданный богатырь. Идите к нему. И все узнайте скорей!

Трое слуг вошли в огромный шатер. Но хозяин на них даже не посмотрел. Слуги с утра до вечера стояли, боясь моргнуть. А хозяин как начал есть с утра, так до самого вечера ел. Будто был глухим, будто был слепым, не видал ничего вокруг!

Испугались слуги и побежали назад. Когда выбегал последний — поднял богатырь глаза. А слуги к хану примчались, рассказывают о богатыре:

— Он, ненасытный, сидит за большим ширэ!

— Он сидит на девяти дорогах коврах!

— Будто озера бушуют его глаза!

— И шестнадцать складок идут через грозный лоб!

— Когда мы вошли — он на нас не глядел!

— Будто глухой, будто слепой сидел!

— На наши вопросы не пожелал отвечать!

— Такой не будет нас за людей считать!

Назавтра трех слуг-китайцев, трех волшебников отправил хан Кавынды, отправил к шатру, что в степи стоял, будто снежный склон.

— Нет на земле человека, который не видит, не слышит. Если он вас не заметит — бейте, пока не умрет!

Эти слова услышал мудрый Демир-Шилги. Он сказал Тевене:

— Левое свое колено в наковальню скорей преврати. А скулы и голову прозрачным ядом намажь.

Тевене превратил колено в наковальню, а скулы и голову смазал ядом. Вошли трое послов. Старший, средний и младший — каждый отвесил поклон. Тевене на послов даже не посмотрел. Старший тогда сказал:

— С богатырями и с ханами разговаривал я не раз! Почему ты молчишь, кулугур?

И правой ногой со всего размаху в левое колено пнул богатыря. Да только ногу свою сломал. И с воем назад захромал.

— У него железное колено! — крикнул, выходя из шатра.

— Я ему скулы сверну! — поклялся второй посол. И ударил богатыря кулаком. И отвалился кулак.

— У него ядовитые щеки! — закричал, выходя из шатра.

— Его голову я раскушу, как орех! — младший посол закричал. Щелкнул зубами, но выпали зубы. И с ревом посол убежал.

Назавтра хан Кавынды кликнул Шулбу-Сарыг*. Шулбу-Сарыг-красавица знала сто восемь волшебств.

— При помощи мудрых волшебств одолей богатыря и коня!

Но мудрый Демир-Шилги поставил на ее пути тысячу своих волшебств. И стали они недоступны для злобной Шулбу-Сарыг! Конь сказал Тевене-Мёге:

— Надо встретить Шулбу-Сарыг. Смотри, зря слова не роняй. Находчивым, ловким будь!

Красавица смело вошла в шатер. Тевене предложил ей сесть на черный блестящий олбук. Потом ей красивую трубку свою протянул. Красавица говорит:

— Когда курншь трубку наших людей — будто сахар, приятен дым. А ваш табак — какой-то другой, какой-то странный табак.

Тевене не нашелся, ответить не смог. Конь шепотом говорит:

— Вот видишь, в одном ты уже уступил. Крепче давай держись! Тут она применила сто восемь волшебств. Сто восемь применил Тевене. Она изменила облик сто восемь раз. И тысячу раз — Тевене! И стал недоступным мудрый силач для злобной Шулбу-Сарыг! Она прибежала к Кавынды-хану и говорит:

— Он не из нашего мира! Он — истинный богатырь! В нем совместились облики ста человек. Он похож на черного яростного быка. В нем совместились облики тысячи человек. Он похож на страшного, бешеного быка! Человек с ним спорить не

может: он знает тысячу разных волшебств. А конь его безупречный знает больше, чем богатырь. Нет в этом мире силы, чтобы тягаться с ним. Я теперь поняла: это — сам Тевене-Мёге с могучим Демир-Шилги, неутомимым конем!

Рассвирепел великий хан Кавынды. И сказал:

— Я сам отправлюсь к нему.

Он вошел в белый шатер и подумал так: «Он поставил шатер на моей земле. А раз так — пусть сам и начнет разговор».

Тевене положил перед ханом девятислойный олбук. И подумал: «Будь хан ты или слуга, но если дверь мою отворил — сам начинай разговор». И молча трубку свою протянул. Хан рассмеялся, белыми зубами сверкнув, трубку взял, покурил, взамен протянул свою.

Придя домой, хан подумал: «Моя вина. Надо добром поговорить, имя свое назвать». И снова пошел к Тевене. Он взял блестящий белый кадак.

Демир-Шилги говорит:

— Сейчас к нам в гости явится хан. Приготовь хорошей еды. Пусть будет плохо, пусть хорошо — протяни ему белый кадак.

Хан несмело опять вошел. Только он начал вынимать свой кадак, как Тевене положил перед ним девятислойный черный олбук, выставил много еды и первым протянул свой белый кадак. Хан подумал: «Он — вежливый богатырь, и доброе у него лицо... Но что у него в душе?» И сказал:

— Ты приехал издалека, мой новый, мой лучший друг. Что ты ищешь в моей земле? Все, что захочешь, отдам!

Тевене ответил:

— Когда хан так по-доброму со мной говорит, что я, простой человек, могу сказать? Я приехал за младшей из твоих дочерей, за прекрасной Терге-Кара. Прошу принять, это — суй-белек*. — И вытащил из черной сумы кусок серебра с головою волка и кусок золота с голову коня.

Хан взял подарки, заулыбался и пригласил Тевене к себе. Хан вышел первым. За ним — богатырь. И пошли через степь в аал. Тевене заметил, что хан Кавынды, шагая по мерзлым местам, достает до черной земли, а шагая по талым местам, погружается в землю до колен. Богатырь подумал: «А как же я?» И увидел, что, шагая по мерзлым местам, он погружается в землю до колен, а шагая по талым местам — погружается в землю по грудь!

Они вошли в ханский золотой дворец. Хан положил перед

богатырем девятислойный олбук и поставил о девяти ножках черный ширэ. Только дотронулся до него богатырь — развалился ширэ на куски. «Если я сломал венец хозяина — нечего от хозяина ждать добра», — подумал про себя богатырь и на землю сел.

И начал хан гостя пить аракой. Каждый день слуги готовили араку. Каждый день ругали могучего богатыря.

— Он не насытнй! Без устали пьет и ест! Сколько он может сожрать в один присест? Ведь если сложить все, что ему принесли, из араки получилось бы море, а из еды — Танды*!

Но снова и снова наливал араку хан Кавынды. Хан делал вид, что пьет, но сам старался не пить.

И подумал вдруг Тевене: «Целый месяц прошел, как сели мы пировать! Целый месяц прошел, как я привязал коня!» Он встал и сказал:

— Пойду отвяжу коня. Пусть на зеленых холмах пасется Демир-Шилги. — И быстро пошел к коню.

Хан Кавынды вслед посмотрел: сильно ли гость опьянел? И увидел, что ноги богатыря — как два железных столба! Тевене не качался. Как будто не шел, как будто не пировал!

Богатырь вошел в свой белый шатер и начал книгу листать. Золотую волшебную книгу быстро он прочитал. И увидел, что ханские клятвы в дружбе — это черная ложь. Хан тайком натягивает тетиву. Хан тайком готовит богатырей. Со всех сторон света спешат к нему силачи. А в нижнем мире самый меткий стрелок уже натянул свой черный жестокий лук. По знаку хана, как только начнется борьба, он выпустит звонкую бешеную стрелу, чтобы сердце и легкие Тевене пронзить.

Вмиг разобрал богатырь свой белый высокий шатер. В суму его уложил. Суму приторочил к седлу. Сел на Демир-Шилги и сказал дорогому коню:

— Как же так получается? Суй-белек я ему привез, золото и серебро я почтительно преподнес, я хотел побрататься с ним, а он готовил мне смерть, а он, пока я гулял, стрелу в меня направлял, натягивал черный лук, «мой новый, мой лучший друг»!

— Скорее белою саблей разрубн белую юрту, скорее хватай красавицу — и отправимся в верхний мир! Иначе — голову сложишь! — ответил Демир-Шилги.

Тевене белою саблей вмиг рассек белую юрту, быстро схватил красавицу и натянул узду. Конь от земли оторвался и, как ястреб, вверх полетел. У самого верхнего мира он посмотрел

на землю: там бушевал огонь. Это из нижнего мира самый меткий стрелок выпустил в них стрелу.

— Приготовь свои стрелы с львиными головами, чтобы отбить стрелу! — крикнул Демир-Шилги. — А я стальные копыта поставлю на ее пути.

Только он это сказал, стрела попала в копыта, с шипением отскочила и полетела вниз.

И вот Тевене-Мёге, мудрый Демир-Шилги и прекрасная Терге-Кара достигли верхнего мира. Они долго там отдыхали. И вдруг могучий силач вспомнил Арзылан-Тайгу. «Жива ли добрая, старая мать? Жив ли пес Качига-Калдар?» И утром нового дня, притянув трехцветную радугу, устремился по ней домой. Вот и родная тайга. Но где же белая юрта, где мать, где бесчисленный скот, где пес Качига-Калдар?

Тевене поставил шатер, коня отпустил пастись: пусть мудрый Демир-Шилги набирается свежих сил. Богатырь остался с красавицей. Но она ничего не ела и ни слова не говорила. И Тевене загрузил.

Однажды он шел по тайге. И почувствовал запах собаки. Он побежал на запах и, радостный, вдруг увидел: лежит в норе тарбагана его Качига-Калдар! Тевене взял на руки пса и принес в свой белый шатер. Но пес ничего не ел и ни слова не говорил. Лишь показывал лапой на пасть. «Ни красавица, ни собака не говорят со мной! Одинокий я человек!» — с грустью подумал силач. Вдруг сказала Терге-Кара:

— Посмотри-ка, из горла собаки черное что-то торчит. Потому она и молчит.

Тевене вытащил что-то черное из пасти умного пса. Пес сначала лаял, а вевшись, заговорил:

— Жестокий Кудун-Хулюк* с Худер-Хурен-конем* на нашу тайгу напал, разграбил родной аал. Он старую мать угнал и бесчисленный скот угнал. Он хотел убить воробьев, в которых твоя душа. Но я схватил воробьев и побежал на юг. Долго гнался за мной жестокий Кудун-Хулюк. Девять перевалов перешел, девять рек переплыл. Иногда он меня догонял и белой саблей рубил, бил по моей спине, когда меня наступал, но только мороз по мне, по шерсти моей пробегал. В озеро я вбежал и превратился в ленка, а он превратился в тайменя и гнался, гнался за мной! Я превратился в ворону и в верхний мир полетел, а он превратился в орла и крыльями засвистел. Вот-вот догонит меня... Но я завернул к земле. Я превратился в сурка и прятался среди них, но зоркий Кудун-Хулюк и там

меня разыскал! Я вернулся в наши места, на нашу Арзылан-Тайгу, и тут один тарбаган спрятал меня в норе. Там ты меня и нашел. Мне-то что, но ведь я, чтобы спасти воробьев, в которых твоя душа, с корнем вырвал косу, вырвал седую косу матери старой твоей!

— Я ему отомщу! — сказал Тевене-Мёге. — Он превратил в рабыню седую старую мать! Ну берегись, кулугур, жестокий Кудун-Хулюк!

И он, заскрипев зубами, стал собираться в путь.

— Слушай меня, жена, прекрасная Терге-Кара, слушай меня, мой пес, верный Качига-Калдар! Эту суму собрала для меня добрая мать. В этой суме оставляю для вас еду. Семь лет будете есть эту еду. Если за это время я сюда не вернусь — считайте, что я погиб и уже никогда не вернусь.

Он кликнул Демир-Шилги, и конь через миг прибежал. Богатырь доспехи надел, оседлал дорогого коня, взял свой жестокий лук и поехал по следу врага. Прячься, Кудун-Хулюк, если жизнь тебе дорога!

Молодая Терге-Кара не берегла еду. Кузнечикам, птицам, зверькам она раздавала еду. Всего три года прошло, а ей уже нечего есть! И загрустила она. Вспомнила свой аал, вспомнила свой табун. Она превратилась в ястреба и полетела домой. Вот и родная страна. Увидала Терге-Кара, что все здесь осталось, как было: стоят восемнадцать юрт, возле них — восемнадцать отар. Она превратилась в бабочку и летала-играла три дня.

А потом стала прежней красавицей молодая Терге-Кара и пришла к своему табунщику, к верному Даш-Кара*.

— Мы с тобою должны уйти от грозного Кавынды, угнать овец и коней, угнать на Арзылан-Тайгу. Там я теперь живу. Я — жена Тевене-Мёге. — Так сказала Терге-Кара и рассказала ему, каким путем уходить, как Арзылан-Тайгу разыскать.

«Я сегодня уйду от грозного Кавынды! Может, я вижу сон?» — так думал Даш-Кара. А когда наступила ночь, он погнал огромный табун и отару белых овец на юг, на Арзылан-Тайгу. Там он поставил юрту и на зеленых склонах пас несравненный сюжет.

Слушайте дальше. Богатырь Тевене-Мёге спешил по следам врага. И вот он увидел пепел из трубки Кудун-Хулюка. Этот пепел лежал, как отара серых овец. Богатырь подумал: «А если я выбью трубку свою?» Он выбил трубку, и оказалось, что пепел его лежит, как две отары серых овец! Скоро он увидал, что

там, где кричал Кудун-Хулюк, камни дробились в песок. Тевене подумал: «А если я попробую покричать?» Он крикнул, и дрогнули скалы вокруг и с грохотом рухнули вниз!

Он дальше поехал, и скоро конь, как вкопанный, встал и сказал:

— Хоть и добрый ты богатырь, да мало ума у тебя! Неужели мы въедем в аал врага такими, какие мы есть?

Тевене превратил Демир-Шилги в высохший конский навоз, себя превратил в стебелек ковыля и с ветром вперед полетел. Остановился у золотого колодца и решил подождать. И вот к колодцу его старая мать подошла, измученная седая и тощая мать силача Тевене. К одной руке ее прирос ковш, а к другой — кувшин. Вдруг она сказала:

— Я чувствую запах. Где ты, где ты, сынок?

Тевене принял свой прежний вид, стал Тевене-Мёге, невиданным силачом, кусок навоза превратил в коня и взлетел на вершину Хурен-Ала-Тайги*, которой владел его враг, жестокий Кудун-Хулюк. Грозным ревом Тевене прокричал:

— Эй, где ты, Кудун-Хулюк?! В юрте ты или в земле, выходи на бой, кулугур!!

Этот крик со свистом, как пуля, влетел в ухо врага, со свистом вылетел из другого уха и юрту его истряхнул!

— Такого бродягу к своему жилью я и близко не подпущу! Сейчас я выйду тебе навстречу. Посмотрим, кто победит!

— Чем будем драться — черным железом, что сделали кузнецы, или красными кулаками, что дали нам мать и отец? — спросил Тевене-Мёге.

— Будем драться и черным железом и красными кулаками! — ответил Кудун-Хулюк, и его багровые щеки стали белыми, как молоко.

Они решили сначала друг в друга стрелять. Кудун-Хулюк с утра до вечера, с вечера до утра натягивал тетиву и, вскрикнув: «Пронзи сердце-легкие Тевене!» — выпустил стрелу. Стрела попала в грудь Тевене и сломалась в трех местах. Силач превратил ее в целую и сказал:

— Возьми, кулугур, эту цепку назад, она пригодится тебе!

Стрелу он швырнул врагу и начал натягивать тетиву. Вскрикнув: «Пронзи сердце-легкие Кудун-Хулюка!» — выпустил он стрелу. Она пронзила и сердце и легкие лихого, злого врага и, вырвавшись из его спины, ринулась в верхний мир!

И крикнул Кудун-Хулюк:

— Ржавое железо не годится для боя! Попробуем кула-

ки! — Он начал натягивать черный содак из кож семидесяти лосей.

Богатыри, разойдясь в разные стороны света, начали танец орла *. Пока они танцевали, колебалась земля. Они прошли через три желтые степи, через три зеленые тайги. Тевене посмотрел на бедра Кудун-Хулюка: они дрожали и были похожи на два огромных белых горных хребта. Кудун-Хулюк посмотрел на бедра Тевене: они двигались, переваливаясь, и были похожи на два бурых горных хребта. Силачи сшиблись, как две скалы, схватились, как два верблюда, поглядывая друг на друга исподлобья, как два быка.

Неизвестно, сколько лет пронеслось. Зимы узнавали по инею, лето узнавали по росе. Мускулы Тевене-Мёге вскипели и стали тверже стали, а мускулы Кудун-Хулюка спикли, будто растаяли. Улучив момент, Тевене схватил врага ловкой хваткой и понес его над кудрявыми деревьями, под кудрявыми облаками и так его бросил, что всколыхнулось голубое небо, вздрогнула черная земля!

— Когда убивают скотину — кровь у нее берут. Когда убивают мужчину — слово у него берут! Говори свое слово, Кудун-Хулюк!

— Езди на моем коне, как на своем. Береги моего коня, как своего! — сказал поверженный богатырь.

Тевене его мясо от костей отодрал и по всей земле разбросал, чтобы птицы съели его. А кости его спалил на костре и пепел разбросал по степи.

— Еще одного врага победил, — сказал Тевене. — Грабил меня лишь Кудун-Хулюк, слуги его ни при чем. Их не буду я убивать. Я их возьму себе.

И он погнал всех слуг и весь скот. Впереди поехала мать. На полпути сказал Тевене:

— Я поеду вперед. Там, где будет черта вдоль пути, двигайтесь ночью и днем. Там, где будет черта поперек, можете отдыхать.

И он умчался к родной тайге, вспоминая Терге-Кара. Подъехав близко к своей земле, вдруг увидал богатырь, что склоны зеленой его тайги покрыты чужим скотом. Он рассердился и закричал:

— Кто занял мою тайгу? Кто поселиться на ней посмел? Кто так силен и смел?

Услышав сердитый крик Тевене, красавица Терге-Кара превратила в ветку священного дерева табувщика Даш-Кара.

Сама она стала невидимой и стала ждать Тевене. Богатырь подошел к священному дереву и увидел, что оно стало еще пышнее, чем было когда-то давно. И решил Тевене-Мёге: «Если бы враг сюда приходил, он бы его спалил. А если ветки его расцвели — значит, друзья пришли!» И вдруг Тевене почувствовал запах прекрасной Терге-Кара.

— Где ты? Куда ты спрягалась? — крикнул ей богатырь.

Терге-Кара приняла свой облик и рассказала богатырю, что за три года съела припасы и поэтому привела свой скот.

— Вот он, пасется на склонах Арзылан-Тайги. Я испугалась гнева твоего, Тевене, и спрягала табуницка в дерево, чтобы ты его не убил.

— Зачем человека в дерево прятать? — сказал Тевене. Он плетью ударил по дереву, и на землю упал Даш-Кара.

Богатырь отпустил коня — пусть набирается сил. Скоро к Арзылан-Тайге прикочевал аал — скот, люди и слуги убитого силача. Старшую его жену Тевене отдал старику, табуницку Даш-Кара. Дужуметов сделал табуницами, а табуницков — дужуметами. И пошла спокойная жизнь.

Но вот однажды красавица говорит:

— Если мой отец, жестокий хан Кавынды, выскочит из-под земли в нашем шатре — не миновать беды! Но если он придет по земле — ты его победишь.

Тевене на юг перекочевал, на новом месте поставил аал. Жестокий хан Кавынды вышел из-под земли в том самом месте, где раньше стоял шатер. Удивленный хан огляделся. Но пусто было вокруг. Не было даже вороны, чтоб каркнуть, не было даже сороки, чтоб прокричать. Конь его, Кан-Хурен*, говорит:

— Тевене поселился на южном склоне Арзылан-Тайги. Надо найти богатыря, надо сразиться с ним.

Через миг хан Кавынды был на том склоне тайги, у шатра Тевене-Мёге.

— Ты жив или мертв, Тевене? В юрте ты или в земле? Выходи на бой, кулугур! — И подбежал к дверям. — Живым останься или умру, но хоть раз взгляну на Терге-Кара!

Но богатырь в юрту его не впустил.

— Встретимся в желтой степи! — крикнул ему Тевене.

И вот в длинной желтой степи каждый натянул на себя черный крепкий содак. Разойдясь в разные стороны света, они начали танец орла. Пока они танцевали, колебалась наша земля. Тевене-Мёге посмотрел на хана Кавынды. Бедра его были по-

хожи на две горы. А спина похожа была на огромный овраг. «Да, трудный па этот раз мне попался враг!» Они сшиблись, как две скалы, схватились, как два быка. Неизвестно, сколько лет пронеслось в борьбе. Зиму узнавали по инею, лето узнавали по росе. Хан Кавынды хотел ударить Тевене ногой и забросить в небо, но Тевене был увертлив, как коршун. И вот из подмышек хана начала падать пена хлопьями величиной с овцу.

— Что это с тобой? — спросил Тевене-Мёге.

— Когда разгуляется тело мужчины, бывает так! Теперь держись, кулугур!

Скоро кожа Тевене-Мёге стала красной от темени до груди.

— Что это стало с тобой? Даже рукам горячо! — крикнул хан Кавынды.

— Когда разыграется кровь мужчины, бывает так! Теперь берегись, кулугур! — Он схватил хана ловкой железной хваткой и над черными тучами потанцевал, под белыми облаками закружил и так его стукнул о землю, что гром пронесся по небу, толчки прошли по земле.

Тевене вытащил огромную трубку, набил ее красным табаком, выкурил неспеша и выбил пепел на белую ханскую грудь.

— Когда убивают скотину — кровь у нее берут. Когда убивают мужчину — слово у него берут! Говори свое слово, хан Кавынды!

— Я провинился перед тобой. Что хочешь, делай со мной. Только коня моего береги, как лихого Демир-Шилги! Да семнадцать нежных моих дочерей береги, как Терге-Кара.

Тевене разорвал его на куски, а куски разбросал по земле.

«Пусть птицы едят их да муравьи!» А кости спалил дотла.

— Еще одного врага одолел! — сказал Тевене-Мёге. Он сел на могучего Демир-Шилги, а Кан-Хурена повел на поводу. Дома спать лег богатырь на месяц, на тридцать дней. Но он совсем немного проспал и услышал громовой крик.

— Ты жив или мертв, Тевене? Выходи на бой, кулугур!

Это кричал ханский меткий стрелок, тот самый, который натягивал черный жестокий лук, пока вероломный хан поил Тевене аракой. Тевене-Мёге выбежал из шатра и пошел навстречу стрелку. А тот уже натянул тетиву, чтобы сердце-легкие Тевене пронзить.

— Кто будет первым? — спросил ханский стрелок.

— Пусть даже ты! — ответил ему богатырь.

Стрела стрелка попала в грудь Тевене, отскочила и прямо

в черную землю ушла. Стрела Тевене пронзила стрелка насквозь и, сталью блеснув, ринулась в верхний мир.

— Еще одного врага усмирил! — сказал богатырь Тевене.

Он вернулся домой и снова заснул долгим и крепким сном. И вдруг сквозь сон услышал богатырь тонкий протяжный крик:

— Где ты, в юрте или в земле? Выходи на бой, Тевене! Что ты хочешь — черное железо или красный кулак? Где ты, проклятый враг?

— Кто ты, сынок с нежным голоском?

— Я сын злосчастливого Кавынды-хана, который жил в северной части земли. Я — Сайин-оол-Мёге * с Тайга-Сарала-колем!

— Конечно, сынок, лучше сразиться на кулаках.

Сайин-оол стреножил коня, натянул содак. Тевене тоже надел содак и вдруг увидал, что слишком велик ему черный крепкий содак. Оказалось, что тело его похудело, стало маленьким огромное тело.

Они схватились, как две стальные скалы. Неизвестно, сколько лет боролись они. Где горы стояли, там стала ровная степь, где были степи, там появились моря. Тевене хотел закинуть противника в небо, но тот был ловок, как коршун, увертлив, как ястреб. И вот на одно мгновение Сайин-оол ступил на такое место, где было ему легко. Он сразу оторвал Тевене-Мёге от земли, закружил в небесах, ударил о землю и последнее слово спросил.

— Похорони меня на склоне Арзылан-Тайги, под священным деревом, которое пышно цветет, — попросил Тевене.

— Нет, я вырою пропасть глубиной шестьдесят саженей и брошу тебя туда, а сверху прикрою горой!

Он выкопал пропасть глубиной шестьдесят саженей. И вдруг пополам разделился богатырь Тевене-Мёге. Сайин-оол бросает в пропасть грудь, но вылезают ноги, он бросает в пропасть ноги, но вылезает грудь! И вот сто восемь костей Тевене побежали в сто восемь сторон! Сайин-оол бросился их собирать. «Если оставлю одну лишь кость, она превратится в злого, безжалостного врага».

«Хозяин мой дерется до последних костей. Что же я стою и смотрю?» — подумал Демир-Шилги. И, путы железные разорвав, он подбежал к врагу и так копытом его лягнул, что разрубил пополам. Конь Сайин-оола Тайга-Сарала к хозяину подбежал, обе половинки зубами схватил и поскакал домой. Демир-Шилги устремился влед. Но тот был уже у реки, он пре-

вратился в рыбу. Но и в воде догоняет Демир-Шилги. Тайга-Сарала птицей взмыл и принес Сайин-оола домой. Семнадцать красавиц оживили его.

Слушайте дальше. Терге-Кара услышала шум и выглянула из дверей. К шатру шагали целочкой, шагали одна за другой сто восемь костей Тевене! Красавица быстро их собрала, отнесла в шатер, превратилась в сильного серого ястреба с головой коня и устремилась в верхний мир. Там в лесу она встретила одинокого старика. Она содрала с него мясо, превратила его в пятнадцатилетнего мальчика, вернулась на землю и опустилась у своего шатра. Кости Тевене она скрепила этим мясом, и стал Тевене двадцатипятилетним богатырем!

— Ба! Как долго я спал! — воскликнул он и на крепкие ноги вскочил.

А Сайин-оол-Мёге вернулся, чтобы уничтожить сто восемь костей Тевене, и увидел, что тот стал двадцатипятилетним богатырем. Они схватились. На этот раз победил Тевене.

Он пригнал на Арзылан-Тайгу весь скот, всех слуг, всех людей злобного Кавынды. И началась спокойная жизнь.

И вот наконец Терге-Кара мальчика родила. Рыжая кобыла в тот же день трех жеребят принесла.

Среброгрудый мальчик за день вырастал, как за год. А через восемнадцать дней стал восемнадцатилетним богатырем. На охоте он убивал самого серого из волков, самого черного из соболей, самую красную из лисц.

Однажды он услышал разговор матери и отца.

— Наш сын стал могучим богатырем. Равного ему не найти. На юге, где сливаются небо с землей, живет Кошкар-Баштыг-хан *, владеющий Хорумнуг-Ала-Тайгой *. Есть у него красавица дочь Узуп-Назын *. Думаю, что она могла бы сыну нашему подойти. Но их земля слишком далеко. — Так говорила Терге-Кара.

Юный сын вошел и сказал:

— Нет земли, куда не добрался бы человек! Я поеду сейчас! Но отец его, Тевене-Мёге, сказал:

— Не спеш, сынок. У тебя еще даже имени нет, даже материнское молоко не обсохло на твоих губах.

Назавтра Тевене собрал мудрецов и мергенов своей земли. Но ни один из них не решился дать имя богатырю. И тогда из толпы вышли седая старуха и белоголовый старик.

— Если никто не решается дать достойное имя богатырю, мы согласны, если позволите — мы его наречем, — сказали они.

— Тому, кто даст достойное имя нашему сыну, мы выделим скот из своего скота, добро из своего добра, — ответил Тевене-Мёге.

— А что, если назвать его Дем-Тээли с конем Хан-Шилги *? — предложили старики.

Обрадовались доброму имени мать и отец и дали награду старухе и старику.

— Имя у сына есть. Но где взять коня Хан-Шилги? — спросил Тевене-Мёге. — Ведь наш сын садился уже на многих коней, и у любого из них сразу ломался хребет.

— Да, среди ваших коней нет коня, который мог бы везти меня! — подтвердил сын-богатырь.

И сказала Терге-Кара:

— Младший из трех жеребят рыжей кобылы быстрее других растёт. Думаю, сын мой милый, жеребенок тебе подойдет.

— Куда уж там жеребенку, если взрослые кони не могут меня везти! — рассмеялся сын-богатырь. Но все-таки взял аркан и пошел к табуну. На рыжего жеребенка набросил аркан, и жеребенок пустился вскачь. Через девять перевалов, через девять рек богатыря за собой проволока. А потом голову повернул назад и дружелюбно сказал:

— Я вижу, ты сможешь ездить на мне.

— А ты, я вижу, сможешь меня носить, — ответил юный силач.

Дем-Тээли взял у отца узду и седло. А когда оседлал жеребенка — тот стал Хан-Шилги-конем. Дем-Тээли надел долговечные идики, доспехи и стал молодцем, с которым сравниться не мог ни один богатырь.

Мать Терге-Кара на дорогу сказала ему:

— Сын, на чужой земле тебя ждут три беды. Вот тебе шелковые кадаки и шелковые олбуки трех цветов.

Дем-Тээли вскочил на коня Хан-Шилги и полетел на юг. Расстояние в годы езды — за месяц конь пролетал, расстояние в месяц — за день одолевал. Низкие горы лежали — конь по гребням бежал. Высокие горы вставали — конь по склонам скакал. Но вот он замер, вдаль посмотрел и сказал:

— Хоть и храбрый ты богатырь, да мало ума у тебя. Тот, кто отправился в дальний путь, должен смотреть вперед. Как ты думаешь, что это черное там впереди?

— Наверное, это гора.

— Это могучий Демир-Мёге *, сын небес, силач среди силачей.

Черный человек на черном коне увидал, что ему не уйти. Он остановился, и тут к нему подлетел Дем-Тээли-силач.

— Я из северной стороны. Я родом с Арзылан-Тайги. Отец мой — Тевене-Мёге с конем Демир-Шилги! Я — Дем-Тээли с конем Хан-Шилги! А ты, отвечай, кто такой? Откуда едешь, куда спешешь?

Но черный человек промолчал.

— Если имени не назовешь — просто так от меня не уйдешь!

Черный человек решил имя свое назвать. Думал он именем грозным богатыря испугать.

— Я Демир-Мёге, живущий в бесцветном небе. Ездил я к тестю, Кошкар-Баштыг-хану. Теперь возвращаюсь домой.

— Как же ты говоришь, что хан — твой тесть? Узун-Назын-красавицу сосватаю я! — крикнул Дем-Тээли и поскакал вперед.

Демир-Мёге подумал, коня повернул и поскакал за ним.

Вот и аал Кошкар-Баштыг-хана. В паршивого жеребенка Дем-Тээли превратил коня, а сам превратился в мальчишку в лохмотьях и пошел по ханской земле. Жеребенка у ханской юрты он привязал и в юрту вошел, но не в дверь, а с другой стороны. Хан увидел его, удивился и закричал:

— Ты падаль земная или гниль водяная? Откуда ты взялся, ответь?

Мальчик поднял на хана глаза, но ни слова не произнес.

— Подайте сыворотки ему да гоните скорее прочь! — орал рассерженный хан.

Две служанки сыворотку принесли. Огромную чашу мальчик выпил одним глотком. И продолжал стоять. Они принесли еще одну чашу. Он выпил ее и ушел. В поисках ханской дочери все юрты он обошел, но нигде ее не нашел. И вот забрел в дымный ободранный чум. Там он увидел старуху со стариком. Паршивая желтая девочка сидела около них. Дем-Тээли хотел было выйти, но старик проговорил:

— Никто не заходит в наш старый ободранный чум. Уж раз ты зашел — сиди, угощайся, сынок.

Дем-Тээли взглянул на еду, которую дал старик. Черное сажу она показалась ему, но когда попробовал — оказалось, очень вкусна. После еды захотелось ему поспать. Старуха сказала:

— Укрой-ка, дочка, бедного парня, с дороги он, видно, устал.

Когда Дем-Тээли ложился, у него из-за пазухи выпала трубка с серебряным ободком. Девочка долго смотрела на трубку, а потом ее подняла.

Проснувшись, Дем-Тээли увидел, что желтая паршивая девочка превратилась в красавицу, излучавшую свет луны. Увидев, что гость проснулся, она улыбнулась, сияющими зубами сверкнув, и сказала ему:

— Это — не простая трубка, и вы — человек не простой. Я — дочь Кошкар-Баштыг-хана, Узун-Назын. За мной приходила, наверное, тьма богатырей. Когда приехал за мной грозный Демир-Мёге с тридцати трех небес, я спряталась от него в этот ободанный час.

Мальчик снова заснул. А проснувшись, он увидал, что лежит в золотом дворце. И стал он с ясной красавицей жить-поживать.

Вскоре хан пригласил Дем-Тээли к себе. Богатырь пришел, поздоровался с ханом и ханшей и увидал, что голова у хана похожа на голову барана, а рядом с ханом сидит грозный черный силач, сын неба, Демир-Мёге. Кошкар-Баштыг-хан спросил:

— Откуда ты пришел и зачем?

— Я пришел за твоею дочерью, за красавицей Узун-Назын, — ответил силач.

— Завтра ты должен пойти к черной скале, — сказал лупоглазый хан, — сделать черную надпись и мне принести.

Хан и Демир-Мёге договорились так: когда Дем-Тээли придет к черной скале, Демир-Мёге притянет черную тучу и черной молнией расплавит богатыря вместе с черной скалой.

Назавтра Дем-Тээли отправился к черной скале. Он вспомнил добрую мать, вспомнил про три беды. У черной скалы он вытащил черный кадак, сел на черный олбук и начал на черной скале черную надпись писать. В полдень черная туча повисла над ним, и черные молнии с шумом ринулись вниз. Они быстро расплавили все, что было вокруг. Не попадали они лишь в черный кадак и в черный олбук. Вскоре черная туча растаяла, стало светло. Дем-Тээли сделал черную надпись на черной скале, собрал все черные молнии-стрелы и к хану пришел.

— Вот вам черная надпись, — сказал богатырь. И добавил: — В нашей стране из туч проливается дождь, а в вашей — черным железом тучи полны! — И бросил к ханским ногам пачку черных железных стрел.

Демир-Мёге к хану пришел и со смехом сказал:

— Наверное, кулугур расплавился вместе с черной скалой!

— Что ты мелешь! — хан ему закричал. — Кулугур принес черную надпись на черной скале и принес все твои стрелы-молнии. Он сказал: «В нашей стране из туч проливается дождь, а в вашей — черным железом тучи полны!» Завтра я отправлю его к красной скале, а ты закидай его красными молниями и снами!

Назавтра Дем-Тээли отправился к красной скале. Он вспомнил добрую мать, вытащил красный кадак, сел на красный олбук и начал на красной скале красную надпись писать. В полдень красная туча повисла над ним, и красные молнии с шумом ринулись вниз. Они сразу расплавили все, что было вокруг. Не попали они лишь в красный кадак и в красный олбук. Вскоре красная туча растаяла, стало светло. Дем-Тээли сделал красную надпись на красной скале, собрал все красные молнии-стрелы и к хану пришел.

— Вот вам красная надпись, — сказала богатырь. И добавил: — Сегодня красным железом были тучи полны. — Бросил к ханским погам пачку красных железных стрел и опять ушел к милой Узун-Назын в золотой дворец.

Демир-Мёге пришел из нижнего мира и со смехом сказал:

— Наверное, кулугур расплавился вместе с красной скалой!

— Что ты мелешь! — закричал рассерженный хан. — Кулугур принес красную надпись на красной скале и принес твои стрелы-молнии. Он сказал: «Сегодня красным железом были тучи полны».

— Отправь его завтра к белой скале, — посоветовал злобный сплач. — Перед белыми молниями кулугуру не устоять. Уж завтра от молний ему не уйти, смерти не миновать!

Назавтра Дем-Тээли отправился к белой скале. Он вспомнил добрую мать, вытащил белый кадак, сел на белый олбук и начал на белой скале белую надпись писать. В полдень белая туча повисла над ним, и белые молнии с шумом ринулись вниз. Они мгновенно расплавили все, что было вокруг. Не попали они лишь в белый кадак и в белый олбук. Вскоре белая туча растаяла, стало светло. Дем-Тээли сделал белую надпись на белой скале, собрал все белые молнии-стрелы и к хану пришел.

— Вот вам белая надпись, — сказал богатырь. И добавил: — В нашей стране тучи бьют белым градом, а в вашей — белым железом. Страшная ваша страна! — Он бросил к хан-

ским ногам пачку белых железных стрел и пошел в золотой дворец.

Демир-Мёге прибежал и со смехом сказал:

— Уж теперь-то кулугур расплавился вместе с белой скалой!

— Кулугур как ни в чем не бывало белую надпись принес! — крикнул Кошкар-Баштыг. — Ты ни на что не годишься! Я сам кулугура убою!

Он пригласил бедного парня и приказал:

— Сиди до полудня в черной пещере, которая в той скале.

Дем-Тээли пришел в пещеру и увидал, что Кошкар-Баштыг устремился по радуге в небеса. Тогда он вырвал кусок скалы, положил его у входа в пещеру, накрыл халатом и спрятался невдалеке. Кошкар-Баштыг превратился в трехглавого змея и со свистом ринулся вниз. Бараньей своей головой он так глыбу боднул, что она расплавилась вмиг. И тут Дем-Тээли на шею ему вскочил.

— О сынок, — взмолился Кошкар-Баштыг, — умоляю тебя, никому, никому на свете не говори, что на ханской шее сидел! С черной душой говорил я с тобою, сынок. В черную пещеру послал — хотел я тебя убить. Все, что захочешь, теперь отдам, клянусь, только молчи!

Назавтра хан пригласил Дем-Тээли и Демир-Мёге.

— Силой решайте спор, попробуйте кулаки, — сказал им Кошкар-Баштыг.

Богатыри договорились: никого на помощь не звать — ни коня, ни отца, ни мать. Дем-Тээли тремя железными путами спутал коня. И началась борьба. Неизвестно, сколько дней боролись они. Хан каждое утро добавлял силы Демир-Мёге. Он превращал барана в лодыжку и давал проглотить силачу. Узун-Назын-красавица узнала об этом и решила Дем-Тээли помочь. Каждое утро она убивала черного быка, превращала его в коленную чашечку и давала богатырю проглотить.

И вот Дем-Тээли схватил Демир-Мёге, закружил его под белыми облаками и бросил на черную землю, а потом сел на его белую грудь, огромную, как сундук, вытащил трубку и закурил красный табак. В это время Демир-Мёге закричал:

— Где ты, небо-отец, где ты, земля-мать, где вы? Я побежден!

Дем-Тээли, усмехнувшись, сказал:

— Хороший мужчина клятвы не нарушает, от слова не отступает, даже если смерть подошла. Ведь мы договорились:

никого на помощь не звать.— И вытряхнул пепел из трубки в глаза врагу.

Демир-Мёге диким голосом заревел. А Дем-Тээли сказал:

— Если ты на помощь мать и отца позовал, я позову на помощь коня моего, Хан-Шилги.— И кликнул коня.

Крик Дем-Тээли пулей в ухо коня влетел, пулей вылетел из другого уха, и конь решил: «Видно, туго пришлось хозяину, видно, встретился он с бедой». Трижды перевернулся могучий конь, тройные пути порвал и прибежал к борцам.

— Что ж ты кричишь в меня зовешь, ты ведь клятву давал! — еще издали крикнул конь.

Дем-Тээли ему обо всем рассказал и вытащил белый кадак.

— С теми, кто с неба придет, сражайся ты. С теми, кто придет по земле, буду сражаться я,— сказал Хан-Шилги.

На небе сгустились белые тучи, и белые молнии с шумом ринулись вниз. Дем-Тээли вмиг расстелил свой белый кадак, сел на белый олбук и стал неуязвим. И небо-отец по ошибке пробил своей белой молнией сына Демир-Мёге.

Дем-Тээли пришел к Кошкар-Баштыг-хану, прогнул ему кусок серебра с голову волка и кусок золота с голову коня и сказал:

— Теперь позвольте, мой тесть, взять то, что я так долго искал.

Кошкар-Баштыг-хан ответил:

— У хорошего коня смотрят бег, у хорошего зятя смотрят силу. Эрлик-Ловун-хан, хозяин нижнего мира, взял у меня однажды вечные черные идвки, шелковый черный халат, черный жестокий лук и черный огромный нож. Принеси мне все эти вещи и красавицу дочь забирай!

Дем-Тээли пришел к Узун-Назын-красавице и обо всем рассказал.

— Неумиравший — теперь ты умрешь, негаснувший твой огонь погаснет,— сказала она.— Ни один, приходивший к Эрлик-Ловун-хану, не возвращался назад.

— Пусть я погибну, но я поеду,— сказал богатырь.

Узун-Назын-красавица в дорогу его собрала. Она дала ему мешочек бабок, мешочек сухожилий и мешочек сушеных глаз. В начале месяца, в начале дня он сел на коня Хан-Шилги, и конь устремился вперед. Грива его, как знамя, развевалась на быстром ветру.

— Где ты, нижний мир?! — кричал богатырь.

И вот наконец остановился могучий конь. Дем-Тээли огля-

делся и увидел, что нет здесь красного солнца, которое светит, нет здесь желтой луны, которая блещет, и нет ни одного живого существа. Вокруг была только земля. Холодная, черная земля. Это и был темный мир, это и был шижний мир. Дем-Тээли поехал вперед. И снова встал Хан-Шилги. Дем-Тээли вокруг посмотрел. Травы, леса и воды — все источало яд. И вдруг два голых мальчика выскочили, крича:

— Сейчас поиграем в бабки костями хозяина и коня!

Дем-Тээли швырнул им мешочек бабок, и они закричали вслед:

— Пусть всю дорогу идет удача рядом с тобой!

Но вот две желтые девочки выскочили, крича:

— Вытянем сухожилия у хозяина и коня!

Дем-Тээли швырнул им мешочек сухожилий, и они закричали вслед:

— Нам никто ничего не давал, а он сухожилия подарил!

Пусть удача идет рядом с ним!

Но вот два ворона вылетели, крича:

— Выключем глаза у хозяина и коня!

Дем-Тээли швырнул им мешочек сушеных глаз. И вот дворец Эрлик-Ловун-хана. Богатырь вошел и сказал:

— Мой тесть, хан Кошкар-Баштыг, отдал однажды тебе вечные черные идики, шелковый черный халат, черный жестокий лук и черный огромный нож. Теперь я за ними приехал. Отдай их мне!

Эрлик-Ловун-хан засмеялся тихо — и обрушились скалы вдали. Эрлик-Ловун-хан засмеялся громко — и трещины пошли по земле.

— Да, — сказал он, — я должен все эти вещи. И я их отдам. Но ты мне отдай коня.

Дем-Тээли отдал коня и пошел домой. Он шел и шел, а выбраться из нижнего мира никак не мог. И тогда он заплакал, вытер слезу, бросил ее и сказал:

— Если думает конь обо мне — слеза заденет его.

Слезка попала коню на нос. И подумал тогда Хан-Шилги: «Хозяин бедствует без меня. Слезы в дороге злет». И он пути свой разорвал и стал перед богатырем.

Дем-Тээли вскочил на коня, и конь быстро к Кошкар-Баштыг-хану его принес. Богатырь закричал:

— Вот вам вещи, которые отдал Эрлик-Ловун-хан! Теперь отдавайте красавицу!

Хан не смог ничего придумать и отдал прекрасную дочь.

Дем-Тээли ее забрал и вернулся домой. Отец и мать их радостно встретили и устроили шумный пир.

А потом богатырь отпустил коня своего пастись, набираться сил, а сам лег спать-отдыхать. Но скоро он услышал, что будит его Хан-Шилги. Над землей раздавался крик:

— Я — живущий на Ак-Тайге Авыда-Мёге * с Ак-Бора-копом *! Где ты, Дем-Тээли, сын Тевене-Мёге? В юрте ты или в земле? Я — брат Кудун-Хулюка и пришел за него отомстить!

Дем-Тээли вскочил, натянул содак и вышел из юрты, исполняя танец орла. Богатыри сшиблись, как две скалы. Звезды неба посыпались на землю, пыль земли поднялась до небес. Улучив момент, ловкой хваткой Дем-Тээли схватил врага, понес под небом и на землю швырнул.

— Говори последнее слово свое, кулугур!

Авыда-Мёге закричал:

— Пощади мою жизнь, я согласен быть пастухом! Давай будем братьями, я буду тебе служить! Мне отец завещал с хорошим товарищем подружиться!

Дем-Тээли взял клятву у Авыда-Мёге и отправился спать-отдыхать. Но и девяноста дней не проспал, как снова крик услышал.

— Я — живущий на Кёк-Тайге * Когедек-Мерген * с Кёк-Бора-копом *! Кулугуры убили старших братьев моих. Я пришел за них отомстить!

Дем-Тээли опять натянул содак из шкур шестидесяти лосей.

Когедек-Мергена он победил и последнее слово спросил. И тот поклялся ему служить, братом поклялся быть. Дем-Тээли пошел на Арзылан-Тайгу и под священным деревом лег спать-отдыхать.

Через три месяца он проснулся, услышав ураганный свист. Оказалось, с неба спускались Терге-Кара-мать и Узун-Назын-красавица, превратившиеся в ворон.

— Зря ты врагам доверился, — сказали они. — Клятвенные братья твои нарушили клятву, угнали и скот и людей. В оба глаза твоего отца, Тевене-Мёге, они воткнули стальные иглы, сбросили старика в яму глубиной шестьдесят саженей, а яму прикрыли скалой... Мы превратились в ворон и этим спаслись.

Дем-Тээли схватил аркан длиной шестьдесят саженей и достал из ямы отца. Вместе они поскакали по следам коварных врагов. Скоро они настигли богатырей, угоняющих скот. Дем-Тээли одним ударом кнута обоих убил. И пожалел, что сразу

убил, надо было последнее слово спросить. И сказал богатырь отцу:

— Я поеду в их земли, пригоню их скот и людей.

— Разве мало тебе своего скота? Поедем лучше домой,— сказал Тевене-Мёге.

— Нет, я поеду,— сказал непокорный сын.

Целый год прошел, а его все нет. И тогда при помощи волшебства увидала Узун-Назын, что Дем-Тээли приехал к жене Авыда-Мёге, к прекрасной Майдыр-Хува. Он пленился ее красотой и долго с ней жил. Но вот опомнился и поехал на стойбище Когедек-Мергена. А там пленился его женой, прекрасной Чанчин-Хува. Он позабыл и отца, и мать, и даже Арзылан-Тайгу.

Это все увидала Терге-Кара в вещем волшебном сне.

Узун-Назын-красавица рассердилась на богатыря, обернулась ястребом и полетела к нему. И увидела, что Дем-Тээли ездит от одной красавицы к другой и вовсе не думает возвращаться домой. Тогда она стащила его черный жестокий лук, приняла свой настоящий вид и начала натягивать тетиву — целиться сразу в тронх. Мудрый конь Хан-Шилги об этом узнал и хозяину закричал:

— Дем-Тээли, с ума ты, что ли, сошел? Где твой жестокий лук? Неужели ты хочешь, чтобы тебя убила Узун-Назын? — Мудрый конь не знал, куда голову девать от стыда.

Красавица успокоилась и сказала богатырю:

— По глупости по своей ты оставил Арзылан-Тайгу, землю свою забыл. Гуляешь то там, то тут. Не замечаешь, как годы идут. Если снова будет такое — я не останусь с тобой! — И она опять обернулась ястребом и улетела домой.

Дем-Тээли опомнился и вместе с красавицами погнался к Арзылан-Тайге и скот и людей. На полпути сказал богатырь:

— Я поеду вперед. Там, где вдоль будет черта, двигайтесь почью и днем. Там, где будет черта поперек, можете отдыхать.

И он умчался к родной тайге. Дома родителям клятву дал, что такого не повторит.

Слушайте дальше. Тевене-Мёге постарел. Он взошел на вершину Арзылан-Тайги и заснул навсегда. Терге-Кара решила, что нечего делать ей в этом мире без Тевене, и отправилась в верхний мир.

Однажды, когда Дем-Тээли был на охоте, Узун-Назын-красавица сына ему родила. Майдыр-Хува и Чанчин-Хува позавидовали Узун-Назын и решили сына убить. Они украли золото-

грудого мальчика и бросили в морскую глубину. А потом взяли собачий помет, который прел девять лет, и стельки девяти старых идиков, размешали все это в воде и облили водой красавицу Узун-Назын. И она превратилась в глупую женщину, потеряла все свои волшебства!

Когда Дем-Тээли вернулся, Майдыр-Хува и Чанчин-Хува сказали ему:

— Твоя жена шулбусами рождена. Недавно она родила странное существо. Сходства с ребенком не было у него. Мы решили, что от этого существа не будет добра, и бросили его в морскую глубину. А жена твоя после родов перестала слова говорить, перестала слова понимать. Сидит, как истукан.

Дем-Тээли поверил им. Он дал жене одну корову и одну служанку и оставил ее на Арзылан-Тайге, а сам со скотом и людьми откочевал из своей страны.

Однажды служанка увидела над морем зарю. Она поняла, что это — лучи сына ее госпожи, красавицы Узун-Назын. И она решила избавить свою госпожу от колдовства злых красавиц Майдыр-Хува и Чанчин-Хува. Она три дня и три ночи отмывала Узун-Назын девятью аржанами из девяти сторон. И наконец красавица обрела свой ум и свои волшебства. Вместе смеялись они, вспоминая хорошие дни, вместе плакали, вспоминая плохие дни.

Узун-Назын-красавица при помощи волшебства узнала, что Майдыр-Хува и Чанчин-Хува облили ее собачьим пометом, который прел девять лет, а золоторудого сына ее бросили в морскую глубину. Далай-хан * воспитал ее сына, как своего.

Узун-Назын-красавица превратилась в золотую рыбку, приплыла к Далай-хану и попросила сына назад. Далай-хан отдал красавице сына и подарил прозрачный алмаз, излучающий солнечный луч.

На берегу Узун-Назын положила алмаз под голову, а проснувшись, она увидела, что лежит в золотом дворце.

Сын ее каждый день уходил на охоту и каждый день приносил зверей. Однажды красавица ему принесла черный жестокий лук деда его Тевене-Мёге, а потом пошла к Далай-хану и попросила дать сыну имя, достойное богатыря.

— Пусть зовут его Кучуту-Мерген * с Хулер-Хурен-конем, — сказал Далай-хан.

— Это очень хорошее имя, — сказала Узун-Назын, — но где взять Хулер-Хурен-коня?

— В верхнем мире гуляет Хулер-Хурен-конь. Его отпустил

туда набираться сил дед Кучуту-Мергена, Тевене-Мёге. Это — конь Кудун-Хулока, которого победил Тевене.

Кучуту-Мерген кликнул коня, и Хулер-Хурен, резвясь и играя, к нему прилетел. Парень взял черный жестокий лук деда своего Тевене и поехал охотиться на Арзылан-Тайгу. Как солнце сияло его лицо, и как два солнца сияли глаза коня. Когда он выехал на вершину тайги, Дем-Тээли издала увидала лучи и подумал: «Откуда взялись эти три солнца над моею Арзылан-Тайгой?» И поскакал к тайге. Оказалось, какой-то парень сидит на могучем коне. Дем-Тээле ему закричал:

— Как тебя зовут, отвечай, кулугур! Откуда ты и зачем пришел?

Кучуту-Мерген рассердился, подлетел к нему, стащил с седла и сильно прижал к земле.

— Отпусти меня, умираю! — с мольбой закричал богатырь.

Кучуту-Мерген отпустил и имя его спросил.

— Я — живущий на Арзылан-Тайге Дем-Тээли, сын Тевене-Мёге. А ты?

— А я — живущий на Арзылан-Тайге сын Дем-Тээли и Узун-Назын, Кучуту-Мерген с Хулер-Хурен-конем!

Дем-Тээли выслушал сына и понял, как коварны и злы были красавицы Майдыр-Хува и Чапчин-Хува. Он так рассердился, так зубами заскрежетал, что чуть их не раскрошил! И он поскакал к своим семи табунам, поймал семь самых резвых коней, привязал к ним красавиц Майдыр-Хува и Чапчин-Хува и пустил их в степь. А потом перекочевал на речную Арзылан-Тайгу. Около золотого дворца Узун-Назын-красавицы поставил свой белый шатер. Вместе смеялись они, вспоминая хорошие дни, вместе плакали, вспоминая плохие дни. Они радовались, что сын Кучуту-Мерген так силен, что равного ему ни в верхнем, ни в нижнем мире не отыскать. И они стали думать о невесте, которая была бы достойна его. Но ничего не придумали и пошли к Далай-хану спросить, где живет невеста, достойная богатыря.

Далай-хан сказал:

— На далеком юге есть страна, где золотое солнце не скрывается никогда. Там, на берегу золотого моря Алдын-Далай *, в блаженстве живет Ус-хан *. У него есть дочь Алдын-Эртинэ *. Этому хану я отдал суй-белек.

Слушайте дальше. В начале месяца, в начале хорошего дня Кучуту-Мерген оседлал Хулер-Хурен-коня и как ветер помчался на юг. Неизвестно, сколько времени он скакал. Однажды

он попал в такую страну, где пауки были ростом с юрту, а жуки — ростом с быка. Наконец он приехал в страну, где вечное солнце не пряталось никогда. На берегу золотого моря стоял золотой дворец. Кучуту-Мерген вошел во дворец.

— Уже два года мы тебя ждем,— сказал богатырю Ус-хан.— На дне моря стоит золотая башня, ее охраняет огромный сиво-серый бык. Вот записка. Покажешь ее быку.

Богатырь опустился на морское дно и показал записку быку. Бык пропустил его в золотую башню. Там сидела красавица Алдын-Эртине. Она обрадовалась, увидев Мергена, и начала собираться в путь.

Вместе они пришли к Ус-хану. Хан выделил им тьму скота, подарил железное войско в золотом сундуке и проводил домой.

Кучуту-Мерген с красавицей приехали на Арзылан-Тайгу, туда, где жили отец и мать — Дем-Тээли и Узун-Назын. И стали они жить спокойно и счастливо на родной земле.

2. БЕССТРАШНЫЙ ХАН-ХУЛЮК

Раньше раннего, древнее древнего жил добрый богатырь Хан-Хулюк *. Стойбище его простиралось между скалами Чангыс-Хая и Чавыс-Хая *. Было у него два стеклянных дворца, упершихся в небо, и три выносливых коня: Улуг-Билек, Биче-Билек и Хан-Шилги *. Был у него Алдын-Ала-орел *, который сторожил его аал с этой стороны, и был Начин-Бора-ястреб *, который охранял его аал с той стороны. Семь месяцев Хан-Хулюк охотился на семивершинной своей тайге. Шесть месяцев добывал зверя на шестивершинной своей тайге.

Была у него жена Сай-Куу * и была любимая младшая сестра Алдын-Оюу *.

Однажды ушел Хан-Хулюк на шестивершинную свою тайгу, убил много зверя, вернулся домой усталый и лег спать на месяц, на все тридцать дней. Но проспал он недолго и услышал крик.

— Милый брат! Скорей вставай! Около следа твоего коня

Хан-Шилги лежит огромный след! Что это за след? — кричала сестра Алдын-Оюу.

— Тот конь намного больше, чем твой Хан-Шилги! — кричала жена Сай-Куу.

Хан-Хулюк вскочил, налил воды в чашу, которую едва поднимали девяносто человек, умылся, прогнал сон, взял свою девятисуставную подзорную трубу, взобрался на Болчайтылыг-Бора-тайгу * и начал смотреть вокруг. Но нигде ничего не было слышно и нигде ничего не было видно.

Вернулся Хан-Хулюк домой и сказал:

— Нигде нет чужих следов. Вы, наверное, водили моего Хан-Шилги-коня, а теперь смеетесь надо мной!

Взял он с собой черный лук, белые стрелы и уехал охотиться на свою тайгу. И увидел, что у подножия шестивершинной тайги сидит и ждет его огромный богатырь. Под солнцем сверкает белый его халат. А рядом пасется могучий конь Ак-Сарыг *.

— Откуда ты взялся, лысый барсук? — закричал Хан-Хулюк. — Ты что, гниль земли или плесень воды? Ты всаднику — помеха, а пешему человеку — препятствие! Если хочешь что-нибудь сказать — говори!

— Я — могучий Алдай-Мерген * с Ак-Сарыг-конем. Я пришел сюда, чтобы моей добычей стал аал-стойбище и весь скот Хан-Хулюка. Я вижу, что ты и есть богатырь из богатырей Хан-Хулюк. Скажи, что ты хочешь — выкованную мастерами кузнецами холодную сталь-железо или рожденный матерью горячий крепкий кулак?

— Есть у меня для тебя огромный кулак, — ответил Хан-Хулюк, — и есть холодное железо, выкованное мастерами. Нет у меня брата, который родился раньше меня, который заступился бы за меня. И нет брата, который родился после меня, который защитил бы меня. Заступится за меня лишь конь мой Хан-Шилги.

Алдай-Мерген крикнул:

— И за меня никто не заступится, кроме Ак-Сарыг-коня. Отбросим в сторону оружие, которое сделали мастера. Поме-рится силой, которую дали нам мать и отец!

И спутал железными путами своего Ак-Сарыг-коня. Хан-Хулюк стреножил своего Хан-Шилги-коня.

Встали богатыри по обе стороны реки, посмотрели друг на друга исподлобья, будто быки, и побежали вниз по реке, исполняя танец орла. Тела свои богатырские начали разминать.

Потом каждый схватил по горе. Не решаясь столкнуться телами, они сдвинули две горы. Заколебалось голубое небо, задрожала черная земля. А потом в середине желтой степи они схватились. Дрогнула желтая степь. Шестьдесят дней — два месяца, девяносто дней — три месяца боролись они. И Хан-Хулюк увидел, что из подмышек Алдай-Мергена начала падать черная пена хлопьями с гору величиной, а на спине разбушевалась белая пена величиной с горный хребет.

— Что с тобой? — крикнул Хан-Хулюк.

— Это значит — тело мое богатырское разыгралось! Теперь держись, кулугур!

Но Хан-Хулюк был ловок, как ястреб, и увертлив, как сокол. Когда тело Алдай-Мергена разыгралось-разогрелось, так что нельзя было к нему прикоснуться голой рукой, Хан-Хулюк разорвал потник и обернул руки потником.

Конь Хан-Шилги увидел, что хозяину трудно, плюнул вверх, и пошел дождь с градом и охладил пыл-жар Алдай-Мергена. К тому времени разогрелось-разыгралось тело Хан-Хулюка. И он своей железной хваткой взял Алдай-Мергена, закружил по небу, а потом бросил на твердую землю.

— Когда скот убивают — кровь берут, когда человека убивают — слово берут! Говори свое слово, Алдай-Мерген! — сказал Хан-Хулюк.

— Пощади меня, Хан-Хулюк. Давай будем братьями, как от одного отца, будем братьями, как два уха коня, как два соска кобылы! Я буду лизать копыта твоего коня, острие твоей стрелы, дуло твоего ружья! — лежа клялся Алдай-Мерген.

Хан-Хулюк поднял его и сказал:

— Будешь моим табунщиком, брат! Будешь ухаживать за моим серым табуном величиной с Овюр* и за моим черным табуном величиной с Каргы. Иди в мой аал.

А сам поехал на семивершинную свою тайгу. Вдоволь наохотившись, наполнив все свои сумки, он вернулся домой и увидел, что милая сестра Алдын-Оюу лежит больная, лежит скорчившись, лежит посиневшая, как заплесневелая печень!

— Синей болезнью заболела Алдын-Оюу, — сказала богатыря жена его, Сай-Куу. — Если ты не хочешь, чтобы твоя единственная сестра умерла, принеси ей сердце синего быка, хозяина Синего озера. Только это сердце сможет ее спасти!

Хан-Хулюк сел на могучего Хан-Шилги и поскакал к Синему озеру. Он пел длинную песню, так пел, как поют сто человек. Он распевал горловую песню*, так распевал, как распев-

вают сто человек. Коль Хан-Шилги скакал по гребням низких гор, по склонам высоких гор. С досады богатырь давил белые камни величиной с овалу, от горя богатырь кричал и криком разбивал белые камни величиной с копя.

И вот он увидел черный чум. Он вошел в чум. Там сидела красавица Алдын-Хува *, излучающая свет солнца и луны. Рядом с ней сидела ее мать.

— Откуда и куда едешь, сынок? — спросила старуха.

— Моя единственная младшая сестра заболела синей болезнью. И я еду за сердцем синего быка, хозяина Синего озера.

— Хозяин Синего озера, синий бык — могучее существо, — сказала старуха. — Он убивает всех. Один рог его такой горячий, что, если ты схватишься за него, ты вскипнешь. Другой рог его такой холодный, что, если ты схватишься за него, ты замерзнешь и рука твоя отвалится. Вот тебе белый кадак — им ты схватишь холодный рог. Вот тебе желтый кадак — им ты схватишь горячий рог.

Назавтра красавица Алдын-Хува и ее мать проводили Хан-Хулюка в далекий путь. Он превратился в серого ястреба и быстро прилетел к Синему озеру. На берегу озера лежал синий бык величиной с горный хребет! У него была зеленая шерсть против сердца и длинная зеленая шерсть на хвосте. Хан-Хулюк превратился в муху и садился то в угол глаза быка, то к корню рога. Бык мотал головой, отмахивался и вдруг попал рогами в землю. Тогда Хан-Хулюк принял свой настоящий вид, желтым кадаком схватил горячий рог, белым кадаком схватил холодный рог и погрузил их в землю до корней.

— Что за сила вбила мои рога в землю? — заревел бык. — Ведь победить меня может только бесстрашный Хан-Хулюк с конем Хан-Шилги! Зачем ты здесь, Хан-Хулюк?

— Моя единственная младшая сестра, которую я берегу, как зеницу ока, как кость пальца, лежит рядом со смертью. Я приехал за твоим сердцем. Только оно может спасти сестру.

— Что ж, возьми мое сердце. Оно с левой стороны, — сказал синий бык.

Богатырь вынул сердце и целебными травами залечил рану.

— Будем друзьями, синий бык, — сказал он и вытащил рога быка из земли.

Бык вырвал клоч зеленой шерсти из своего хвоста и отдал богатырю.

— Когда я умру, шерсть почернеет, — сказал он Хан-Хулюк дал быку свою черную стрелу.

— Пока я живу,— стрела будет гибкой, как лоза. Когда я умру, она высохнет,— сказал он.

На обратном пути богатырь заехал в черный чум. Красавица вышла из чума, спрятала в рукава солнце и луну и, вернувшись, сказала:

— В степи очень темно. Ехать нельзя. Оставайтесь ночевать.

Хан-Хулюк остался ночевать в черном чуме. Пока он спал, красавица вытащила из его сумки сердце синего быка и положила вместо него сердце простой коровы. Утром богатырь, ничего не заметив, уехал.

Он примчался в свой аал и радостный дал коровье сердце милой младшей сестре. Она сразу стала здоровой, встала и ушла.

А что Хан-Хулюк? Удалой Хан-Хулюк зря дома не сидит — он уехал охотиться на семивершинную тайгу. В это время жена его Сай-Куу, сестра Алдын-Оюу и клятвенный брат богатырь Алдай-Мерген начали думать, куда бы его отправить, чтобы он больше не вернулся.

— Надо его послать к красной лисице с ядовитой пастью,— сказал Алдай-Мерген.— На верхних ее зубах висят тридцать высохших человек, на нижних ее зубах висят шестьдесят высохших человек.

Когда Хан-Хулюк вернулся с охоты, он увидел, что милая сестра Алдын-Оюу лежит больная, лежит скорчившись, лежит красная, как кровь.

— Красной болезнью заболела Алдын-Оюу,— сказала жена Сай-Куу.— Если ты не хочешь, чтобы твоя единственная сестра умерла, принеси ей сердце красной лисицы, которая живет за золотисто-красной тайгой. Только это сердце сможет ее спасти!

Хан-Хулюк сел на неутомимого Хан-Шилги и направился к золотисто-красной тайге. По дороге зашел в черный чум. Он пил чай и разговаривал с красавицей. А старуха вышла из чума, спрятала в рукава солнце и луну и сказала Хан-Хулюку:

— В степи темно. Ты должен здесь переночевать.

Утром Хан-Хулюк сказал:

— Моя единственная младшая сестра заболела красной болезнью. Я еду за сердцем красной лисицы, которая живет за золотисто-красной тайгой.

— О, эта лисица — страшный, ядовитый зверь. Человека она к себе не подпустит,— сказала старуха.— Кто-то тебя послал на верную смерть.

— Человек, рожденный матерью, не может отказаться от своего слова,— сказал Хан-Хулюк. И уехал.

Он взобрался на шестивершинную золотисто-красную тайгу и с досадой подумал: «Неужели мне суждено здесь потерять голову?» И вдруг увидел красную лисицу. Хвост ее лежал в реке, туловище на плоскогорье, а мордой она выскивала мышей в каменной россыпи. Хан-Хулюк превратился в муху, подлетел к лисице, вытащил шестидесятисаженный аркан и накиннул его лисице на шею. Он принял свой настоящий облик и потащил зверя к себе.

— Помилуй меня, Хан-Хулюк! — закричала лисица. — Давай будем друзьями!

— Моя единственная младшая сестра заболела красной болезнью. Я приехал за твоим сердцем, красная лисица!

— Возьми мое сердце, только оставь мне жизнь!

Богатырь вынул сердце и целебными травами залечил рану.

— Я согласен быть твоим другом, красная лисица,— сказал он.

Лисица вырвала клочок белой шерсти, который рос против сердца, и отдала богатырю.

— Пока я живу, шерсть будет еще белей. Когда я умру, шерсть почернеет,— сказала она.

Хан-Хулюк отдал лисице черную стрелу.

— Пока я живу, стрела будет гибкой, как лоза. Когда я умру, она высохнет.

По дороге домой богатырь заехал в черный чум. Старуха заменила в его сумке сердце красной лисы сердцем серой овцы.

Хан-Хулюк приехал домой и увидел, что его милой сестре совсем плохо. Он дал ей сердце серой овцы, и она сразу стала здоровой, встала и ушла.

Удалой Хан-Хулюк уехал охотиться на шестивершинную тайгу. Вернувшись, он увидел, что милая сестра лежит больная, вся желтая, как желтая медь.

— Желтой болезнью заболела Алдын-Оюу,— сказала жена Сай-Куу. — Если ты не хочешь, чтобы твоя единственная сестра умерла, принеси ей обломок медного камня, который лежит на слиянии семи рек, под охраной семи мальчиков.

Хан-Хулюк направился туда, где сливаются семь рек. По дороге заехал в черный чум.

— А теперь куда едешь? — спросила старуха.

— Теперь моя сестра заболела желтой болезнью. Я еду

за медным камнем, который лежит на слиянии семи рек, под охраной семи мальчиков.

— О, к этим мальчикам нелегко подойти: они издали чувствуют запах подмышек, когда люди спят, чувствуют запах мяса, когда люди едят, — вот какие они шулбусы! — сказала красавица Алдын-Хува. — Я напишу им письмо. — И она дала богатырю желтое письмо размером в сажень.

Хан-Хулюк приехал туда, где сливаются семь рек. Семь мальчиков бросились ему навстречу. Он кинул им желтое письмо. Они прочитали его и поняли, что перед ними — их зять. Они радостно прыгали и кричали:

— Я дам зятю медный камень!

— Нет, я!

И они принесли богатырю семь обломков медного камня. По дороге домой богатырь заехал в черный чум. Алдын-Хува подменила обломки медного камня обломками простого камня.

Хан-Хулюк приехал домой, дал милой сестре поесть обломков простого камня, и она сразу стала здоровой, встала и ушла.

Удалой Хан-Хулюк уехал охотиться на семивершинную тайгу. А жена опять выкрасила его сестру желтой краской. Когда богатырь вернулся, он увидел, что сестра лежит опять вся желтая, как прежде, и стонет.

— Надо пойти за священной золотой книгой Аржи-Соржу-башкы, который живет на краю земли. Может быть, эта книга поможет твоей сестре, — сказала жена Сай-Куу.

Хан-Хулюк направился к краю земли. По дороге заехал в черный чум.

— А теперь куда едешь? — спросила Алдын-Хува.

— Моя сестра все еще больна. Я еду к Аржи-Соржу-башкы за священной золотой книгой.

Красавица опять написала письмо.

— Передай его мудрому башкы, — сказала она.

Хан-Хулюк приехал на край земли, в аал мудрого башкы. Его окружили маленькие мальчики.

— Кто вы? — спросил богатырь.

— Мы ученики Аржи-Соржу-башкы, — ответили мальчики.

— Передайте ему это письмо, — сказал богатырь.

Мальчики убежали.

— Приехал хозяин юрты моей единственной дочери! — крикнул ученый башкы. — Пригласите его сюда!

Хан-Хулюк подъехал и громко крикнул. От крика его деревья полопались, а дрова загорелись.

— Я тороплюсь, скорее дайте мне вашу священную золотую книгу! — сказал он.

— Скорее вытащите ему золотую книгу, а то у меня треснет голова! — сказал башки ученикам.

Ученики вытащили книгу, Хан-Хулюк взял ее и поскакал домой. Конь его шел по гребням низких гор, по склонам высоких гор. И слова приехал к черному чуму. Красавица Алдын-Хува подмешла священную книгу.

Богатырь приехал домой. Жена Сай-Куу увидела его издали и сказала:

— Едет Хан-Хулюк, который не умирает, сколько его ни убивай!

Хан-Хулюк показал сестре книгу. Она встала и ушла. И опять богатырь уехал на охоту. А вернувшись, увидел, что сестра его лежит белая, как береста.

— Белой болезнью заболела Алдын-Оюу, — сказала жена Сай-Куу.

— Чем же можно вылечить милую сестру? — спросил Хан-Хулюк.

— Однажды, когда так же болела моя мать, мой добрый отец привез ей молоко белой верблюдицы, которая пасется около Желтого озера в стороне восхода. Может быть, и твоя сестра поправится от этого молока, — сказала жена Сай-Куу.

Хан-Хулюк сел на неутомимого Хан-Шилги и направился к Желтому озеру. По дороге заехал в черный чум, поговорил с красавицей.

— Куда ты спешешь? Подожди, посиди еще! — попросила Алдын-Хува.

— Единственная сестра Алдын-Оюу побелела! Если сегодня умрет, то, может быть, поздно вечером, если завтра — то, может быть, рано утром! Я спешу за молоком белой верблюдицы, которая пасется у Желтого озера.

— Если ты туда поедешь, то, неумирающий, ты умрешь, негаснувший твой огонь погаснет. Не надо ездить, Хан-Хулюк!

Но богатырь не послушал ее и направился в сторону восхода. Он взобрался на желтый перевал и увидел Желтое озеро. У воды стоял железный тополь. На нем сидели три верблюжонка. Тот, что сидел внизу, плакал, тот, что сидел в середине, пел горловую песню, а тот, что сидел сверху, пел грустную протяжную песню.

— Почему вы плачете и так грустно поете? — спросил богатырь.

— В этом озере живет трехголовый змей,— ответили они.— В полдень он вылезает из воды. Самого нижнего, того, кто плачет, он съест сегодня, того, кто поет горловую песню,— завтра, того, кто поет грустную, протяжную песню,— послезавтра. А наши отец и мать ушли пасть в сторону восхода солнца, за ту огромную тайгу. И некому нас защитить.— Хан-Хулюк натянул тетиву твердого черного лука, направил черную стрелу на озеро и стал ждать. Как только показались над водой головы змея, богатырь выпустил стрелу, и она срезала все три головы. Когда стрела летела уже над той стороной озера, конь Хан-Шилги догнал ее и с ловкостью ястреба схватил зубами.

Верблюжата и Хан-Хулюк стали друзьями. Он рассказал им, зачем приехал.

— Наши родители — могучие, страшные животные,— сказали верблюжата.— Они чувствуют на расстоянии дня пути запах подмышек, когда люди спят, запах мяса, когда люди едят. К ним нельзя подходить. Мы пососем молока и оставим его вору. А ты пока спрячься, иди в сторону захода, за ту тайгу. И не появляйся, пока горбы наших родителей не скроются за хребтом.

Хан-Хулюк пошел на запад и поднялся на огромный горный хребет. Назавтра ровно в полдень из-за другого хребта показались родители трех верблюжат — огромные белые верблюд и верблюдица. Их верхние губы гнали облака по небу. Их нижние губы гнали пыль по земле. Их дыхание было похоже на ураган. Они подошли к озеру и кликнули верблюжат.

— Почему наше озеро стало красным? Здесь была война? Как вы уцелели? — спросили они.

— Мы ничего не видели, мы только слышали гром, и вдруг головы змея отлетели, а озеро стало красным,— ответили верблюжата.

Но верблюд и верблюдица не поверили им и начали бегать по степи — нюхать следы, искать Хан-Хулюка. Потом верблюдица накормила верблюжат. И огромные белые верблюды ушли. А когда их горбы скрылись за дальним хребтом, богатырь спустился в степь. Верблюжата наполнили молоком три его кувшина, и еще осталось.

— Выпей остаток, акий Хан-Хулюк! Пальцы твоих рук ста-

пут еще сильнее, жизнь твоя станет еще длиннее! — сказали они.

Хан-Хулюк выпил верблюжьего молока и поехал домой. Вдруг он оглянулся и увидел, что верблюд, который чует запахи издали, гонится за ним, поднимая пыль до небес. Тогда конь Хан-Шилги плюнул, а сам Хан-Хулюк свистнул, и задул ветер-ураган, пошел снег-шурган. Верблюд не смог дальше бежать и повернул обратно.

Богатырь приехал к черному чуму. С улыбкой встретила его Алдын-Хува. Пока он спал, она подменила молоко в его кувшинах: налила в них коровьего молока.

Хан-Хулюк приехал домой, дал сестре коровьего молока, и она сразу стала здоровой, встала и ушла.

Богатырь уехал охотиться, а вернувшись, увидел, что милая сестра лежит совсем черная и скрюченная, будто высохшая.

— Черной болезнью заболела Алдын-Оюу, — сказала жена Сай-Куу. — Когда однажды так же болела моя мать, мой добрый отец привез ей семь черных пен, бегущих одна за другой на гребнях волн в озере Хиндиктиг *. Привези эти пены, может быть, они помогут вылечить сестру.

Хан-Хулюк сел на неутомимого коня Хан-Шилги и помчался по гребням низких гор, по склонам высоких гор. По дороге заехал в черный чум.

— Куда ты торопишься? — спросила Алдын-Хува.

— Я еду на озеро Хиндиктиг. Чтобы вылечить сестру, нужно достать семь черных пен из этого озера.

— Хоть ты и добрый мужчина, а ум твой никуда не годится. Ведь враги посылают тебя на верную смерть! Как ты не можешь понять их коварства? Сейчас ты едешь в самое далекое, в самое страшное место. Неумиравший, теперь ты умрешь, кости твои враг пересчитает.

Но Хан-Хулюк не стал слушать.

— Милая сестра, которую я берегу, как зеницу ока, как кость пальцев, лежит рядом со смертью! Как я буду сидеть смотреть на это?

Алдын-Хува в слезах осталась одна. Неизвестно, сколько времени ехал богатырь. Зимой узнавал по инею, лето — по росе. Но вот он взобрался на гребень огромной черной тайги и увидел вдаль черное озеро. «Жива ли моя сестра? Доседу ли я до этого озера?» — с грустью подумал Хан-Хулюк. И поехал вперед. Наконец он добрался до озера Хиндиктиг, вырвал несколько могучих кедров, сделал плот и поплыл на нем к сере-

дне озера. Невозможно, сколько он плыл. Но вот и семь черных иен. Он зачерпнул их в семь черных кувшинов и поплыл назад. Долго плыл, плот его сгнил и развалился. Хан-Хулюк то сам плыл, то на коне и наконец кое-как выбрался на берег. И увидел, что конь Хан-Шилги так устал, что уже рядом со смертью стоит. Тогда богатырь собрал целебные травы со всей тайги, покормил коня и оставил его отдыхать. А сам подоткнул полы халата, взвалил на плечи седло, узду и семь черных кувшинов и пошел домой. Шел он, шел, и усталость валила его с ног. И он повесил на вершину невысокого дерева свое седло. Он так долго шел, что не осталось мяса на его ногах; он так устал, что не осталось мяса на его теле. Около черного чума Алдын-Хува-красавицы он оставил семь черных кувшинов — вести их он больше не мог. И из последних сил пополз в свой аал. На рассвете его увидела жена Сай-Куу.

— Ползут кости бессмертного, нестареющего Хан-Хулюка! — крикнула она. — Где ты, Алдай-Мерген? Теперь ты сможешь его победить. Заколи белого быка, сними шкуру, зашей в нее кости Хан-Хулюка и брось в яму-пропасть глубиной шестьдесят саженей!

Алдай-Мерген разрубил Хан-Хулюка, зашил его в шкуру и бросил в пропасть. А отрубленный палец богатыря отвез на телеге к Тихому морю и сбросил в воду. Весь аал Хан-Хулюка он угнал. Пусто стало на стойбище. Не осталось там даже вороны, чтобы каркнуть, даже сороки, чтобы вскрикнуть.

Синий бык, красная лисица, семь мальчиков-шулбусов, три верблюжонок, красавица Алдын-Хува — все сразу узнали о смерти Хан-Хулюка по вещам, которые он им оставил. Они прибежали к аалу-стойбищу богатыря, но там ничего не было. Все заросло высокой травой.

Первый из семи мальчиков-шулбусов мог, приложив ухо к земле, слышать шум из далекого далека, второй мог идти по следам муравья, который прошел семь лет назад, третий мог идти по следам рыбы на дне моря, четвертый мог поднять гору — такой он был силач, пятый мог в одно мгновение прицелиться и выстрелить, шестой мог идти по следам паука на неске, а седьмой мог выжить море!

Первый мальчик-шулбус приложил ухо к земле и стал слушать.

— Хан-Хулюк шевелится где-то глубоко под землей, — сказал он.

Второй мальчик привел всех к пропасти глубиной в шестьдесят сажений. Пропасть была накрыта Болчайтылыг-Борахолмом.

— Под холмом лежат кости Хан-Хулюка, — сказал он.

Тогда они окопали холм со всех сторон, набросили на него аркан, другой его конец привязали к рогам синего быка, и бык вырвал холм. Мальчик-силач спустился в пропасть и вынес наверх кости Хан-Хулюка.

Не зря красавица Алдын-Хува прятала волшебные лекарства, которые нес сестре Алдын-Оюу, не знавший страха богатырь. Теперь она всеми этими лекарствами лечила Хан-Хулюка. Мальчик, который мог идти по следам наука на песке, пошел по следам богатыря и нашел семь черных пепел в семи черных кувшинах, которые Хан-Хулюк оставил недалеко от черного чума красавицы. Алдын-Хува намазала богатыря черными пепелами, и он стал дышать. Он дышал, но не говорил. Мальчик, который слышал любой шум из далекого далека, пересчитал все его кости и увидел, что не хватает указательного пальца правой руки. Мальчик, который мог идти по следам муравья, прошедшего семь лет назад, и мальчик, который мог идти по следам рыбы на дне моря, пошли искать палец Хан-Хулюка. След привел их к Тихому морю. Тот, который ходил по следам рыбы, превратился в рыбу, плавал и спрашивал у всех рыб о пальце Хан-Хулюка. Он переспросил тысячи, миллионы рыб! Но никто ничего не знал. Мальчик загрустил. Вдруг он увидел: плывут вверх по морю * два огромных старых тайменя и поют горловую песню.

— Куда забросили враги указательный палец Хан-Хулюка? Может быть, вы что-нибудь видели или слышали? — спросил он.

— Когда-то у устья реки Кара-Хем* свалилась в воду большая белая скала. Теперь около нее зимует рыба. Может быть, эта скала и есть палец Хан-Хулюка, — ответили они.

Мальчик приплыл к устью Кара-Хема и увидел, что это и есть палец богатыря. Он вернулся в аал Хан-Хулюка и сказал:

— Я нашел его палец. Он лежит глубоко в море, рядом с устьем Кара-Хема.

Мальчик-силач и мальчик, который мог выпить море, пошли к устью Кара-Хема. Мореглотатель выпил море, и показался лежащий на дне огромный белый палец. Мальчик-силач взял его, взвалил на спину и понес в аал. Мореглотатель

выпустил море назад. Палец прирастили к руке богатыря. Но Хан-Хулюк молчал и не шевелился.

— Я еще никогда не перешагивала через богатыря,— сказала Алдын-Хува. Она трижды взмахнула золотой плетью и трижды перешагнула через тело Хан-Хулюка*.

— Я, кажется, долго спал,— сказал богатырь и встал на ноги. Друзья, вспоминая хорошее, смеллись, вспоминая плохое, плакали.

— Жив ли мой отважный конь Хан-Шилги? — спросил богатырь. — А может, он мертв? У кого есть волшебство, чтобы его оживить?

Мальчик, который слышал шум из далекого далека, приложил ухо к земле и сказал:

— Конь Хан-Шилги жив. На нем звенит узда, украшенная серебром. Он бежит сюда.

Скоро друзья Хан-Хулюка привели к нему его отважного коня.

— Мы хотим помочь тебе, наш друг, расправиться с твоими врагами, которые бросили тебя в пропасть и угнали твой скот,— сказали они.

— Нет, друзья,— сказал богатырь. — Я был мертвый— вы меня спасли, оживили, погасший мой огонь вновь зажгли. Спасибо вам! Вы знаете, что такое настоящая дружба. А с врагами я расправлюсь сам.

Его друзья разошлись. Богатырь натянул тугой лук — попробовал свою силу — и увидел, что стал сильнее прежнего. А конь его Хан-Шилги так отдохнул, стал таким здоровым и жирным, что резвился, как жеребенок. Хан-Хулюк сел на Хан-Шилги, взобрался на вершину своей тайги и начал думать думы, которые никогда раньше не думал. И поехал по следам своего врага, грабителя Алдай-Мергена. Он въехал в аал и вошел в большую белую юрту. Из-за сундуков выглядывал испуганный Алдай-Мерген. Руки-ноги его тряслись.

— Что ты хочешь — сталь-железо или жирный кулак? Что с тобой сделать, кулугур? — громко спросил богатырь.

— У меня нет слов, чтобы ответить тебе, Хан-Хулюк. Делай со мной что хочешь, могучий, бессмертный Хан-Хулюк!

Богатырь Хан-Хулюк схватил Алдай-Мергена и так его встряхнул, а потом так ударил о землю, что не осталось даже кости, которую могла бы пожевать корова, не осталось даже капли крови, которую могла бы лизнуть лисица.

И он пошел в соседнюю юрту, к жене Сай-Куу.

— Что ты хочешь — семь белых сабель или семь молодых кобылиц?

— Семь молодых кобылиц лучше, — сказала жена Сай-Куу. — Это же скот!

Хан-Хулюк привязал ее к кобылицам и пустил в степь.

А потом погнал свой скот на старое стойбище, к родным скалам Чангыс-Хая и Чавыс-Хая. Он женился на Алдын-Хува-красавице и на свадьбу позвал всех своих друзей.

На холме он поставил юрту, в ровной степи пас скот. Молодец из молодцов, удалец из удалцов, богатырь из богатырей, бесстрашный Хан-Хулюк жил в мире и согласии со всеми. Пока он жил, удлиннились овраги, углубились лощины.

БОЛЬШЕ ЧЕМ
СКОТ

**ВОЛШЕБНЫЕ
СКАЗКИ**

The first of these is the fact that the...
 secondly...
 thirdly...
 fourthly...
 fifthly...
 sixthly...
 seventhly...
 eighthly...
 ninthly...
 tenthly...

3. ШЕСТЬ БРАТЬЕВ

Раньше раннего, древнее древнего это было. Рога барана тогда сгнивали и падали, в рогах козла заводились черви, и рога отваливались.

Жили тогда шестеро братьев. У них не было ни матери, ни отца, ни родных, ни скофа. Ни у одного из них не было жены. Один бродили. Вот какими были эти братья.

Однажды они пришли на место, откуда только что откочевал аал. Младший брат нашел там шесть коровьих шей.

— Братья, смотрите, что я нашел, идите сюда, здесь шесть коровьих шей! Сейчас мы наконец наедемся, братья! Сварите их, а я пойду поищу чего-нибудь еще.

Младший брат искал до вечера, но больше ничего не нашел. Когда он вернулся, пятеро братьев съели все шесть шей, ему не оставили ни кусочка.

— Братья, я ведь дал вам шесть шей. И нас с вами — шестеро. Единственного младшего брата вы забыли. Как же так получилось?

— Раз ты ушел, забыв про свой желудок, сам и виноват. Раз ты опоздал, сплеховал — на себя и обижайся, — сказал старший брат.

Младший брат и на этот раз лег спать голодным. А утром ушел искать мышей и сусликов. Он шел долго и пришел к маленькому оврагу в середине желтой степи. В овраге лежал большой заяц. А под рукой у парня не было камня! И он тихо отошел от оврага и побежал искать камень. И только у подножия горы нашел наконец круглый камешек. Одна сторона его золотилась, другая была белая. Младший брат, Хеймер-оол*, поскорее вернулся к оврагу. Заяц все еще лежал. Парень прицелился и бросил камень. Круглый камень пaskвозь пробил голову зайца. Хеймер-оол подбежал, взял убитого

зверька и стал искать камень. Оказалось, он ушел глубоко в землю. Парень начал его откапывать. Копал целый день. А вечером спрятал камень за пазуху и понес зайца братьям.

Старшие братья сидели вокруг костра голодные и ссорились.

— Ты ничего не принес! — говорил один.

— Ты сам ничего не принес! — говорил другой.

Младший брат накормил их всех супом из зайца. Они наелись и улеглись спать. А утром Хеймер-оол ушел на охоту. На опушке леса у толстой лиственницы он увидел косулю, прицелился и бросил свой круглый камень. Камень пробил голову косули, пробил насквозь толстую лиственницу и упал, углубившись в землю. Хеймер-оол поднял свой добрый круглый камень, взвалил на плечи косулю и пошел к братьям.

Старшие братья отнимали друг у друга и жадно грызли кости вчерашнего зайца, ругались и кричали.

— Не ругайтесь, братья! — сказал, подходя, Хеймер-оол. — Смотрите, что я вам принес! — И он накормил голодных братьев мясом и супом.

Через несколько дней братья спросили его:

— Как это ты добываешь столько разных зверей? Кто их тебе дает?

— Их дает мне моя благодатная земля, моя золотая тайга — Танды! — И он взял свой круглый камень, положил его рядом с сердцем и пошел на ту сторону Арзайты *. С криком «айт!» он убил много зверя на той стороне тайги, с криком «эйт!» он добыл много зверя на этой стороне тайги. А потом собрал все в одну большую кучу и пришел к братьям.

— Братья, я нашел в лесу место, где лежит много убитого зверя! Пойдемте, я вам покажу, — сказал Хеймер-оол.

Братья побежали за ним. Когда они увидели огромную кучу звериных туш, они расхохотались.

— Так вот в чем дело! — сказали они. — Мы-то думали, что это ты такой ловкий и меткий! А ты, оказывается, вон откуда таскал нам мясо! Ха-ха-ха!

И братья, девяносто дней голодавшие, наконец насытились, шестьдесят дней не наедавшиеся — до отвала наелись. На завтра Хеймер-оол ушел на ту сторону тайги, убил самого серого из волков, самую красную из лисиц, самого черного из соболей и самого нестрогого из тигров. Все туши он принес к костру. Вокруг костра сидели братья и без усталости ели мясо. Увидев младшего брата с тушами хищников, они испугались.

— Как же ты смог их убить? Ведь они такие злые. Удивительно!

— Я их не убивал, братья, я нашел их, они лежали убитые.— И Хеймер-оол с гордостью начал сдирать шкуры.

Тогда старшие братья сказали:

— Ноги у нас не хуже, чем у него. И мы пойдем. Глаза у нас не хуже, чем у него. И мы найдем!

На другой день они пошли на ту сторону тайги. И вдруг встретились с тигром. Они так побежали от него, что чуть не передавили друг друга. А потом встретились с барсом — и пот с них градом полил. Не то что крупного зверя — даже бурундучка не убили глупые охотники. Пришли к костру злые, голодные и увидели, что младший брат сварил для них мясо и сало и сидит, ждет их.

— Ну, что, мои старшие братья, где были, что видели, много ли зверя убили? А может быть, убитого нашли? — спросил он.

— Нет, мы сегодня мало земли исходили, убитого зверя не нашли.

Наутро, пока старшие братья еще спали, Хеймер-оол ушел охотиться. А старшие проснулись и стали со злостью и завистью говорить о нем.

— Что бы ни было, в любой день он приносит добычу!

— От его глаза ничто не ускользает, он все видит!

— Какой бы зверь ни попался — он его убивает!

— В чем же дело, почему он впереди нас?

— Может быть, он знает какое-нибудь волшебство?

А Хеймер-оол все шел и шел. Пока старшие братья, сидя вокруг костра, до отвала наедались готовой едой, младший брат без усталости шел через необозримую желтую степь. Наконец он остановился, огляделся. Не было у этой степи ни конца ни края. Не было в ней ничего, что бы шелохнулось, не было ничего, что бы промелькнуло. И только в самой середине что-то чернело. «Что это такое? — подумал Хеймер-оол. — Неужели в этих краях есть кто-нибудь, кроме нас, шести братьев? Говорят, в таких безлюдных местах водятся албысы и шулбусы. Может быть, это албыс или шулбус? Что бы ни было, а надо идти вперед и встретиться!» И он пошел через желтую степь навстречу черным фигурам. Оказалось, что это семь черных кожээ. Когда он подошел ближе, он увидел, что на первом кожээ висят восемь человеческих голов, на втором — семь, на третьем — шесть, на четвертом — пять, на пятом — четыре, на шестом — три и на седьмом — две человеческие головы.

Что делать? Хеймер-оол решил не уходить, а посмотреть, кто же сюда придет. Он начал копать яму в десяти шагах от черных кожээ. Когда солнце садилось за далекую тайгу, яма была готова, и Хеймер-оол лег в нее. Всю ночь он не спал, смотрел, что будет. Но ничего не было, никто этой ночью не приехал.

А старшие братья, которые остались у костра, до того обжигались мясом и салом, что их тошнило. Через несколько дней они заговорили о Хеймер-ооле.

— Что-то долго он не возвращается.

— Наверное, с ним что-нибудь случилось.

— Может быть, попал в пасть какому-нибудь хищнику? Может, ранен?

— Искать не пойдем, а то еще придется его тащить издалека. Это очень тяжело.

— И хорошо, что его нет с нами. Нам больше мяса достанется.

И они опять ели и отнимали друг у друга самые жирные куски.

А Хеймер-оол сидел в яме около черных кожээ и ждал. К концу дня на севере показалось несколько всадников. Вот они приблизились.

Первый конь — пестро-звездный — шел мелкой, мягкой иноходью. Всадник был в чесучевом халате, окаймленном широкой парчовой лентой. С пояса его свешивались, переплетаясь, восемь змей. Восемь человеческих голов, связанных за косы, были приторочены к его седлу. А голова этого шулбуса состояла из восьми коровьих голов с восемью рогами. Головы располагались полукругом, и там, где они соединялись, был один-единственный, огромный, косой, очень зоркий глаз. На ярко-белом белке был большой черный зрачок.

Второй конь — сивый — шел крупным ритмичным шагом. Всадник был в белом чесучевом халате, окаймленном красным шелком. С пояса его свешивались, переплетаясь, семь змей. Семь человеческих голов, связанных за косы, были приторочены к его седлу. Голова его состояла из семи коровьих голов с восемью рогами. Там, где головы сходились, был один-единственный, такой же, как у первого шулбуса, огромный, косой глаз.

Третий конь — бурый — шел рысью. Всадник был в коричневом чесучевом халате, окаймленном бархатом. С пояса его свешивались, переплетаясь, шесть змей. Шесть человеческих голов, связанных за косы, были приторочены к его седлу. Голова

его состояла из шести коровьих голов. Там, где они сходились, был единственный, такой же, как у первого, огромный, косой глаз.

Четвертый конь — соловый — шел крупной иноходью. Всадник был в желтом чесучевом халате, окаймленном выделанной кожей. С пояса его свешивались, переплетаясь, пять змей. Пять человеческих голов, связанных за косы, были приторочены к его седлу. Голова его состояла из пяти коровьих голов с огромным желтым рогом. Там, где головы сходились, был единственный огромный, косой, красный глаз.

Пятый конь — пегий — шел, подпрыгивая и вскидывая голову. Всадник был в голубом чесучевом халате, окаймленном шелком. С пояса его свешивались, переплетаясь, четыре змеи. Четыре человеческие головы, связанные за косы, были приторочены к его седлу. Голова его состояла из четырех коровьих голов. Там, где они сходились, был единственный огромный, косой, красный глаз.

Шестой конь — гнедой — трусил. Всадник был в коротком желтом халате. С пояса его свешивались, переплетаясь, три змеи. Три человеческие головы, связанные за косы, были приторочены к его седлу. Голова его состояла из трех коровьих голов с серым рогом. Там, где головы сходились, был единственный красный глаз.

Седьмой конь — чалый — шел плавным шагом. Последний всадник был в рваном шелковом халате. С пояса его свешивались, переплетаясь, две змеи. Две человеческие головы были приторочены к его седлу. Голова его состояла из двух коровьих голов с двумя глазами.

Хеймер-оол лежал в яме и боялся шелохнуться. Но, вспомнив о круглом белом камне, он перестал бояться. Всадники подъехали к черным кожээ, отвязали человеческие головы от седел, повесили их на кожээ, выстроились в ряд и начали молиться. Первым, ближе всех к Хеймер-оолу, стоял восьмиголовый шулбус. Парень прицелился в его головы и бросил камень. Белый камень разбил все восемь голов первого шулбуса, потом все семь голов второго и летел дальше, пробивая насквозь коровьи головы. И вот все шулбусы упали. Головы их валялись отдельно.

Хеймер-оол подобрал дорогой белый камень, сел на пестрозвездного иноходца, остальных коней повел за собой и направился на север, по следам шулбусов. Он решил разыскать их аал. Он пересек неоглядную желтую степь, поднялся на пере-

вал и увидел вдали аал. Подъехал поближе. Нигде не было навоза. Нигде не было скота. «Странный аал», — подумал парень. Он привязал коней к дереву под бугром и пошел к юртам.

С краю стояла огромная белая юрта, которую и девятью конями не окружить. У входа ее были вбиты три железных столба. Вторым стоял белый шатер. Дальше стояла светло-серая, потом — серая юрта. Пятая и шестая юрты были еще темней, а последняя — совсем черная.

«Пойду в большой белый дворец», — решил парень. Но тут из последней, черной юрты вышла прекрасная круглолицая девушка, взяла охапку дров и скрылась в юрте. «Нет, лучше пойду к ней», — передумал Хеймер-оол. Он направился к черной юрте, но в это время из предпоследней юрты вышла девушка еще краше. Она взяла дрова. Парень свернул к ней, но из пятой юрты вышла за дровами девушка еще прекрасней. Из всех юрт по очереди выходили красавицы, и каждая больше прежней нравилась Хеймер-оолу. И вот из белого шатра вышла девушка, прекрасная, как луна. Она выплеснула остатки чая. Из огромного белого дворца, который стоял в начале аала, никто не выходил. Хеймер-оол направился в шатер, к девушке, прекрасной, как луна.

Красавица сидела на подстилке и как-то странно, насмешливо улыбалась. Парень вежливо с ней поздоровался и спросил:

— Чей это аал-стойбище? Чей это красивый белый шатер?

— Это шатер Ак-Куу *, — ответила красавица.

— Куда он уехал? — спросил парень.

— Он уехал освящать свой золотой кожээ, — ответила красавица.

— Когда он приедет? — спросил парень.

— Он приедет на закате. Если хотите — подождите.

Хеймер-оол вышел из шатра и зашел в соседнюю белую юрту. Ее хозяйка встретила парня такой же насмешливой и загадочной улыбкой.

— Чья это юрта? — спросил он.

— Эта юрта Сарыг-Куу *, — ответила красавица.

— Где он? — спросил парень.

— Он уехал освящать свой золотой кожээ, — отвечала красавица.

— Когда он вернется? — спросил парень.

— Он вернется на закате. Если у вас есть дело — подождите.

Парень побывал в каждой юрте. Красавицы смотрели на него с насмешливой улыбкой. Все хозяева юрт уехали освящать свои золотые кожээ. Все красавицы предлагали ему остаться и подождать хозяина. В последней, черной юрте Хеймер-оол спросил:

— Чей это огромный белый дворец, который стоит в начале аала?

— Это дворец Сылдыс-хана*.

Парень пошел в белый дворец. «Что за люди живут в этих юртах? — думал он. — Ни в одной не дали коснуться края пналы!»

В белом дворце он увидел красавицу, излучавшую свет солнца и луны. Она была в золотисто-пестрой одежде и обуви. Длинные черные волосы ее были заплетены в пять кос. Нижняя ее губа сияла, как золото и серебро. Верхняя ее губа сверкала, как сахар! Она наливала чай из золотого домбу в золотую пналу.

У Хеймер-оола сразу стало светло на душе. В молодой груди загорелся огонь. Он вежливо поздоровался, почтительно представился.

— Чей это аал-стойбнице, чей это прекрасный дворец? — спросил он.

— Это аал шулбусов-людоедов, — ответила красавица. — А в этом дворце живет хан шулбусов, Сылдыс-хан. Я — дочь простого старика и старухи. Мы жили у истоков Чинге-Хема*. Моего отца и мать шулбусы съели еще в прошлом году. Хан взял меня в жены. Он хочет научить меня есть человеческое мясо. Уже год, как я не видела живого человека. И вот вы пришли. Откуда вы? Зачем вы пришли в этот аал? Как вы остались живы? — И она налила парню чай, подала сахар и лешки.

Хеймер-оол поел, попил чаю и сказал:

— Я брожу по свету, добываю себе еду. Вот и забрел в ваши земли. А какие они из себя, эти шулбусы?

— Они — страшные многоголовые чудовища. У них по нескольку коровьих голов.

«Значит, я убил шулбусов — хозяев этого аала!» — радостно подумал Хеймер-оол. И сказал:

— Ты ведь не любишь своего многоголового хана, ты мучаешься здесь. Давай убежим и будем жить вместе.

— Было бы хорошо, если бы все получалось так, как хочешь. Но это невозможно. Если мы уедем, шулбусы пойдут по

нашим следам и будут идти, пока не высохнут их кости, пока не погаснет их негаснущий огонь. Они найдут нас и съедят. Уезжай поскорей. Сейчас они в желтой степи за перевалом освящают свои золотые кожээ головами убитых и съеденных ими людей. День подходит к концу. Они должны вернуться. Уходи. А послезавтра, когда они снова уедут искать людей, приходи ко мне.

— Но почему в тех юртах мне об этом не сказали? Наоборот, они предлагали мне остаться, подождать хозяев.

— Они хотели съесть тебя. Они уже научились есть человеку мясо.

— Пусть приходят шулбусы, пусть едят меня, а я от тебя не уйду. — И Хеймер-оол сел рядом с красавицей.

Она заплакала и стала его уговаривать, чтобы он ушел. Парню стало жалко ее.

— Хорошо, — сказал он, — я уйду, но ты проводи меня до бугра.

Они вышли из дворца. Поднялись на бугор.

— Ты знаешь этих коней? — спросил Хеймер-оол.

Красавица увидела пестро-звездного, сивого, бурого, солового, пегого, гнедого и чалого коней, знакомых коней семи шулбусов. Она вскрикнула и своими тонкими, белыми, как корни чертополоха, пальцами обвила шею парня, крепко прижалась к нему и, не находя слов от радости, положила голову ему на грудь.

— Скажи, как ты взял этих коней? — спросила она наконец.

— Убил их хозяев и взял коней! — с гордостью сказал Хеймер-оол.

Вместе они вернулись во дворец. Ели, отдыхали, смеялись, разговаривали и не могли наговориться. Хеймер-оол прожил в белом дворце три дня, а на четвертый сказал:

— У меня есть пять братьев. Я привезу их сюда. Ведь у них нет жен.

Он сел на Сылдыс-Шокар-коня, остальных коней повел за собой и направился к родной тайге.

Старшие братья сидели вокруг костра голодные и злые: они успели съесть все мясо, которое заготовил для них младший брат. Хеймер-оол рассказал о своих приключениях, дал им коней, и они поехали к семи красавицам.

Хозяйку последней, черной юрты Хеймер-оол сделал своей поварихой, а остальных красавиц отдал братьям. И они стали

жить в этом аале. Младший брат охотился и приносил старшим мясо.

Однажды днем, когда Хеймер-оол был на охоте, братья собрались и самый старший сказал:

— Наш младший брат загордился-зазнался. Он живет в белом дворце!

— У него есть повариха, а у нас — нет! — поддержал второй.

— Себе он взял самую красивую жену, а нам дал похуже, — добавил третий.

— Он командует нами, будто он старший, — заметил четвертый.

— Надо с ним расправиться! — крикнул пятый.

— Да, ты прав, — сказал старший. — Мы его искалечим и бросим здесь, а сами укочуем за семь рек, за шесть перевалов.

На другой день рано утром он вошел в белый дворец и увидел, что Хеймер-оол спит, обнявшись с красавицей, излучающей свет солнца и луны. Он ударил дубиной спящего брата, вырвал из его объятий красавицу и саблей отрубил ему ноги. Когда он выволок красавицу, старшие братья уже разбирали дворец. Бедная жена Хеймер-оола вырвалась и подбежала к мужу, но братья схватили красавицу, связали и бросили. А потом разобрали все юрты, навьючили их на коней и откочевали за семь рек, за шесть перевалов. Безногий Хеймер-оол остался совсем один. Когда он пришел в сознание и огляделся, он увидел: нет в степи ничего, что бы шлохнулось, и нет ничего, что бы промелькнуло. Он подполз к тому месту, где была его постель, и увидел свой дорогой белый камень — братья вытрянули его из подушки. Хеймер-оол сунул камень за пазуху и пополз по степи. Скоро он увидел около бугорка жирного тарбагана. Из последних сил бросил он камень и разбил тарбагану голову. Он съел сырое мясо, и стало тепло в его животе, появилась сила в руках, а тусклые глаза его засветились. «Нет на свете людей более коварных, чем мои братья, нет на свете камней более прекрасных, чем мой белый камень! — подумал он. — Если мои братья смогли со мной так поступить, то не видать им добра в жизни». И медленно пополз вперед. Он полз очень долго. И вот встретился ему человек, у которого не было рук по плечи.

— Кто ты? Откуда и куда ты идешь? — спросил Хеймер-оол.

— Я — самый ловкий и самый быстроногий человек. Услыхал я однажды, что в Шулбу-Хуре живет человек, с которым никто не может сравниться в ловкости. И я решил с ним состязаться. Но когда я туда пришел, меня встретило чудовище с медвежьим туловищем, коровьей головой и с длинной конской гривой, развалившейся на обе стороны. Я испугался и повернул назад, но этот шулбус меня быстро догнал, схватил за руки и оторвал их по плечи. А что с тобой случилось? Кто тебе ноги оторвал?

— Мои коварные братья отрубили мне ноги и бросили одного в бескрайней степи. С тех пор я ползу. Не знаешь ли ты, друг, где можно вылечиться? Дай совет.

— В том самом хуре живет ученый человек. Он все может. Слепому он дает глаза, безногому — ноги, безрукому — руки.

— Отвези меня туда, — сказал Хеймер-оол.

— Я бы и сам пошел туда лечиться, но боюсь того шалбуса. Нет, теперь я туда не пойду, — ответил безрукий.

— Не бойся. Справиться с шулбусом — моя забота, — сказал Хеймер-оол.

Безрукий согласился, посадил на спину Хеймер-оола, и они направились к Шулбу-Хуре. Шли очень долго, часто останавливались; безрукий отдыхал. И вот они увидели человека, который шел, выставив руки вперед. Деревья, которые ему попадались, он вырывал с корнем, огромные камни раздавливал в порошок. Оказалось, он слепой и просто ощупывает все, что есть на пути. Друзья окликнули его, поздоровались, спросили, как попал он в такую беду.

— Я — великий силач, — сказал он. — Услыхал я однажды, что в Шулбу-Хуре живет человек, с которым никто не может сравниться в силе. И я решил с ним состязаться. Но когда я туда пришел, на меня набросилось чудовище с медвежьим туловищем, коровьей головой и с длинной конской гривой, развалившейся на обе стороны. Мы схватились. Боролись тридцать дней — целый месяц, и никто не мог победить. Мы так устали, что вдруг остановились. Медведь с коровьей головой выпустил меня и ушел. Я хотел посмотреть, куда он ушел, и оказалось, что я ничего не вижу: за тридцать дней борьбы я ослеп.

— Мои коварные братья, — сказал Хеймер-оол, — отрубили мне ноги. А то самое чудовище оторвало моему другу руки. Как ты думаешь, кто нас мог бы вылечить?

— В Шулбу-Хуре живет ученый человек, он все может. Но я боюсь теперь туда идти. Там мой враг, — сказал силач.

— Пойдем с нами,— сказал Хеймер-оол.— И мы все вылеземся.

— Нет, пусть меня убьют, но я никогда туда не пойду!

— Не бойся. С чудовищем я справлюсь сам.

Слепой согласился, посадил на спину безногого Хеймер-оола, а безрукий их повел. Неизвестно, сколько они шли. Но пришли наконец к Шулбу-Хуре. Другьями Хеймер-оола овладел страх. Они стали уговаривать его вернуться.

— Лучше без рук, без глаз, но все-таки жить,— говорили они.— Ведь это чудовище нас убьет!

Хеймер-оол криком приказывал им двигаться вперед. Они зашли в овраг, остановились и сказали:

— Мы боимся. Мы не верим, что ты справишься с шулбусом. Расскажи нам, как ты будешь с ним бороться?

Хеймер-оол вытащил из-за пазухи свой дорогой белый камень.

— Вот этим камнем я убью чудовище.

— Что ты! Это ведь не муха, чтобы его убить таким камешком! — сказал безрукий.

— Слепой пощупал камень и сказал:

— Я иду назад.

Хеймер-оол долго их уговаривал, и они все-таки согласились.

Втроем подошли к хуре. Но безрукий на шаг отстал, а потом повернулся и тихонько удрал. Слепой не видел, что безрукого уже нет с ними, и спокойно шел вперед. Хеймер-оол голосом его направлял. И вдруг спросил:

— Каково из себя чудовище, если смотреть на него спереди?

— А что, оно уже здесь? — испугался слепой и хотел повернуть назад.

— Нет, его еще нет,— успокоил друга Хеймер-оол,— я просто спросил.

— Оно голубого цвета и издали похоже на корову. Когда подбежит ближе — видна черная грива, развалившаяся на обе стороны.

Хеймер-оол видел, как прямо на них бежала голубая корова. Но он ничего не сказал слепому и приготовил белый камень. Чудовище бежало галопом, оно быстро приближалось. Была уже видна разваливающаяся черная грива, а дальше — косматое туловище медведя.

— Что, еще не видно его? — спросил слепой.

— Нет, еще не видно,— ответил храбрый парень, а сам уже замахнулся.

И вот чудовище совсем рядом! Хеймер-оол бросил белый камень и разбил ему голову.

— Вот и шулбус! — сказал он.

Слепой вздрогнул и повернул назад.

— Не убегай, шулбус уже умирает,— с усмешкой добавил Хеймер-оол.

Не веря другу, слепой подошел и потрогал безжизненное тело чудовища.

— Значит, у меня будут глаза, у тебя — ноги, а у нашего друга — руки! — радостно сказал он.

Прибежал безрукий. Опасливо поглядывая на мертвого шулбуса, он спросил:

— Неужели наш друг убил его маленьким белым камнем?

— Да,— ответил слепой,— он убил его этим камнем. А ты — трус. Где ты был? Ну да ладно. Пойдемте все к ученому лекарю. Он нас исцелит.

Втроем они вошли в хуре. Народ их встретил, как героев. И все начали молиться безногому Хеймер-оолу.

— Ты избавил нас от страшного чудовища, которое пожирало всех, кто выходил за стены хуре,— говорили люди.— Слава тебе!

Они посадили его с друзьями на шестиколесную телегу, впрягли шесть лошадей и повезли к ученому лекарю. Ученый быстро их всех вылечил и сказал:

— Теперь нет страшного шулбуса, больше мы не будем называть это место Шулбу-Хуре. Назовем его теперь в честь нашего избавителя Хеймер-кодан *, и ханом нашим пусть будет Хеймер-оол.

Все согласились и устроили в честь нового хана великий пир. Все люди — и бедные и богатые — все ели мясо и пили араку. Праздновали тридцать дней, не могли закончить праздник еще сорок дней!

А потом Хеймер-оол надел черные идикки, халат из черного шелка и шапку из черного соболя, сел на Калчан-Кыскыл-коня * и поехал искать своих братьев — поехал отомстить своим врагам, расправиться со своими мучителями.

А старшие братья каждый день ругались и спорили: кому достанется прекрасная жена Хеймер-оола. Бедная красавица плакала днем, плакала ночью и все думала о своем муже.

Хеймер-оол приехал на покинутое стойбище. Он посмотрел на место, где стоял его белый дворец, вспомнил жестокую расправу, и месть вскипела в его сердце. Он поехал по следам своих врагов.

Переплыл семь рек, перебрался через шесть перевалов и увидел аал братьев. Юрты стояли в прежнем порядке. Он подошел к своему белому дворцу и начал прислушиваться.

— Моей будет красавица! Нет, моей! — кричали братья.

Хеймер-оол не выдержал и вбежал к ним, держа наготове круглый белый камень. Братья, увидев его, так перепугались, что кубарем выкатились из дворца, чуть друг друга не передавили. Красавица, излучающая свет солнца и луны, верная жена Хеймер-оола, вскрикнула, подбежала к нему и крепко его обняла.

— Это ты! Это ты виноват! — говорили старшие братья друг другу, и зубы их стучали.

Младшему брату не пришлось их убивать — они все умерли от страха перед расплатой.

А Хеймер-оол с прекрасной женой не замечали, как прошел день, как подошла ночь. Вспоминая хорошее, вместе они смеялись, вспоминая плохое, вместе плакали. А утром он взял жену, слуг, коней, юрты и перекочевал в свое ханство.

Белый дворец он поставил в ровной степи, бесчисленный скот свой пас на зеленых горах и жил долго и правил великим ханством.

4. УРАН-ДОЙДУ, ОДАРЕННЫЙ ПОПУГАЙ

Слушайте. Раньше раннего, древней былого это было. Рога барана тогда сгибали и падали, рога быка рассыпались и в пыль превращались.

И жил тогда хан Сарын *. Три года болела, не вставала его жена. Хан пригласил двух желтых чурагачи, звездочетов-предсказателей, и сказал им:

— Три года болеет моя жена. Что сделать, чтобы она встала?

— Она должна съесть мозги ста птиц, — сказали желтые чурагачи.

Хан стал думать, голову ломать, где найти мозги ста птиц. Он обошел свое ханство, но среди его людей не было птицеловов. И вот однажды на далекой узкой речке он встретил старика, который всю жизнь ставил петли да самострелы, на том и состарился. Сарын-хан подумал: «Вот кто мне нужен. Этот старик сможет убить сто птиц». И сказал:

— Старик, приходи ко мне, в мой ханский шатер!

Сарын-хан ускакал, а старик, преодолевая страх, поехал за ним. Разве можно ослушаться, если хан приказал!

И хотя не было таких правил, чтобы хан уважал простого человека, — Сарын-хан поставил около дверей столик и усадил за него старика. На столик хан выставил свою самую удивительную пищу.

— Ешь, старик, и знай: три года не встает моя жена; ученые люди сказали, что вылечить ее можно мозгом твоей головы, потому что ты убил сто птиц. Ешь, старик, хорошенько ешь, ведь больше не придется тебе ходить под светлым солнцем, ведь умрешь, старик, ешь в последний раз!

Старик говорит:

— О мой хан, вместе со мной состарилась моя жена. Теперь она умрет с голоду. Не найдется ли у вас человека, который отнес бы ей все это, чтобы она хоть раз в жизни насытилась такой хорошей, вкусной едой.

И слезы покатались по его щекам.

— Ну-ну, старик, какой ты несносный, какой ты надоедливый человек! Ладно, принеси мне через три дня мозги ста птиц. Этим ты можешь заменить свою голову, — сказал хан.

Старик радостно заулыбался.

— О, я добуду сто птиц за три дня! В этом нет ничего трудного. Даже раньше, чем через три дня, я принесу сто птиц.

Он сложил в мешок всю вкусную еду со стола, взвалил мешок на спину и кое-как добрался до своего чума.

— Ну, старуха, был я у хана. Хан хотел забрать мою голову. Но, пожалев тебя, я выпросил у него замену. Вместо моей головы хан согласился взять головы ста птиц. Давай скорее плести петли.

Старик со старухой до рассвета сплели пятьсот петель.

В самом начале утра, когда небо чуть засинело, старик пошел к речке. Там в тополях обитали попугай, семьдесят один попугай. Один из них был одаренный попугай, мудрый попугай, и звали его Уран-Дойду*. Когда старик подошел к топлям, там уже никого не было. Попугай улетел на кормежку.

Старик расставил петли. «Когда вернутся отдыхать — все тут будут», — подумал он.

К вечеру попугай возвращались на свои тополя.

— Стойте! — крикнул одаренный попугай Уран-Дойду. — На тополя нельзя возвращаться, там черт! Давайте переищем на скалах.

И он повел попугаев за собой, на другое обиталище.

Назавтра старик говорит старухе:

— Семьдесят один попугай сидит в моих петлях. Надо пойти их собрать.

Он пришел к тополям, но не было в петлях ни одной птицы. Старик понял, что в эту ночь попугаи почевали на другом обиталище, на скалах, которые стояли поблизости. Он собрал свои пятьсот петель и расставил их на скалах.

К вечеру попугай возвращались с кормежки. Одаренный попугай Уран-Дойду говорит:

— Теперь здесь нам нельзя почевать, теперь черт здесь. Мы сюда не полетим, а полетим на наши тополя.

Семьдесят попугаев говорят:

— Ты не зазнавайся, одаренный попугай! Ты, видно, зазнался, одаренный попугай! Ты зазнался, что ты — одаренный попугай! Что ты нам говоришь? То там черт, то тут черт! Как может быть черт и там и тут? Или там черт, или тут! Не хотим мы дальше лететь, мы устали, наши лапы замерзли. На скалах теплей, чем в тополях. Мы будем почевать тут.

Уран-Дойду один полетел к тополям. И вскоре услышал, что все попугаи на скалах попали в петли. Они трепыхались, метались, шумели, кричали. Уран-Дойду подумал: «Они глупы, и они попали в беду. Но как можно, слыша их, не помочь им?» И он полетел на скалы.

Попугаи хлопали крыльями и кричали:

— Спаси нас, Уран-Дойду! Мы попались! Мы пропали! Мы погибнем! Мы умрем!

— Я вас предупреждал. Вы меня не послушали. Вот вы и попались. Из петли самим не вырваться. Освободить вас может только старик. Слушайте меня. Ждите рассвета. Когда придет старик — лежите не шевелясь, будто вы мертвые. Старик вас всех унесет со скал. Потом он будет каждого освобождать от петли, бросать на землю и считать: «Один, два, три, четыре...» Лежите на земле, не шевелитесь. Когда он скажет: «Семьдесят один» — все дружно взлетим.

И Уран-Дойду залез в верхнюю петлю. Всю ночь пролежали попуган. А утром пришел старик — проверять петли.

— Ага-а! — радостно закричал он, — попались, кулугуры! О, да вы все сдохли от страха!

И, не долго думая, начал вынимать попугаев из петель, бросать на землю и считать. Птицы лежали не шевелясь. Наконец старик вынул из петли последнего попугая, Уран-Дойду. Не выпуская его из рук, он сказал:

— Семьдесят один!

И семьдесят глупых попугаев разом взлетели.

— Ах, кулугуры! — закричал старик, — обманули меня! Ну, ладно, уж с этим-то я справлюсь. Глаза ему вырву!

И сжал в руке Уран-Дойду, одаренного попугая.

— Подожди, старик, не спеши, — заговорил попугай. — Мне все равно, когда умирать, сейчас или потом. Но если ты убьешь меня сейчас, я убью тебя потом. Я знаю, ты должен достать мозги ста птиц, и уже истек срок. Я умру сегодня, а ты завтра. Но я могу тебя спасти. Пойди туда, где знают мне цену, пойди к дужумету Сарыылдыгу, который живет недалеко от аала Сарын-хаана. Моя цена — пятьдесят серебряных монет. За десять монет ты купишь сто птиц, а сорок оставишь себе и станешь богатым.

Старик пошел к дужумету. Сарыылдыг обрадовался и купил одаренного попугая за пятьдесят серебряных монет. Он сказал:

— Я спас твою жизнь, Уран-Дойду. Давай будем родными братьями, как от одной матери.

— Я согласен, — ответил попугай.

— Я должен уехать по делам, — сказал дужумет. — Когда меня нет, моя жена куда-то уходит. И никто не знает, куда она уходит. Ты, брат, посмотри за ней, не выпускай ее из юрты.

Только Сарыылдыг-дужумет уехал, его прекрасная жена оделась и начала седлать коня. Уран-Дойду сел на ее плечо и сказал:

— Что ж ты делаешь? Мой брат, твой муж на службу уехал. Разве можно уходить, когда его нет?

— Что за чертовщина, что за надоедливая птица! — закричала красавица. — Неужели она так задается из-за того, что стоит пятьдесят серебряных монет? Я сейчас же отрублю голову этому кулугуру! У моего отца есть серебряная тренога, которая стоит пятьдесят серебряных монет. Ее я отдам мужу вместо этой противной птицы! Слуги, хватайте ее, вяжите!

Слуги схватили попугая, связали ему лапы. Жена джукмета вытащила из ножен саблю и замахнулась.

— Подождите, моя невестка, не спешите! — крикнул попугай. — Я не знал, что вы рассердились. Я хотел рассказать вам сказку. Если желаете слушать — слушайте.

— Шияан *, — сказала красавица.

— Шияан, — начал Урай-Дойду. — «Давно это было. Жил у реки Улуг-Кара-Хем * старый охотник. У него был единственный сын, который знал все девять языков. Однажды старик сказал: «Слушай меня, сынок. Завтра и умру. Тебе я оставляю три красные сияющие монеты. На них ты должен купить три добрых волшебных слова, которых ты не знаешь. Ни за что не отдавай монеты: ни за серебро, ни за золото, ни за прекрасную девушку, ни за несметный скот. Только за три слова отдай свои монеты. Этими словами ты поможешь людям». Всю ночь говорил старик, а на рассвете пришел три монеты козлиной жилкой к халату сына с внутренней стороны. И умер.

Мальчик похоронил отца и пошел на юг. Три сияющие красные монеты были видны сквозь халат и ночью светяли, как три огня. Многие хотели их купить, многие хотели их украсть, но мальчик зорко их охранял. Шел он долго, шел все тридцать дней месяца и пришел туда, где не росла трава, где был только горячий песок. Желтый песок раскалялся все сильнее и сильнее, идики мальчика покоробились от жара, а на ногах появились волдыри. Куда ни глянь — везде сухая пустыня и больше ничего. Мальчик прошел еще несколько дней и наконец увидел аал. Это был аал богатого китайца. Китаец увидел три красные сияющие монеты, вышел навстречу мальчику и вежливо пригласил его к себе. Он посадил гостя на почетное место, угощал лучшей едой, сам ему прислуживал и все время ласково улыбался. В юрте китайца мальчик увидел очень красивую, совсем молоденькую девушку.

Китаец говорит: «Я вижу, мой дорогой гость, тебе понравилась эта девушка. Ты можешь у меня ее купить. Я отдам ее вместе со всем аалом за три красные монеты. Я хочу купить монеты». — «Есть три добрых волшебных слова, которых я не знаю, — сказал мальчик. — Только за них я отдам эти монеты. И больше ни за что».

До самого рассвета надоедал китаец мальчику, но не смог его уговорить. А когда взошло солнце, закричал: «Нищая тварь! Целый день я тебя кормил! Первое слово, которого ты не знаешь, — это «Встань в стремя!» Осталь-

ных я не знаю сам». Он оторвал от халата мальчишка одну из сияющих красных монет и, не дав ему поест, выгнал.

Мальчишка пошел дальше на юг. Было суше, чем в сухой степи, чем в желтой пустыне. И озера высохли, и реки высохли, и нечего было пить. Через три дня показался аал. Это был аал богатого китайца. Китаец увидел красные сияющие монеты, побежал навстречу мальчишку и очень вежливо пригласил его к себе. Он посадил гостя на самое почетное место, угощал самой вкусной едой, сам прислуживал и все время улыбался. А потом сказал: «Я дам тебе рыжего коня с черными глазами, дам серебряное седло и потник, дам столько серебра, сколько сможет унести белый верблюд,— только отдай мне твои красные сияющие монеты!» — «Есть два добрых волшебных слова, которых я не знаю,— ответил мальчишка.— Только за них я могу отдать мои монеты. Скажите их, и монеты — ваши».

Китаец постелил гостю мягкую постель, сел рядом и до самого рассвета уговаривал мальчишка продать монеты. А когда взошло солнце, закричал: «Нищая тварь! Одно из добрых волшебных слов, которых ты не знаешь,— это «Сутти не узпав, не показывай нрав!» Второго я не знаю сам». И, упершись в мальчишка ногой, он оторвал от его халата красную сияющую монету.

Мальчишка пошел дальше на юг. Шел два дня и две ночи и опять пришел к богатому китайцу. И все было, как прежде. Ласковый хозяин ухаживал за гостем, а потом сказал: «Я дам тебе парадную обувь и одежду, дам столько серебра, сколько сможет унести белый верблюд, только отдай мне свою красную сияющую монету». — «Есть одно доброе волшебное слово, которого я не знаю. Скажите его, и монета — ваша».

Китаец постелил гостю мягкую постель и всю ночь уговаривал продать монету. А утром закричал: «Нищая тварь! Слово, которого ты не знаешь,— это «Живите в мире!» А теперь убирайся!» И, оторвав последнюю красную монету от халата мальчишка, он выгнал его.

Мальчишка пошел дальше на юг. Не было кругом ни травы, ни воды, ни аалов. Нечего было есть. И он подумал: «Мой отец — злой, коварный человек. Он меня погубил. Зачем мне эти три слова? Надо было хотя бы одну монету отдать за добро, за скот. А теперь я умру. И мальчишка вырыл в песке могилу и лег в нее.

Вдруг он услышал голоса многих людей. И нельзя было разобрать: то ли они поют, то ли плачут. «Этим людям я отдам

одно из слов, которые наказал купить отец», — решил мальчик и встал. Люди плакали. Он пошел им навстречу и закричал: «Встань в стремя! Встань в стремя!» Услышав эти слова, люди обрадовались, заулыбались и окружили мальчика тесным кольцом. «Встань в стремя! Ведь это значит: Будь готов к дороге! — говорили они. — Наше спасение — в дороге. Он поедет. Он нас спасет».

Мальчику дали белые идики, халат из белого шелка и шапку из белого соболя, посадили на красного коня с черными глазами, нагрузили белого верблюда самой разной едой и сказали: «На этой земле высохла вся вода. Половина людей умрет, половина скота умрет. Не высохло только дно Успа-моря*. Много людей туда ездили за водой, но никто не вернулся. Сто войск хапа туда ездили, но и они не вернулись. Вернуться оттуда может только человек, который готов к дороге, который сказал: «Встань в стремя!» Поэтому ты должен ехать к Успа-морию».

И мальчик поехал на юг. Он ел пищу, которую вез белый верблюд и думал: «Все-таки мой отец — злой человек. Зачем мне эти три слова? С ними мне пропадать! Разве я вернусь оттуда? Там погибло столько людей! Лучше бы я продал монету одному из китайцев!» Скоро он увидел вдоль дороги много белых костей. Потом он увидел горы белых костей и горы человеческих тел. В некоторых телах еще теплилась жизнь, у некоторых еще шевелился один палец. И вот показалось Успа-море. Вода в нем так высохла, что осталась только на самом дне, черпать ее можно было только ковшем. Мальчик напился сам, потом наполнил коня и верблюда. И начал наполнять кувшины, которые нес верблюд. Но не успел он налить даже половину кувшина, как за его спиной кто-то сказал: «Пора». Он обернулся и увидел, что кто-то занес саблю над его головой: «Что ты, друг? Сути не узнав, не показывай прав», — сказал мальчик второе купленное им слово. Тогда человек подхватил его и понес, и мальчик увидел, что он — у дверей белой юрты. «Заходи в юрту». Мальчик вошел. Перед ним сидела Сняющая красавица с опухшими, заплаканными глазами. «Живите в мире!» — сказал он, истратив последнее волшебное слово. Заулыбалась красавица и накормила мальчика самой вкусной едой. Человек, стоявший снаружи, опустил саблю в ножны, вошел в юрту и спросил: «Откуда ты пришел, добрый властелин, у которого желание совпадает с дорогой, а дорога — с желанием?» — «Я пришел оттуда, где не растет трава, где нет воды,

где все высохло. Я пришел, чтобы помочь людям». — «На дне Успа-моря бьет аржан, вечный источник. Наполняй свои кувшины». И мальчик оказался на прежнем месте, у моря.

Он наполнил аржан-водой все кувшины, навьючил их на верблюда и на коня и поехал назад. Скоро над этой землей пошел долгий, обильный дождь.

Мальчик подехал к аялу хана. Ханская шившикин выглянула из юрты и говорит: «Вернулся мальчик, который ездил на Успа-море за водой. Он везет полные кувшины». — «Ха-ха-ха! Ну и глупец! — рассмеялся хан. — Везет издалека воду, когда кругом столько воды! Он привез полные кувшины? Вылить их на землю!» Сын хана подбежал к верблюду и коню и увидел, что вся посуда наполнена аржан-водой. Он вылил ее на землю. На тех местах, куда попала аржан-вода, сразу выросли крупные, сочные ягоды.

Подбежали люди. Сняли с мальчика хорошую одежду, надели лохмотья и прогнали. Он пошел назад, на север. В одной ложбине росло много гусиных лапок. Они были длинные, толстые. Мальчик сделал из их стеблей чум и ел их корни. Так и жил.

Слушайте дальше. Великий правитель вызвал к себе хана и его сына. «Почему вы сделали так, что на вашей земле исчезла вода? Придется снять ваши головы». «Просните, о владыка, — сказал хан, — как мы можем сделать, чтобы вода исчезла? Она сама исчезла. Ходил здесь оборванец, который говорил: «Встань в стремя!» Его отправили за водой на Успа-море. Когда он привез воды, пошел проливной дождь, взошли травы. А теперь опять нет воды...» — «Где, где этот мальчик?!» — «Не знаем». — «Разыскать немедленно! Привести ко мне! А если мальчика здесь не будет — головы ваши сниму вместе с шапками, руки оторву вместе с рукавами!» Владыка заключил сына хана в черную юрту, а хана отправил на поиски оборванного мальчика.

Хан взял с собой тридцать человек и пошел по степи, по холмам, по горам. В ложбине, в чуме из стеблей гусиных лапок они нашли мальчика. Он лежал и ел корни гусиных лапок. «Вставай, почему лежишь, когда тебя сам Великий правитель зовет?!» — надменно закричал хан. «Я не пойду к нему». — «А если он сам идти не хочет — вяжите его!» Мальчик векочил, захватил побольше пыли и бросил ее в глаза ханским слугам. Они ослепли. Хан едва ушел, вернулся к Великому правителю и рассказал ему обо всем. Тогда правитель

поехал сам. Он двумя руками почтительно протянул мальчику большой белый кадак. Мальчик взял толстый травяной стебель и почтительно протянул его правителю. «В этом мире, в котором я правлю, ты приносишь большую пользу», — сказал Великий правитель.

Он дал мальчику в жены сияющую красавицу, излучающую свет солнца и луны.

А хану и его сыну отрубил головы».

Этим словом Уран-Дойду закончил свою сказку. Невестка сразу же засуетилась и начала собираться.

— Постоите, не уходите, вот еще одна интересная сказка, — сказал Уран-Дойду, одаренный попугай. И начал:

«Прежде былого это было. Жил на свете Сарын-хан. И был у него резвый дикий конь. Никто не мог поймать этого коня.

Однажды хан приказал, чтобы привели к нему человека, который выучился китайскому волшебству. Этот человек пришел. Хан насмешливо на него посмотрел. «Говорят, ты выучился волшебству? Ишь, какой волшебник! Ха-ха-ха! Почему же я не вижу твоего волшебства? Если ты настоящий волшебник, сделай что-нибудь прямо здесь, на моих глазах!» — «Хорошо, хан, я покажу вам свое волшебство. А долго ли показывать?» — «Давай до самого обеда. Мне до обеда нечем заняться. Вот я и посмотрю». — «О нет, хан, если я буду показывать свое волшебство до самого обеда, вы не выдержите. Давайте лучше так: налейте горячего чая в золотую чашу и поставьте ее на столик, который стоит перед вами. Пока остывает чай, пока идет от него пар, я буду показывать волшебство». Хан согласился. Он налил чаю и поставил золотую чашу перед собой. Волшебник внимательно посмотрел на хана. Хан отвел глаза и посмотрел на чай. Вдруг он услышал громкий шум. Оказалось, что его слуги пригнали к дворцу дикого леуловинного коня, которого никто уже многие годы не мог поймать. Хан обрадовался, забыл про волшебника и выскочил из дворца. Он увидел, что все слуги, весь его народ и даже его жена, которая три года болела, не вставала, — все бегают за исуловым конем. Хан тоже стал бегать со всеми. Но вот наконец коня окружили и поймали. «Скорее садись на него!» — крикнула ханша. Хан сел. Конь рванулся и понес хана на юг. Рысью шел, мягко шел, суставы тростника ногами не ломал. Вот как шел! И остановился на пустынном берегу бушующего моря. И вдруг он встал на дыбы, сбросил хана и ускакал. Хан остался совсем один на двух своих слабых ногах. Куда идти?

Что есть? Он был очень голоден и подумал: «Хорошо бы поймать в море хоть одну рыбку». Вдруг перед ним появилась безногая старуха. «Куда девался народ этой земли?» — спросил хан. «Я на этой земле никогда не слыхала о народе». — «Где же ты живешь, где твой аал, что ты ешь?» — «Здесь и живу, вон там — мой чум. Ловлю полевых мышей, копаю корни гусиных лапок — этим и живу». — «А что, разве здесь нет коней?» — «Я не знаю, что такое конь. Мыши, суслики — это я знаю. А про коней не слыхала». — «Что ж, пойдем к твоему чуму». Безногая старуха повела хана к чуму. В чуме ему понравилось. Там было чисто, прибрано. И Сарын-хан женился на безногой старухе.

Через год она родила удивительно красивого мальчика. Еще через год — второго, а потом и третьего. Хан и старуха очень любили своих сыновей.

Однажды Сарын-хан пошел в степь ставить петли на сусликов. Вдруг он обернулся и увидел: старшие братья взяли маленького за руки и пошли к морю. «Вернитесь! Вернитесь!!» — закричала старуха и побежала за ними. Хан бросил свои петли и тоже побежал со всех ног. Но пока они бежали, мальчики подошли к самой воде, и море своими волнами схватило по очереди одного, второго и третьего. Старуха прыгнула в волны вслед за детьми и тоже не вернулась. Хан остался совсем один. Он сидел на пустынном берегу и не знал, что ему теперь делать, куда идти и надо ли куда-нибудь идти. Обильные слезы текли у него из глаз. «Ну что, хан, может быть, хватит?» — раздался вдруг над ним человеческий голос. Хан вздрогнул, поднял глаза и увидел волшебника. Оказалось, что он сидит в своем дворце за столиком. Перед ним стоит чай в золотой пиале. Хан смотрит на этот чай, а из глаз его текут слезы. Хан попробовал чай — он был еще теплый.

«Ну вот, хан, я и показал вам свое волшебство. Еще не успел остыть чай в золотой пиале. А если бы я показывал вам волшебство до самого обеда, вы бы не выдержали. Вы не вставали со своего места, а казалось вам, что скакали на коне. А то, что вам казалось бушующим морем, — то был чай в золотой пиале».

Этими словами Уран-Дойду, одаренный попугай, закончил сказку. И тут приехал его старший брат, Сарындыг-дужумет. Хитрая красавица так никуда и не ушла.

5. ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАРЫСА, ОБУЧЕННОГО КИТАЙСКОМУ ВОЛШЕБСТВУ

Слушайте. Жили у реки Кадын-Хем старик со старухой. Была у них белая юрта и тысяча серых овец. И был единственный сын — дурачок Карыс. Он никогда не пас овец. Их пасли по очереди старик со старухой. Однажды старик ей говорит:

— Наш Карыс совсем дурной. Ведь он не справится с нашими овцами, когда мы умрем. Что делать? Говорят, есть на свете китайское волшебство. Если дурачка обучить этому волшебству — он станет нормальным человеком, если глупца обучить — он станет умным. Вот бы нам обучить своего бедного сына! Но где лежит эта страна Китай?

А на другой день к их юрте подъехал китаец на вороном коне, в черном шелковом халате и с черной перекидной сумой.

— Наша мечта сама идет в наш дом! — сказали друг другу радостные старики. Они посадили китайца на почетное место, сварили крепкий вкусный чай, поставили сахар и лепешки. Говорили с гостем очень уважительно.

— Наш сын, — сказал старик, — очень дурной и озорной. Мы хотим его обучить наукам.

— Как зовут вашего сына?

— Его зовут Карыс. Мы его бережем, как зеницу ока, как кость пальцев. Он у нас единственный. Научите его китайскому волшебству, от которого глупость уходит, а ум приходит.

— Что ж, если он хочет научиться — пусть учится. Заколите-ка мне самую жирную овцу и зажарьте ее целиком!

Старик выбрал самую большую серую овцу, заколол ее и зажарил. Китаец наелся, а остаток положил в черную суму. Три дня он чертил на бумаге чертеж. На четвертый сказал:

— Здесь я начертил землю. И начертил твой путь. С этой бумагой в руке ты, старик, вместе с сыном пойдешь на юг и будешь идти дни и ночи, целый месяц, пока не придешь к морю. На берегу моря ты увидишь большой китайский город. В этом городе должен учиться твой сын.

И китаец уехал. В начале месяца, в начале ясного дня старик положил в черную суму мяса на месяц пути, взял с собой сына, и они отправились на юг. Карыс шел радостный и веселый. А старик все смотрел и смотрел на чертеж и убеждался, что китаец начертил ему весь мир без ошибки! Через месяц

они пришли к городу на берегу моря, к городу, у которого не было видно ни конца ни края! Они пошли по нижней улице, как рисовал китаец. И вдруг встретили его самого.

— Ты вовремя пришел, старик,— сказал он.— Я беру твоего сына в ученики. Приходи на это место через три года пятнадцатого числа среднего месяца зимы. Возьмешь сына назад.

Старик, радуясь, что все так получилось, пошел домой. По чертежу земли он легко нашел дорогу и через месяц был на родном Кадын-Хеме.

Старик со старухой считали каждый день и все говорили:
— Трудно ждать целых три года!

По одному дню они отсчитали почти три года. За месяц до срока старик взял чертеж земли и пошел в Китай. Он добрался до города на берегу моря. Но по улицам не шли, как прежде, толпы людей. Город был пуст, мертв. Не было ничего, что бы шелохнулось, не было ничего, что бы промелькнуло. «Видно, я заблудился,— подумал старик,— это не тот город». Но вот он вышел на ту самую улицу, на которой три года назад встретился с китаецем. Вдруг город потемнел, с неба донесся шум и свист. Старик поднял голову. Огромная туча голубей закрыла солнце и снижалась. «Наверное, в этом городе живут теперь только голуби,— подумал он.— Если бы я знал их язык, я бы спросил их, куда девались люди». Старик долго стоял на условленном месте, но никого не дождался. И решил идти домой. По дороге его нагнал голубь. Он вился над ним и не давал покоя. Бедный старик устал вертеть головой и сел на землю. Голубь сел рядом. Старик погладил его и сказал:

— Придется тебя взять с собой.

И вдруг голубь превратился в его сына! Тут подлетел еще один голубь, сел на плечо старика, спрыгнул на землю и превратился в учителя-китайца.

— Ну, старик, принимай своего сына,— сказал он.— Где ты найдешь волшебство, которое превращает человека в птицу? А твой сын знает это волшебство. Он может превратиться в любую птицу и знает языки всех птиц! Ты пришел в город, увидел, что в нем нет людей, и опечалился. Ты не знал, что все люди этого города превратились в голубей. Твой сын носит плохое имя. С таким именем легко попасть в черную книгу шулбусов. Пусть отныне его зовут Илбичи-Кара*.

Сказав это, китаец превратился в голубя и улетел. Старик пошел на север. Сын, превратившись в голубя, полетел рядом.

«Наконец-то он станет хозяином Кадын-Хема!» — радостно подумал старик. И тихонько запел:

Скала в реку обрушится —
Наука не разрушится.
Скалу разрушит эпой..
А сын — всегда со мной!

Через месяц они были на родном Кадын-Хеме. Сын рассказывал отцу и матери, как он учился китайскому волшебству, радовался и торжествовал. Исчезла прежняя глупость. Появился у сына настоящий мужской ум! Он ходил по стойбищу и все время колдовал. Старик сказал старухе:

— Смотри, старое имя его не произноси. Если мы трижды назовем его старым именем, он попадет в черную книгу шулбусов. Так сказал китаец.

— О небо! Как же его теперь звать?

— Учитель назвал его Илбичи-Кара.

Через несколько дней старик сказал жене:

— Сын наш теперь ученый, а мы — совсем старые. Если сегодня умрем — то, может быть, поздно вечером, если завтра — то, может быть, рано утром. Надо найти нашему сыну девушку, которая варила бы ему еду.

Старик сунул за пазуху кусок золота с голову коня, кусок серебра с голову волка, шелковый желтый кадак и отправился искать невесту для сына. Он шел вверх по Кадын-Хему и через три дня увидел вдали богатый аал. Куча золы, вынесенная оттуда, была величипой с юрту. А в центре аала, огромный, как холм, стоял круглый белый дворец. Вдруг из него выбежали сотни красавиц, излучающих свет солнца и луны. «Хорошо бы сосватать одну из них!» — подумал старик и подошел к белому дворцу. «Пусть сопутствует мне удача, пусть желание мое совпадет с дорогой, а дорога — с желанием!» — сказал он, входя во дворец, и увидел белоголового старика и седую старуху. Он поклонился хозяевам, изогнувшись, как сырая лоза.

— Откуда и куда идешь? — спросили его.

— Мы со старухой живем по Кадын-Хему. Мы хотим женить своего единственного сына.

— Сидя на почетном месте, мы не вершим дела. Сидя у подножия тайги, мы не стреляем зверя. Ты видел сотни красавиц? Выбирай себе любую.

«Удача сопутствует мне, дорога моя совпадает с желанием», — подумал старик и отдал хозяевам дворца кусок зо-

лота с голову коня и кусок серебра с голову волка. Он выбрал из сотен красавиц ту, которая была похожа на молодую луну и на ясное утро, и повел ее вниз по Кадын-Хему. «Моя мечта осуществилась!» — думал он и радостный шел домой.

Слушайте дальше. Старик женил сына на красавице. Вчетвером они отпраздновали свадьбу. А через несколько дней старики узнали, что красавица не поцует в юрте сына. Илбичи-Кара пришел к ним и спросил:

— Разве так должно быть, когда люди поженились? Чуть солнышко зайдет — жены дома нет. Чуть солнышко взойдет — жена тут как тут!

— Что мы можем сказать тебе, сынок? Ведь мы не ученые. А ты обучен китайскому волшебству. Поколдуй, может, сам что-нибудь узнаешь.

Илбичи-Кара тут же превратился в спину и полетел вверх по Кадын-Хему. Он садился на деревья, насвистывал и вдруг увидел свою жену, которая недавно исчезла. Не касаясь погань земли, она летела вдоль реки к истоку. Илбичи-Кара, не отставая, полетел следом. Красавица остановилась около кучи золы величиной с юрту, трижды обежала ее... и нырнула в золу в своей золотой одежде! Она тут же выскочила из золы, встряхнулась, обернулась красной лисицей и рысью побежала вверх по реке. У истока был огромный белый холм с пещерой. Сотни красных лисиц играли у холма и искали еду. К ним прибежала и эта лисица. А к утру одна из них отделилась от стаи, прибежала к куче золы, повалялась в ней, встряхнулась, стала красавицей в золотой одежде и полетела вниз по реке. Илбичи-Кара вернулся к белому холму, к пещере и при помощи своих волшебств узнал, что это — стойбище шулбусов. Он превратился в серого ястреба с лошадиной головой и скоро вернулся домой. Около юрты принял свой облик и вошел. Жена его уже сварила чай, положила сахар и лепешки.

— Куда ты ходил? — спросила она.

— Разве есть такое правило, что мужчина, женившись, никуда не может уйти? Я ходил на охоту! А вот ты куда ходишь? Чуть солнышко зайдет — исчезаешь, чуть солнышко взойдет — появляешься! Ты — красная лиса, которую ночью не видит человеческий глаз!

— Если я — красная лиса, то ты — мухортая собака, выучившаяся китайскому волшебству! — крикнула красавица, ударила мужа, и он превратился в мухортую собаку.

— Авв-авв! — залаял он и больше не мог сказать ни слова.

Лиса набросилась на него, чтобы перегрызть ему горло, но он вывернулся и убежал в темный лес. Не останавливаясь, он переплыл девять рек, перелез через девять перевалов и наконец лег отдохнуть. Утром он посмотрел с перевала вниз и увидел перед собой узкую черную речку — Чинге-Кара-Хем. Он пошел вниз по речке и встретил белоголового старика, который пас тысячу белых овец. Старик кричал на крутизне, а овцы его разбегались. Илбичи-Кара подбежал к отаре.

— Из какого мира явилась эта собака! Только пугает овец! — закричал старик и бросил палку.

Собака отскочила в сторону. Но вот овцы скрылись за крутой скалой.

— Хартыга *, заверни овец! — крикнул старик.

Собака побежала за скалу и вернула их. «О, эта собака сбежала от какого-то бая, у которого много овец,— подумал старик.— Она умеет их пасти. Она будет мне помогать. Человеку, у которого нет сына, она будет сыном, человеку, у которого нет дочери,— будет дочерью. Я сегодня удачлив!».

Вечером Илбичи-Кара вместе со стариком пришел в аал.

— Старик, зови собаку! Надо ее накормить, а то убежит! — крикнула старуха. Она налила в чашку помоев и поставила перед собакой. Илбичи-Кара лапой опрокинул чашку.

— Что за странная собака, старик, смотри, она не ест помой!

— Наверное, она жила у богача и привыкла есть то, что едят люди.

Старик положил свою еду на золотую тарелку и дал собаке. Илбичи-Кара сел между стариком и старухой и начал есть. А потом стал класть голову то на руки старика, то на руки старухи.

— Пусть отныне эта золотая тарелка будет собачьей тарелкой,— сказал старик.

Каждый день собака вместе со стариком пасла овец, а вечером загоняла их в загон. Три года она, как сын, помогала старику.

Слушайте дальше. В середине белой степи жил хан Ак-Сагыш *. Каждый год хан женился. Каждый год у него умирала жена. И ни хан, ни ученые люди ничего не могли понять. Ханские настихи рассказали владыке об умной собаке старика, который живет на Чинге-Кара-Хеме. «Пусть приведут мне эту собаку,— решил хан.— Может быть, она сумеет уберечь мою жену». И послал к старику трех слуг.

— Мы пришли от хана. Мы пришли за Хартыга-собакой,— сказали слуги.

— Когда хан приказывает, не только любимую собаку — голову свою отдашь,— сказал бедный старик.

Глядя на собаку, они со старухой плакали, а глядя на слуг — улыбались.

— Она ест то же, что и люди,— сказал старик. Он рассказывал, как надо кормить собаку, и отдал ее слугам.

— Что, старик жалел свою собаку? — спросил хан.

— Он сказал: «Когда хан приказывает, не только любимую собаку — голову свою отдашь»,— ответили слуги.— Он сказал, что ест она то же, что и люди.— И рассказали, как ее надо кормить.

— У них нет детей, потому они ее так кормили,— сказал хан.— А собака должна есть собачью еду! Налейте ей помоев!

Принесли чашку с помоями. Собака подошла и опрокинула ее лапой. А потом вбежала в ханскую юрту, села между ханом и ханшей и начала есть из золотой тарелки.

— Пусть отныне эта золотая тарелка будет собачьей тарелкой,— сказал хан.

И днем и ночью он держал собаку на привязи. Через несколько дней сказал:

— Отпустите ее и, если побежит к старику на Чинге-Кара-Хеме, отрубите ей голову!

Слуги отпустили собаку, но она никуда не ушла. Она спала на постели, положив голову на подушку, как человек.

Через месяц в полночь раздался гром. Он донесся то ли из верхнего мира, то ли из-за семи перевалов. И вдруг с неба с шумом рунулась на землю огромная золотая утка. Она опустилась около ханской юрты и сразу же сунула свой длинный красный нос сквозь войлок, туда, где спала ханша. Но Хартыга-собака в тот же миг перекусила утке шею. Хан и ханша упали с кровати от крика, который не был похож на крик, от грома, который не был похож на гром. Утром, когда все стихло, хан спокойно вышел из юрты и увидел огромную девятихребтовую золотую утку с красным носом, длиной в девять пядей. Шея ее была перекушена. А рядом без движения лежала Хартыга-собака. «Неужели и она погибла?» — подумал хан и склонился над собакой. Живот ее чуть-чуть двигался. Она дышала. Хан положил собаку на белый олбук, полил белым молоком, лечил белым лекарством. И она оживала.

Жене хана с этих пор ничто не угрожало. «В нашей стране власть принадлежит мухортой собаке на четырех ногах», — думал хан. И ухаживал за собакой, как за сыном.

Вскоре к хану зашла оборванная желтая девушка. В руках у нее был железный посох с тигровой головой. Она целый день внимательно смотрела на собаку, а потом сказала:

— Не может быть собакой тот, кто подавил шулбуса из верхнего мира. Наверное, это сын старика, живущего на Кадын-Хеме, наверное, это Илбичи-Қара, который попал в черную книгу шулбусов и поддался их черному указу. Он знает три китайских волшебства, а я — девять! Илбичи-Қара, стань самим собой! — И она ударила мухортую собаку железным посохом с тигровой головой.

Илбичи-Қара стал самим собой. Он и девушка, превратившись в голубей, стали летать друг за другом. Хан Ак-Сагыш сказал:

— Пусть они будут моими детьми.

И они стали жить у хана. Илбичи-Қара все худел и желтел и скоро совсем высох.

— Что с тобой? — спросил хан. — Ты болен?

— Когда вспоминаю мою родину, моих родителей — не чувствую вкуса ни к еде, ни к жизни.

— Нет ничего лучше родителей, — сказал хан. — Если ты скучаешь, завтра же отправляйся к ним.

На другой день хан набил одну часть переметной сумы едой, другую — для равновесия — золотом, поймал небесного цвета коня, дал сыну халат небесного цвета, соболью шапку и проводил его домой.

Илбичи-Қара переплыл девять рек, переехал через девять перевалов и увидел родной Кадын-Хем. Струйка дыма вилась над желтым чумом стариков, другая струйка — над его белой юртой. «Мои родители живы!» — радостно подумал он и заторопил коня. Из белой юрты навстречу ему выскочила красавица.

— Мой муж, который где-то шесть лет пропадал, едет домой с добычей!

И, подбежав, она схватила его коня за повод. Илбичи-Қара вспылил:

— Отцепись, проклятая! Не зря говорят: «Не висни на поводу едущего, не цепляйся за подол идущего!»

— Я не отцеплюсь. Ведь я — твоя жена. Ты привез мне добычу.

— Не жена ты мне! Ты — красная лиса!

— Ах так! Если я — красная лиса, то ты — серая кукушка! — крикнула красавица и ударила его серой палкой.

Илбичи-Кара превратился в серую кукушку. Он взлетел на ветку и посмотрел вниз. Шулбу-красавица отвязала от седла переметную суму, полную еды и золота, и внесла ее в юрту. «Не удалось мне увидеть моих родителей, не удалось поговорить с ними! — подумал бедный Илбичи-Кара. — Пусть хоть пение мое послушают!» — И он семь дней подряд куковал над их чумом. Он так жалобно куковал, что все деревья вздрогнули и почки на них лопнули. Он так горестно куковал, что земля оттаяла и из нее вылезла зеленая травка.

— Все кругом расцвело, как начала петь эта кукушка! — говорили его родители.

Илбичи-Кара перелетел через девять рек, девять перевалов и начал куковать в аале старика, у которого он три года пас овец.

Пока он куковал, расцвели цветы девяти цветов. Он полетел вниз по Чинге-Кара-Хему и сел на дерево, которое стояло над юртой Ак-Сагыш-хана.

— Когда поет эта кукушка, мертвый воскресает, погасший огонь возгорается! — говорили люди и, взявшись за руки, плакали.

— Если кто-нибудь убьет эту прекрасную птицу — голову тому отрублю! — сказал хан.

Через три дня к ханской юрте снова подошла желтая девушка. В ее руках был посох с тигровой головой.

— Он опять попал в черную книгу шулбусов! — сказала девушка, глядя на кукушку.

Серая кукушка слетела на землю. Девушка тронула ее железным посохом.

— Илбичи-Кара, стань самим собой! — сказала она.

Илбичи-Кара стал самим собой.

— От пения серой кукушки расцветала земля. Теперь ты будешь петь вместо нее, — сказала желтая девушка и превратила синицу в серую кукушку.

А Илбичи-Кара снова стал худеть и сохнуть.

— Что с тобой? — спросил хан.

— Я был совсем рядом с чумом моих бедных родителей, но так и не увидел их! Ни слова им не сказал!

Хан Ак-Сагыш набил одну часть переметной сумы едой, другую — для равновесия — золотом, поймал вороного коня,

дал Илбичи-Кара халат из черного шелка, шапку из черного соболя и проводил его домой.

Илбичи-Кара переплыл девять рек, переехал через девять перевалов и увидел родной Кадын-Хем. Струйка дыма вилась над желтым чумом его стариков... Только он подъехал к аалу, из белой юрты навстречу ему выскочила красавица и с приторной радостью закричала:

— Мой муж, который где-то целый год пропал, едет домой с добычей! — Она подбежала и схватила его коня за повод.

Илбичи-Кара, вместо того чтобы подумать, как бы ее победить, рассерженно крикнул:

— Отцепись, проклятая! Ты не красавица в золотистом халате, ты — красная лиса!

— Ах так! Если я — красная лиса, то ты — золотая трясогузка! — крикнула шулбу-красавица и ударила его своей палкой.

Илбичи-Кара превратился в золотую трясогузку. Он полетел к Ак-Сагыш-хану. Под приятный свист трясогузки хан и ханша проспали до полудня.

— Эта птица очень хорошо поет! — сказал хан. — Если кто-нибудь ее убьет — тому хребет сломаю! Пусть она вечно будет прекрасной птицей, пусть она вечно будет петь для нас и для людей будущего!

Скоро к юрте хана подошла девушка с железным посохом. — Он снова попал в черную книгу шулбусов! — сказала она, глядя на трясогузку.

Птица слетела к девушке.

— Илбичи-Кара, стань самим собой! — И девушка тронула птицу железным посохом. Перед ней встал, улыбаясь, Илбичи-Кара.

Хан Ак-Сагыш дал им скот и юрту.

— Будьте хозяевами своей земли.

Илбичи-Кара вместе с девушкой пошел в свою юрту.

— Кто ты, как тебя зовут? — спросил он.

— Меня зовут Пятнадцатилетняя Онга-Дарый. Скажи, Илбичи-Кара, о чем ты думаешь, почему ты такой грустный?

— На Кадын-Хеме давно состарились мои родители. Я каждый день думаю о них и не могу ни есть, ни спать.

— Тяжело, когда думаешь об умерших, но еще тяжелее, когда думаешь о живых. Понятно, почему ты пожелтел. Тебе надо ехать на Кадын-Хем.

Илбичи-Кара пришел к Ак-Сагыш-хану и сказал:

— Когда я думаю о моих родителях — не хочу ни есть, ни жить. Где спужу, там скучаю, где стою, там отца и мать вспоминаю.

Хан снова снарядил его в дорогу. Оседлал белого коня. Когда Илбичи-Кара был готов к отъезду, к нему подбежала Пятнадцатилетняя Онга-Дарый и, протягивая свой железный посох с тигровой головой, сказала:

— Когда навстречу тебе выбежит шулбу-красавица и схватит твоего коня за повод, скажи ей: «Ты не красная лиса, а пестрая корова!» — и стукни ее этим посохом.

Илбичи-Кара переплыл девять рек, пересек через девять перевалов и увидел дымок над чумом своих стариков. Навстречу выскочила красавица.

— Мой муж, который где-то целый год пропадал, едет домой с добычей! — И, подбежав резво, как теленок, она схватила коня за повод.

— Ты не красная лиса, ты — пестрая корова! — крикнул Илбичи-Кара и ударил ее железным посохом с тигровой головой.

Шулбу-красавица превратилась в пеструю корову и побежала вверх по Кадын-Хему. Илбичи-Кара на коне догнал ее, привел к чуму своих стариков и привязал к дереву. Он трижды обернул ремень вокруг ствола и завязал мертвым узлом.

Войдя в чум, он увидел дорогих стариков. Они были совсем слабыми, еле двигались.

— Когда я был маленьким — вы меня кормили. Теперь пришла моя пора, теперь я вас буду кормить, — сказал Илбичи-Кара.

Он взял большой топор, разрубил на части пеструю корову и разбросал ее мясо по всей степи, чтобы его склевали птицы. Кости пестрой коровы он спалил на костре. А потом по следам разыскал коня небесного цвета и вороного коня, посадил на них своих стариков, и они двинулись за девять рек, за девять перевалов к Ак-Сагыш-хану. Старик обернулся и посмотрел на Кадын-Хем.

— Если мужчина знает, куда едет, покидая родные места, то он может попасть в земли, которые в три раза лучше. Но если он не знает, куда едет, то в наказание увидит три беды. — Так говорил старик, прощаясь с родной рекой.

Илбичи-Кара не нашел слов, чтобы ответить, и подумал: «Хоть и стар мой отец, но ум у него велик!»

Скоро они приехали во владения Ак-Сагыш-хана и поставили там белую юрту. Илбичи-Кара поехал вверх по Чинге-Кара-Хему к тем старикам, у которых он, пока был Хартыга-собакой, три года пас овец. Он рассказал им обо всех своих приключениях. Вспоминая хорошее, они вместе смеялись, вспоминая плохое — вместе плакали. А потом он перевез их юрту и поставил ее рядом с юртой своих родителей.

Он стал жить с прекрасной Пятнадцатилетней Онга-Дарый. Их семья была недоступна никаким врагам, никаким шулбу-сам! Они жили долго и счастливо.

6. УЧИТЕЛЬ АК-ТУН

На севере, в устье Чинге-Кара-Хема жил старик Аганак * со старухой. У них было семьдесят желтых коз и два белых слона. И был у них единственный сын Ак-Тун *, знавший девять наук.

А на юге, на берегу моря Кара-Далай * жил Караты-хан, у которого тоже был один-единственный сын. Караты-хан узнал об учености Ак-Туна и приказал Аганaku перекочевать на берег моря Кара-Далай.

— Ты будешь пасти моих коз, твоя старуха будет донть моих коров, а твой сын будет учить моего сына! — сказал Караты-хан.

Когда Аганак вернулся домой, сын спросил:

— Что тебе сказал хан?

— Он приказал перекочевать в его аал, — ответил старик.

— Когда хан говорит, простой человек не может не слушать. Надо перекочевать, отец.

Старик навьючил добром обоих белых слонов, впереди погнав желтых коз и перекочевал к морю Кара-Далай.

Неизвестно, сколько лет они прослужили у хана. Ак-Тун научил ханского сына всему, что знал. Все девять наук постиг прилежный ученик. Однажды ханша говорит хану:

— Пора нам избавиться от ученого Ак-Туна. Он все знает и на все способен. Неизвестно, что он может сделать нашему сыну. Сегодня зарежем барана, накормим, напоим Ак-Туна и спящего уьем!

— Хорошо, я убью его, — сказал хан.

Все это слышал сын хана. Он прибежал к учителю и быстро проговорил:

— Мой отец хочет сегодня вечером напоить вас аракой и спящего убить! — И он рассказал все, что слышал.

— Ладно, приготовься, сегодня вечером мы вместе убежим, — ответил Ак-Тун.

Вечером хан зарезал серого барана и пригласил старика Аганака с сыном Ак-Туном. Но ни Ак-Тун, ни ханский сын мяса не ели, араки не пили. Они легли спать, но не спали, а разговаривали. Хан и ханша не дождались, пока Ак-Тун заснет, и заснули сами. Тогда парни встали, взяли остатки мяса и ушли.

Шли они долго. Продырявились их идики, паросли на их пятках мозоли. И вот парни пошли по берегу длинной реки и пришли в неоглядную степь. Они увидели, что какие-то люди из-за чего-то дерутся, тянут каждый к себе какую-то вещь.

— Из-за чего вы спорите? — спросил Ак-Тун.

— Мы спорим из-за шапки-невидимки. Не можем решить, кто ее хозяин.

— Но ведь это так просто! — сказал Ак-Тун. — Идите все к тому холму, а я ее подержу. Кто первый ко мне прибежит, тот и хозяин шапки.

Люди побежали к холму. Ак-Тун надел шапку-невидимку, взял за руку ханского сына, оба они стали невидимыми и ушли. Они шли долго, пересекли степь и на перевале опять увидели людей, которые из-за чего-то дрались.

— Из-за чего вы деретесь? — спросил Ак-Тун.

— Мы деремся из-за черных идиков, в которых человек летает по воздуху. Мы не можем решить, кто их хозяин.

— Но ведь это так просто! — сказал Ак-Тун. — Идите все к тому камню, а я их подержу. Кто первый ко мне прибежит, тот и хозяин волшебных идиков.

Люди побежали к камню. А парни надели по одному идику и улетели за перевал. Люди добежали до камня и обернулись. На перевале никого не было. «Ты во всем виноват! Нет, ты виноват!» — кричали они и продолжали драться.

Однажды парни проснулись на восходе солнца и увидели рядом с собой старика в золотых идиках, на золотом коне.

— Я уронил золотые гадальные кости, — сказал старик, — поищите их, дети.

Парни поискали и нашли золотые гадальные кости. Они вернули их старику. Тогда старик сказал:

— В нашем ханстве нет хана. Садитесь на этого коня, я отвезу вас в золотой дворец.

Парни сели на золотого коня позади старика. Он привез их к золотому дворцу. В нем сидела красавица. Лицо ее излучало свет солнца, а затылок излучал свет луны. Парни узнали, что у нее было уже девяносто мужей. Девяносто ханов правили этой страной, но все они скоро умирали. Ак-Тун сказал:

— Я — сын бедного пастуха, а мой друг — сын хана. Пусть он будет вашим ханом.

Люди согласились. Сын Караты-хана стал ханом этой земли и устроил большой пир.

Ночью, после пира учитель Ак-Тун задумался. «Почему все мужья этой красавицы погибали?» И вдруг увидел, что с верхнего мира на вороном с лысиной коне спускается человек с единственным глазом в середине лба. Ноги вороного коня коснулись земли, черный человек подхватил красавицу, посадил ее на коня и полетел с ней назад, в верхний мир. Ак-Тун быстро надел шапку-невидимку и летающие волшебные иднки и полетел за ними. В верхнем мире они остановились у входа в огромную пещеру.

— Что за человек новый хан? — спросил одноглазый черный всадник.

— Да так, обыкновенный паршивый мальчишка, завтра сыграю с ним в шахматы — посмотрю, что он за человек, — ответила красавица. — Но у него есть учитель Ак-Тун. Его сразу не раскусишь, — добавила она с раздражением.

Наутро учитель спросил у хана:

— Что нового узнал?

— Ничего не узнал. Хорошо выспался, — ответил тот.

— А я узнал, что твоя ханша знает с черным одноглазым шулбусом из верхнего мира. Он спускался сюда на лысом вороном коне. Вот почему умирали все ханы этой земли. Сегодня ханша предложит тебе сыграть в шахматы. Я буду стоять за тобой в шапке-невидимке и помогать тебе.

Скоро красавица и молодой хан сели за шахматы. Ак-Тун хану помогал играть, а ханше — мешал. Молодой хан обыграл красавицу трижды. Трижды поставил ей мат пешкой *! Кончив игру, он стал напевать:

Черный шулбус приспился мне,

Черный, одноглазый, на лысом коне.

— Как все странно! — воскликнула красавица, вскочила и убежала.

На следующую ночь опять прилетел черный одноглазый шулбус на лысом вороном коне, разбудил красавицу, и они улетели. Ак-Тун полетел за ними. Остановились у той же самой пещеры.

— Ну что, сыграла с ханом?

— Сыграла. Этот мальчишка трижды поставил мне мат пешкой! Да еще напелал что-то очень странное: про черного одноглазого шулбуса.

— Какой ядовитый парень! Завтра же ночью прострелю его лоб большой черной иглой! Положи его рядом с собой, чтобы я мог стрелять через дымовое отверстие, — сказал шулбус.

Прошло два дня, как ханством стал править новый хан. Народ говорил:

— Прошло всего два дня, как у нас новый хан, а кажется, что прошло два года.

Утром Ак-Тун спросил друга:

— Что нового узнал?

— Ничего не узнал. Хорошо выспался.

— Ничего ты, друг, не замечаешь. Сегодня не пей много араки. Вечером свари густой желтый чай в твоём медном китайском чайнике и закрой чайник крышкой. На стальную тарелку положи сахар и ложись около кровати. Об остальном позабочусь я.

Вечером хан сказал ханше:

— Свари мне густого чая в моем медном чайнике и закрой его крышкой. Рядом поставь стальную тарелку с сахаром. Такая уж у меня привычка! — А сам лег около кровати.

В полночь раздался гром. Ак-Тун глянул в дымовое отверстие и увидел, что черный одноглазый шулбус на лысом коне уже спустился с неба. Он висел в воздухе над юртой и прицеливался в голову хана. Еще миг — и он пронзил бы ее большой черной иглой. Ак-Тун взял чайник и повесил его над головой товарища. Игла попала в чайник и расплавилась в кипятке.

На следующую ночь шулбус опять прилетел и опять увез красавицу в верхний мир. Ак-Тун поспешил за ними. Остановились у той же самой пещеры.

— Что за человек! Превратился в каменного богатыря и спит! Моя игла его не пробил! — кричал черный шулбус. — Завтра скажи хану: «Будем освящать огонь». Я превращусь в

ястреба и свистну над юртой. Ты скажи: «Хан, выйди, посмотри, что там?» Когда он выйдет и посмотрит вверх, я прострелю ему горло!

Утром Ак-Тун спросил друга:

— Что нового узнал?

— Ничего.

— Слушай: сегодня вечером ханша предложит тебе освящать огонь. Ты согласишься. В большом котле, который висит над очагом, растопи масло и ходи вокруг огня. Когда ханша попросит тебя выйти из юрты — не выходи!

К вечеру ханша сказала:

— Сегодня будем освящать огонь.

Молодой хан растопил масло в большом котле и стал ходить вокруг огня. Вдруг над юртой засвистел ястреб.

— Хан, пойдика, посмотри, что это? — сказала ханша.

— Ты ведь огонь освящаешь, а не птицу! А я не сторожевая собака, чтобы выскакивать на каждый свист! — крикнул хан и стукнул ханшу по голове черпаком.

Ястреб в это время сел на юрту и заглянул в дымовое отверстие. Ак-Тун схватил его и бросил в котел с кипящим маслом. Ястреб вынырнул из масла и вылетел из юрты.

В эту ночь вороной с лысиной конь прилетел один, без шулбуса. Красавица села на коня и поднялась в верхний мир. Ак-Тун прилетел вместе с ней. Одноглазый черный шулбус медленно шел к пещере. Он весь обгорел.

— Ты меня погубила, — сказал он. А потом опустился на колени и умер.

Ак-Тун подумал: «Теперь моему другу ничто не грозит. Теперь он может спокойно править этим ханством. А мне пора ехать домой, к отцу и к матери».

Утром он сказал хану:

— Я все сделал, что мог для тебя сделать. Теперь я должен ехать домой, к отцу и к матери. Шапку-невидимку и летающие идики я оставляю себе.

Хан сказал:

— Я согласен. Пусть волшебная шапка и волшебные идики останутся у тебя.

В поволунне, в начале дня он проводил своего учителя.

Ак-Тун вернулся домой и увидел, что Караты-хан сломал руку его отцу, выколол глаз его матери, забрал семьдесят желтых коз и пустил их в свое стадо. Парень побежал к хану.

— Вместо того чтобы соблюдать законы и честно править

ханством, вы нарушаете законы и издеваетесь над невинными людьми! — закричал Ак-Тун.

Он так рассердился, так сжал челюсти, что чуть не выломал свои передние зубы, он так разгневался, что чуть не раскрошил свои коренные зубы! И тогда он размахнулся и ударил Караты-хана ладонью по щеке. Ханская голова слетела с плеч, как шишка, и покатила по земле.

Ак-Тун пришел к ханше.

— Что ты хочешь — кровь и мясо или коней четырех мастей?

— Коней четырех мастей, — ответила ханша.

Ак-Тун привел коней четырех мастей, привязал ханшу к четырем хвостам и пустил коней в степь.

А потом он пошел на священную гору Арзайты, выкопал там корни целебных трав эм-шагаан и дом-шагаан и вылечил ими руку отца и глаз матери. Рука стала двигаться, а глаз стал видеть.

Жил ученый добрый Ак-Тун со своими родителями долго и счастливо. Пока они жили, удлинились овраги, углубились лощины.

7. ХЕЙМЕР-ООЛ И ВОЛК ВЕЛИЧИНОЙ С БЫКА

Жил в давние времена Картыган-хан*. Было у него три сына и семь быстроногих черных коней. Однажды ночью какой-то хищник разорвал спину одного коня. Утром коня пашли мертвым. На другое утро увидели, что мертв еще один конь. Что делать? Вечером старшие братья остались сторожить коней. Но к полуночи они уснули. Погиб третий конь. Тогда хан сказал:

— Сторожить оставшихся коней будет ваш младший брат. Может быть, он справится получше вас.

Младший сын хана, Хеймер-оол, пошел сторожить коней. Он долго боролся со сном. И все-таки задремал. В это время что-то прошумело. Хеймер-оол вскочил и побежал на шум. Он увидел огромную птицу. Когтями она вцепилась в спину коня. Хеймер-оол подбежал к птице и схватил ее за крыло. Она

рванулась и улетела. В руках у парня осталось золотое перо. Утром он показал его отцу.

— О, это перо золотой птицы Алдын-хана*, который живет на севере,— сказал Картыган-хан.— Мои старшие сыновья, вы должны поехать на север, найти и привезти эту птицу!

Он дал старшим сыновьям одежду, оружие, припасы в дорогу, и они отправились в путь.

Прошло девяносто дней — три месяца, как они уехали. Картыган-хан помрачнел, опечалился. Подошел к нему младший сын и говорит:

— Не печалься, отец, я добуду золотую птицу Алдын-хана. Отпусти меня.

Картыган-хан подумал и отправил младшего сына на север.

Ехал, ехал Хеймер-оол, и вдруг из-за скалы навстречу ему выскочил волк величиной с быка.

— Дай мне твоего коня, я его съем! — сказал волк.

— Бери, ешь,— ответил Хеймер-оол.

На глазах у парня огромный волк целиком заглотал коня. И спросил:

— Куда ты едешь?

— Золотая птица Алдын-хана убивала коней моего отца. За ней ушли мои старшие братья. Уже три месяца, как их нет. Я поехал по их следам. Я возьму золотую птицу с гнездом и птенцами и привезу их отцу!

— Садись на меня, я тебя отвезу к Алдын-хану,— сказал волк.

Хеймер-оол сел на волка, и они помчались на север. Вот и вал Алдын-хана.

— Как стемнеет — иди,— сказал волк,— но лови только золотую птицу. Если возьмешь гнездо и птенцов — стража услышит и тебя схватят.

Ночью Хеймер-оол вошел в ханский аал. Он сразу увидел золотую птицу. «Ничего не будет, если я возьму ее с гнездом и птенцами»,— подумал он. И поднял гнездо. Раздался звон, вскопчила стража, парня схватили и утром привели к хану.

— Я сам огдам тебе золотую птицу вместе с гнездом и птенцами,— сказал Алдын-хан.— Но за это ты должен мне пригнать золотого коня Ай-хана*.

Грустный Хеймер-оол вернулся к волку.

— Я должен пригнать ему золотого коня Ай-хана,— сказал он.— Только тогда он отдаст золотую птицу с гнездом и птенцами.

— Это не так трудно. Садись на меня!

Хеймер-оол сел на волка, и они примчались к аалу Ай-хана.

— Как стемнеет — иди, — сказал волк. — Но веди коня за недоуздок. Узду, что висит на стене юрты, не трогай. Если возьмешь, стража услышит и тебя схватят.

Ночью Хеймер-оол вошел в ханский аал. И сразу увидел золотого коня. Он взял коня за недоуздок и повел. Было очень тихо. Вдруг он увидел висящие на стене юрты уздечки, украшенные серебром. «Ничего не будет, если я возьму одну», — подумал он. И взял узду. Раздался звон, вскочила стража, парня схватили и утром привели к хану.

— Ты хотел украсть моего золотого коня, — сказал хан. — Я тебя прощаю. Но ты должен привезти мне золотую девушку Хюп-хана *. И тогда я отдам тебе всех трех золотых коней с уздечками и недоуздками.

Хеймер-оол в слезах вернулся к волку.

— Что случилось? — спросил волк.

— Я должен привезти ему золотую девушку Хюп-хана.

— Это не так трудно. Садись на меня!

Хеймер-оол сел на волка, и они примчались к аалу Хюп-хана. Аал стоял у огромного темного леса.

— Войди в этот лес, — сказал волк, — пробеги по нему с криком и выгони оттуда белого зайца.

Хеймер-оол вошел в лес. Скоро оттуда выскочил белый заяц. Волк схватил его за уши и позвал парня.

— Возьми зайца и поводи его на золотой нитке около юрты золотой девушки. Сделай так, чтобы она подошла к лесу.

Хеймер-оол привел белого зайца к юрте золотой девушки. Все любовались красивым зперьком. Скоро выбежала и сама хозяйка юрты.

— Отдай зайца мне, я хочу с ним поиграть, — попросила она.

— Если вам нужен заяц, то пойдемте, я вам поймаю. В том лесу их много. — И он побежал с зайцем к лесу.

Золотая девушка побежала за ним. А за ней поспешили ее служанки. У самого леса прямо на них выскочил волк величиной с быка. Служанки бросились назад.

— Скорее садись на меня! — сказал волк золотой девушке.

— Нет, не сяду. Кто это ездит на волках?

— Если не сядешь, я тебя проглочу, — сказал волк и пошире открыл пасть.

Девушка посмотрела в пасть и села на волка. Сзади сел

Хеймер-оол. Они поскакали. Недалеко от аала Ай-хана волк остановился, превратился в золотую девушку и пошел вместе с Хеймер-оолом к хану. Девушке он сказал:

— Если убежишь — догони и проглочу.

Ай-хан радостно встретил Хеймер-оола с золотой девушкой.

— Бери,— сказал он,— всех трех золотых коней с уздечками и недоуздками. Ты их заработал.

Хеймер-оол взял коней и прискакал к золотой девушке. Вместе они поехали к Алдын-хану.

А довольный Ай-хан остался наедине с золотой девушкой. Но только он взял ее за руку, как она превратилась в серого волка величиной с быка. Ай-хан упал. Волк выскочил из дворца и догнал своего друга.

Скоро показался аал Алдын-хана. Волк сказал золотой девушке:

— Ты останешься с золотыми конями, а мы с Хеймер-оолом пойдем к хану.— И он превратился в трех золотых коней.

Хан радостно встретил Хеймер-оола с золотыми конями.

— Бери,— сказал он,— золотую птицу вместе с гнездом и птенцами. Ты их заработал.

Хеймер-оол поехал домой. Он ехал с золотой девушкой на золотых конях, а в руках держал золотую птицу.

Табушники Алдын-хана повели коней к реке. Кони сгрудились вместе и начали пить. И вдруг они превратились в серого волка величиной с быка. Табушники бросились кто куда. А волк побежал вверх по реке и быстро догнал своего друга.

— Я умирал с голоду. Ты дал мне своего единственного коня. Думаю, что теперь я тебя отблагодарил. Прощай! — И волк скрылся.

Хеймер-оол загоревал, что пришлось расстаться с верным другом. Он заночевал у реки. В это время возвращались домой его старшие братья. Они увидели золотую девушку, трех золотых коней и золотую птицу. Освещенный их сиянием спал младший брат.

— Ого! — сказали они. — Наш дурпой младший брат один добыл столько добычи! А мы вдвоем ничего не везем. Что скажет отец? — Они посоветались и убили младшего брата. Всею добычу забрали и поехали домой.

В эту ночь волк не мог заснуть. Он понял: что-то случилось с его добрым другом. Рано утром он побежал туда, где оставил Хеймер-оола, и увидел, что друг его лежит мертвый.

Ни девушки, ни коней, ни птицы не было. Волк вложил в рот Хеймер-оолу целебной травы.

— Вставай, друг, вставай,— говорил он добрым голосом. Хеймер-оол встал.

— Скорее садись на меня!

Волк быстро примчался к аалу Картыган-хана. Старшие братья перенугались, увидев младшего брата, хотели бежать, да ноги их не слушались.

Волк обо всем рассказал Картыган-хану. Разгневался хан и отрубил головы старшим сыновьям. А младшего сына, Хеймер-оола, женил на золотой девушке и поставил вместо себя ханом.

8. СТАРИК И ВОРОНИЙ ХАН

Раньше раннего, древнее древнего, когда рога горного козла упирались в небо, а короткий хвост верблюда тащился по земле, жил старик Курту-Дузактар *. Всю жизнь он ставил петли на тетеревов. Всю жизнь ел вкусное тетеревиное мясо.

Однажды, проверяя петли, старик увидел: попался в петлю ворон.

— Ага, кулугур! Съел моего тетерева, а сам сидишь в петле? Ну, сейчас ты свое получишь! — Старик замахнулся, чтобы убить птицу, но ворон вдруг заговорил:

— Не убивай меня, Курту-Дузактар! Давай лучше будем друзьями. Я дам тебе все, что ты захочешь, все, что нужно человеку. Я — Кускун-хан *, вороний хан. Я живу на севере.

Старик освободил ворона из петли. Кускун-хан рассказал, как добраться до его ханства, дал клятву, что ничего для старика не пожалеет, и улетел.

Курту-Дузактар вернулся домой и все рассказал старухе. А наутро поехал в гости к своему другу — вороньему хану. В пути он встретил старый чум. В нем старик со старухой варили змею и лягушку. Они подали гостю мясо змеи и лягушки и спросили:

— Кто ты, куда едешь?

— Я — Курту-Дузактар,— ответил старик.— Я еду к моему

другу Кускун-хану, который живет на севере. Я его освободил, и он обещал дать мне все, что я захочу.

— Что же ты возьмешь у него? — спросили они.

— Возьму, что даст, — ответил старик.

— Что даст сам хан — не приносит пользы человеку. Когда ты приедешь к Кускун-хану, он скажет: «Друг, я дам тебе скот из моего скота, добро из моего добра». Ты ответь: «Мне не нужен скот из твоего скота и добро из твоего добра. А дай мне лучше деревянный бочонок с палкой». Бочонок этот не простой. Скажешь «хойтпак» и помешаешь палкой — появится хойтпак. Скажешь «итпек» — появится итпек.

Курту-Дузактар поблагодарил стариков за совет и поехал на север. Приехал к Кускун-хану, вошел в белую юрту, хан посадил его на почетное место. Они ели жирное мясо, пили крепкий чай, всю ночь разговаривали. А утром вороний хан сказал:

— Друг, я дам тебе скот из моего скота, добро из моего добра.

— Мне не нужен скот из твоего скота, добро из твоего добра, — ответил старик. — А дай мне лучше деревянный бочонок с палкой.

Кускун-хан посмотрел на бочонок — заплакал, посмотрел на друга — улыбнулся. И отдал бочонок.

Курту-Дузактар взял его и приехал к старому чуму, в котором старики варили змею и лягушку.

— Пусть будет хойтпак! — сказал он и помешал палкой.

Бочонок доверху наполнился. Бедные старики не могли найти посуды, чтобы вылить весь хойтпак.

Курту-Дузактар приехал домой.

— Ах ты дурак! — закричала старуха. — Привез от хана пустой бочонок! Да разве у нас есть молоко, чтобы его наполнить? Поезжай назад, попроси еды и питья.

Тогда старик сказал:

— Пусть будет хойтпак! — И помешал палкой.

Бочонок доверху наполнился. Старуха удивилась, обрадовалась, и стало ей досадно: не хватило посуды, чтобы вылить весь хойтпак.

Через три дня к ним заехали табунщики Караты-хана. Старуха сказала:

— Сейчас я вам дам хойтпак.

Табунщики удивились. И подумали: «У стариков ведь нет скота, кормятся они тем, что Курту-Дузактар ловит птиц. От-

куда у них хойтняк?» А старуха взяла пустой деревянный бочонок, сказала «хойтняк» и помешала палкой. Бочонок наполнился. Еще больше удивились табунщики, напились и скорее к хану — рассказывать о волшебном бочонке.

Хан собрал войско, приехал к старикам и отобрал бочонок. Загоревали старик со старухой.

И снова поехал Курту-Дузактар к своему другу — вороньему хану. По дороге он снова зашел в старый чум к старикам, которые варили змею и лягушку.

— Куда ты сейчас едешь? — спросили они.

— Снова еду к Кускуи-хану, — ответил старик.

— Что ты теперь у него возьмешь? — спросили они.

— Возьму, что даст, — ответил старик.

— Нет, что даст, не бери, а возьми пегую кобылу, которая привязана к железному столбу. Кобыла эта не простая. Начни ее донть и скажи «лепешки и сахар» — и появятся лепешки и сахар.

Курту-Дузактар поблагодарил стариков за совет и поехал дальше. Снова усадил его Кускуи-хан на почетное место, снова угощал жирным мясом и крепким чаем. А утром предложил скот из своего скота и добро из своего добра.

— Нет, — ответил старик, — дай мне лучше пегую кобылу, которая привязана к железному столбу.

Кускуи-хан посмотрел на кобылу — заплакал, посмотрел на друга — улыбнулся. И отдал кобылу.

Курту-Дузактар приехал к старому чуму.

— Пусть будут лепешки и сахар! — сказал он и начал донть кобылу.

Мешок наполнился лепешками и сахаром. Бедные старики не знали, куда это все девать.

Курту-Дузактар приехал домой.

— Ах ты дурак! — закричала старуха. — Привел от хана кобылу! Ну зачем тебе кобыла, разве у тебя есть жеребец?

Тогда старик сказал:

— Пусть будут лепешки и сахар! — И начал донть кобылу.

Мешок наполнился лепешками и сахаром. Старуха удивилась, обрадовалась, и снова стало ей досадно: некуда было класть все принасы.

Через три дня к ним заехали табунщики Караты-хана. Старуха подоила кобылу и дала им лепешек и сахару. А на другой день приехал Караты-хан с войском и отнял кобылу. Опять загоревали старики.

И опять поехал Курту-Дузактар к своему другу — вороньему хану. По дороге он опять зашел в старый чум, к старикам, которые варили змею и лягушку.

— Что ты теперь возьмешь у хана? — спросили они.

— Возьму, что даст, — ответил старик.

— Нет, что даст, не бери, а возьми золотую колотушку, которая лежит около ханской кровати.

Курту-Дузактар приехал к Кускун-хану. Опять усадил его вороний хан на почетное место, опять угощал жирным мясом и крепким чаем и всю ночь с ним разговаривал. А утром спросил:

— Что ты теперь у меня возьмешь?

— Дай мне золотую колотушку, которая лежит около твоей кровати, — сказал Курту-Дузактар.

Кускун-хан посмотрел на колотушку — заплакал, посмотрел на друга — улыбнулся. И отдал колотушку.

Курту-Дузактар приехал к старому чуму. И спрашивает:

— Зачем мне эта колотушка? У меня ведь нет кожи, чтобы ее мять!

Бедные старик и старуха говорят:

— Выйди из чума, взмахни колотушкой и крикни: «Марал и косуля, умрите!»

Курту-Дузактар вышел из чума, взмахнул колотушкой, крикнул: «Марал и косуля, умрите!» — и около чума упали убитые марал и косуля.

Бедные старики обрадовались, что у них теперь много мяса.

Курту-Дузактар приехал домой.

— Ах ты дурак! — закричала старуха. — Зачем тебе эта колотушка? Разве у тебя есть кожи, чтобы их мять?

Тогда старик взмахнул колотушкой и крикнул:

— Марал и косуля, умрите!

И у его ног упали убитые марал и косуля.

Старуха обрадовалась, что теперь у них так много мяса.

Через три дня к ним захали ханские табунщики. Старуха не удержалась, чтобы не похвастаться перед ними золотой колотушкой.

А на завтра приехал Караты-хан с войском. Вошел в юрту к старикам и закричал:

— Отдай золотую колотушку!

— Подождите, хан, она у меня не здесь, сейчас принесу, — сказал Курту-Дузактар. Он вышел из юрты, взмахнул золотой колотушкой и крикнул:

- Войско хана, умри!
Все ханские войны рухнули на землю.
— Пощади меня! — закричал хан, выскочив из юрты.
— Ладно, — сказал старик, — ты будешь жить. Будешь носить мне дрова. А ханша твоя будет варить мне чай.
Свою пегую кобылу и деревянный бочолок Курту-Дузактар у хана забрал и зажил в достатке и довольстве.

9. СТАРИК БУМБААДАЙ

Давным-давно, когда рога быков сплывали и падали, когда широкое по ветру летело, а круглое по земле катилось, на берегу реки Кара-Хем жил старик Бумбаадай. Он пас тысячу черных овец. Было у старика два коня: Эки-Бора — добрый серый конь и Багай-Бора — слабый серый конь.

Однажды утром старик пришел к своей отаре. Он увидел, что овца принесла двух белых ягнят. Обрадовался старик, вернулся в чум, взял войлок, чтобы перенести на нем ягнят, и прибежал к отаре. Два черных ворона выклевывали глаза белым ягнятам. Рассердился старик, вскочил на Эки-Бора, доброго серого коня, и прогнал воронов плетью вокруг Болчайтылыг-Бора-холма три раза. А потом поймал их, ослепил и отпустил.

Два черных ворона прилетели к небесному хану и, рыдая, сказали:

— Старик Бумбаадай, который пасет черных овец, поймал нас, ослепил и отпустил.

— Что за злодей этот старик! — воскликнул хан. — Ослепить моих верных друзей, моих черных воронов! А ну, мои быстрые серые волки, бегите к Бумбаадаю, зарежьте и съешьте Эки-Бора, его доброго серого коня!

Два волка побежали к старику. Бедный Бумбаадай посмотрел в судур, обо всем узнал и на место Эки-Бора, доброго серого коня, привязал Багай-Бора, слабого серого коня, а Эки-Бора превратил в комок старого конского навоза. Утром старик проснулся, выбежал из чума и увидел, что волки досадают Багай-Бора. Старик вернул Эки-Бора его прежний вид, вско-

чил на него и прогнал волков плетью вокруг Болчайтылыг-Бора-холма три раза. А потом поймал их, снял серые шкуры и отпустил.

Волки прибежали к своему хану и, рыдая, сказали:

— Старик Бумбаадай, который пасет черных овец, поймал нас, снял серые шкуры и отпустил.

— О, что за злодей этот старик! Снять шкуры с моих любимых голубоглазых волков! А ну, мои храбрые слуги, мои верные подглядыватели и доносчики, бегите к Бумбаадаю и убейте его самого!

Двое подглядывателей побежали к старику. Бедный Бумбаадай посмотрел в судур, обо всем узнал, заткнул все дыры своего чума и лег спать. Подглядыватели подбежали к чуму. Но не было в нем щелей и дыр, чтобы подглядывать. И тогда они начали ломать чум. Всю ночь ломали. А утром старик встал, вскочил на Эки-Бора, доброго серого коня, и прогнал подглядывателей плетью вокруг Болчайтылыг-Бора-холма три раза. А потом поймал их, ослепил, поломал им руки и отпустил.

Подглядыватели прибежали к своему хану и, рыдая, сказали:

— Старик Бумбаадай, который пасет черных овец, поймал нас, ослепил, поломал нам руки и отпустил.

— О, какой неслыханный злодей этот старик! Ослепить моих верных слуг и поломать им руки! А ну, мои грозные драконы, летите к Бумбаадаю, подожгите старика вместе с чумом острыми желтыми молниями!

Два дракона полетели к старику. Бедный Бумбаадай посмотрел в судур, обо всем узнал, перенес свой чум на вершину Болчайтылыг-Бора-холма, а с холма перетаскал на место чума кучу камней.

Скоро сбежались черные тучи, хлынул дождь, загредел гром, из туч посыпались желтые молнии. Все они падали в кучу камней, которая стояла на месте чума старика Бумбаадая. Наконец старик рассердился, вскочил на Эки-Бора, доброго серого коня, и погнал драконов плетью по всей вселенной. А потом поймал их, снял с них шкуры и отпустил. Оставил шкуру только на лапах. Драконы не могли лететь. Они пешком пришли к своему хану и, рыдая, сказали:

— Старик Бумбаадай, который пасет черных овец, поймал нас, снял с нас шкуры и отпустил.

Небесному хану больше некого было посылать, и он сам пошел к старику.

— Скажи, Бумбаадай, зачем ты ослепил двух моих черных воронов? — спросил хан.

— А зачем они выклевали глаза двум моим белым ягнятам? — спросил старик.

— Отвечай, почему ты снял шкуры с моих голубоглазых волков? — спросил хан.

— А почему они съели Батай-Бора? Ведь ты, хан, приказал им съесть Эки-Бора! — сказала старик.

— Зачем ты ослепил моих подглядывателей и доносчиков? Зачем ты сломал им руки? — спросил хан.

— А зачем они ломали мой чум? Ведь ты, хан, приказал им убить меня! А они ломали чум, — усмехнулся старик.

— Для чего ты снял шкуры с моих грозных драконов? — спросил хан.

— А для чего они разбили молниями кучу камней? Ведь ты, хан, приказал им разбить мой чум! — ответил старик.

— Да, — сказал хан, — оказывается, они, кулугуры, во всем виноваты сами.

Он уехал, а старик Бумбаадай стал спокойно пасти своих черных овец.

10. БАЛДЫР-БЭЭЖЕК

Слушайте. Раньше раннего, древнее древнего, в начале широкой степи, у белой скалы жил мальчик Балдыр-Бээжек* с двумя старшими братьями. Не было у них ни матери, ни отца.

Старшие братья, Алдын-Бижээчи и Моугун-Бижээчи*, целыми днями ничего не делали, целыми днями играли в шахматы. Бедный Балдыр-Бээжек сам пас тысячу овец и тысячу коней. Каждый день старшие братья резали овцу или коня. Целыми днями они ели жирное мясо. Наконец младший брат погнался пасти всего десять коней и десять овец.

— Подожди, — крикнул старший брат, — поймай-ка сначала двух самых резвых скакунов да двух самых жирных овец. Скакунов привяжи, чтобы отдохнули, а овец зарежь и свари. Мы поедем в далекие земли. А ты оставайся и живи как хо-

чешь: или выращивай своих овец и коней, или съешь их и ходи по аалам.

Бедный Балдыр-Бээжек плакал весь день. Он плакал, оттого что нет у старших братьев жалости, оттого что они бросают его одного в широкой степи. А вечером он сварил для них двух самых жирных овец.

Рано утром старшие братья, не сказав младшему ни слова, отправились на запад.

Что делать бедному малышу? Он поел черных просяных отрубей, выпил черного чая и погнал скот в середину белой степи. Он сел у белой скалы и стал думать о своих старших братьях. И опять целый день проплакал. Так было и на третий день. И вдруг из-под камня, на котором он сидел, вышел бело-бородый старичок на белом коне.

— Почему ты, мальчик плачешь уже третий день? Я Ак-Мергендей*, я живу в нижнем мире. Кому хочу — тому помогаю, кого жалею — тому добро делаю, — сказал старичок.

— Мои старшие братья ушли, я остался совсем один в пустом стойбище. Пасу несколько овец и несколько коней и о многом думаю. От дум моих грудь слезами переполняется. Вот я и плачу.

— Тогда подожди немного, — сказал старичок и ушел под камень. Он вернулся с большой золотой книгой.

— В этой книге все сказано: в какую сторону ехать, куда ехать. — И вручил книгу мальчику.

Балдыр-Бээжек от радости не знал, что сказать.

— Вот тебе черные идлики, халат из черного шелка и шапка из черного соболя, — продолжал старичок, — в них будешь показываться на людях. А вот тебе темно-гнедой конь. Если задумаешь ехать далеко — приди к этому камню и скажи: «Широкая скала, раскройся, я загоню мой скот!» Скала раскрывается, ты спрячешь скот и поедешь куда хочешь. — И старичок скрылся.

Дома Балдыр-Бээжек раскрыл золотую книгу и узнал, что его старшие братья едут в верхний мир, едут туда, где собрались девять удальцов из девяти сторон, чтобы состязаться за дочь Курбусту-хана, за прекрасную Отакшини-Қара.

Назавтра Балдыр-Бээжек загнал своих овец и коней в белую скалу, сел на темно-гнедого коня и поехал по следу братьев. Расстояние в месяц его конь пробегал за полдня, расстояние в полдня конь проходил за время, пока выкуривают

грубку. Скоро мальчик увидел старших братьев. Он принял свой прежний вид — превратился в оборванного паренька, одетого в желтый войлочный хевенек, а коня превратил в плохонького гнедого конька со свалившейся шерстью. Потом подъехал к братьям, поздоровался. Они даже губами не шевельнули. Они сидели около костра и ели мясо. Жир по их рукам стекал крупными каплями. Они ели кусок за куском. А младшему своему брату ни кусочка не предложили.

Братья ехали по степи шестьдесят дней — два месяца, девяносто дней — три месяца. И увидели невдалеке от черной скалы железный тополь, упершийся в небо. Старшие братья направились к черной скале. Балдыр-Бээжек посмотрел в золотую книгу и узнал, что железный тополь — это дорога в верхний мир. У черной скалы сидели два ламы и давали записки, по которым пропускали в верхний мир. А если пойти туда без ламской записки, то снимут голову вместе с шапкой, оторвут руки вместе с рукавами! Старшие братья с веселыми лицами проехали мимо Балдыр-Бээжека: они получили записки. Бедный мальчик подъехал к ламам и говорит:

— Прошло три года, как потерялся большой черный верблюд нашего хана. Я его всюду ищу. Пожалуйста и мне записку в верхний мир, хочу поискать верблюда там.

— Ты что, мальчик, совсем спятил? Грязное животное, у которого внутри — желтая трава, а снаружи — черная шерсть, ты вздумал искать в верхнем мире?! Ничего мы тебе не дадим! — сказали ламы.

Тогда Балдыр-Бээжек схватил обоих лам и стукнул их лбами.

— Не будьте всаднику дорожной помехой! — сказал он и бросил черного ламу в сторону захода солнца, а белого — в сторону восхода.

Он посмотрел на ламские записки, взял одну из них, сел на коня и взлетел в верхний мир. Ехал, ехал по верхнему миру и въехал в большой город. В центре его стоял золотой дворец с золотой башней, которая умиралась в небо.

Балдыр-Бээжек привязал коня к золотому столбу и вошел во дворец. На четырехногом черном ширэ восседал хан. Сорок человек пели ему горловую песню.

— Здравствуйте, хан! — упав на оба колена, сказал Балдыр-Бээжек.

— Зачем ты здесь? Откуда и куда едешь, мальчишка? — спросил хан.

— У нашего хана в светлом мире пропал черный верблюд. Я всюду ищу его. Может, он забрался сюда, к вам?

— Неужели ты думаешь, глупец, что об этом можно спрашивать меня, самого хана?! Пасти скотину, искать скотину — дело простых людей! Откуда я знаю, есть ли здесь твой черный верблюд?! — сердито прокричал хан.

— А я думал, что не бывает хозяев, которые не знают своего скота, — сказал мальчик и вышел.

Он зашел в самую последнюю, рваную черную юрту. В ней сидел старик. Рот его был заклеен верблюжьей кожей. Старик показал на свой рот. Балдыр-Бээжек отлепил кожу.

— Куда ты едешь, сынок? — спросил старик.

— У нашего хана пропал черный верблюд. Вот я его и ищу.

— Я вижу, что ты — веселый человек. Ты совмещаешь в себе образы бесчисленного множества людей. Такие, как ты, говорят: «Поднятую руку не опуцу, смотрящий глаз не зажмурю!» Вот ты какой, сынок. Девять удалцов из деятей сторон приехали, чтобы бороться за дочь Курбусту-хана, за прекрасную Огакшин-Кара, излучающую свет солнца и луны. Но они смотрят на красавицу только издали. Они боятся пройти три испытания. Если ты добрый богатырь — ты станешь ее хозяином, если слабый человек — потеряешь голову, — сказал старик.

— Если такой мальчик, как я, соскользнет с белого света — никто этого не заметит. Я не боюсь смерти, я пойду, — сказал Балдыр-Бээжек.

И он пошел к башне, в которой сидела красавица. Сначала на его пути встало войско-охрана. Он прошел сквозь охрану, прокладывая путь гневным красным кулаком. Потом на него набросились собаки Эгер и Казар. Он закинул их на железный тополь. Тогда против него вышли Кан-Мёге * и Демир-Мёге — два страшных богатыря.

— Сталь поддается тому, кто кует, а железо — тому, кто бьет! — сказал мальчик и разбросал их в разные стороны.

Перед ним были двери золотой башни. Он вошел и увидел за белой прозрачной занавеской красавицу, излучающую свет солнца и луны. Увидев мальчика, она прыгнула в печь. «Что с ней случилось?» — подумал Балдыр-Бээжек и заглянул в печь. В это время красавица вылетела через трубу. Мальчик вытащил стрелу.

— Если ее душа и мысль стремятся ко мне, то пусть моя стрела пронзит ее идики, а если душа и мысль стремятся от

меня, то пусть моя стрела пронзит ее кожу! — сказал он и выстрелил.

Стрела пронзила ее идики. Когда красавица опускалась назад, мальчик поймал ее, не дав коснуться ногами пола.

— Ты почему от меня убегаешь? Разве ты не видела простого человека из мяса, костей и суставов? — спросил мальчик.

— Я убежала, потому что хотела посмотреть на знания и волшебства человека, который скоро станет моим другом. Завтра начнутся состязания. То, что ты видишь перед нашим аалом, перед Ак-Тайгой, — это бушующее море Калчаа-Кара-Далай*, смешанное со слезами птицы Хан-Херети*. На той стороне моря пасется бесчисленный черный табун. Каждый год в нем рождается бесчисленное множество жеребят. Всех жеребят пожирает птица Хан-Херети. Кто ее убьет, тот и выиграет состязания, — сказала красавица.

Мальчик поехал в аал хана. На золотом столбе висела надпись-указ: «Все удальцы, все силачи, весь народ — все должны собраться на берегу моря у трех деревьев».

Балдыр-Бээжек приехал к морю. Весь народ был уже там. Под деревьями сидели два ирсари. Мальчик взгляделся в них и узнал своих старших братьев Алдыл-Бижээчи и Монгун-Бижээчи. Они составляли список девяти удальцов из девяти сторон света. Тех, кто не мог перейти через бурное ядовитое море, из списка вычеркивали. Балдыр-Бээжек видел, что и пешие и конные — все погружались в волны и погибали. И вот кто-то крикнул:

— В списке никого не осталось!

Балдыр-Бээжек подошел к хану и сказал:

— Моего имени в списке нет. Но, может быть, вы и мне разрешите пойти через море?

— Бедный Балдыр-Бээжек! — сказал хан. — Умрешь ты или жить останешься — река не обмелеет, народу не убавится. Хочешь идти? Иди!

Мальчик подошел к коню.

— Вырви из моего хвоста две волосины, — сказал конь, — и перекинь их через бурное море.

Балдыр-Бээжек перекинул волосины и перешел по ним через бурное море. Перед ним была неоглядная желтая степь, в которой пасся бесчисленный черный табун. Табун ходил так осторожно, что ногами травы не шевелил! И вдруг стало темно, зашумел ветер, пошел дождь. В самой вершине неба сверк-

пула перьями золотая шестиголовая птица Хан-Херети и камнем упала на табуи. Она схватила стальными когтями множество жеребят и взмыла вверх. Балдыр-Бээжек взял стрелу и прицелился.

— Перережь все шесть шей этой птицы! — сказал он и выпустил стрелу.

К его ногам упали шесть голов птицы Хан-Херети. Мальчик подставил халат и поймал в него жеребят, которых выпустила из когтей страшная птица. Все жеребята остались живы. Они радостно ржали.

Балдыр-Бээжек посмотрел назад: ядовитое море кипело и испарялось. Тело огромной птицы упало в самую середину моря и стало меньше маленькой косточки. Скоро море совсем высохло.

Мальчик вернулся в ханский аал. Он пришел не в прежнем своем виде, а сделался удальцом, который взял первенство среди тысячи удальцов, совместил в себе облаки тысячи молодых! Хан выделил ему скот из своего скота, добро из своего добра и огромную золотую юрту. Старшие братья стояли около юрты. Балдыр-Бээжек сказал:

— В плохое время вы меня оставили, в хорошее время вы ко мне пришли. Но у меня нет к вам зла. Берите себе весь мой скот и золотую юрту. Живите на этой земле. А я поеду на родину. Когда я уезжал, я дал клятву вернуться.

Он посадил красавицу на своего темно-гнедого коня и спустился на землю, в светлый мир. Скоро он приехал на свое старое стойбище, подошел к белой скале и сказал:

— Широкая скала, раскройся, я возьму мой скот.

Скала раскрылась. Восемь овец и восемь копей возросли до бесчисленного множества. Скот с шумом вышел из скалы. Балдыр-Бээжек сказал:

— Белобородый Ак-Мергендей, отец, выйди из белого камня!

Старичок вышел. Балдыр-Бээжек рассказал ему о своих приключениях, о том, как ему всюду сопутствовала удача, как исполнилась его мечта.

— Примите невестку, — закончил он и поклонился.

На старом месте поставил он свой аал. Все долины и овраги были заполнены его скотом. И жил он с красавицей долго и счастливо.

11. ДЭЭР-МЭГЕ И ШЕСТИГОЛОВЫЙ МАНГЫС КАЛЧАА-МЕРГЕН

На берегу реки Кызыл-Хем* жили старик со старухой. У них был один-единственный сын. И была рыжая кобыла с худым жеребенком.

Вскоре сын начал ездить на охоту на этом худом жеребенке. Однажды в скалах он нашел двух орлят. Мальчик привез их домой.

— Отец, помоги мне выходить этих орлят,— попросил он.

Обрадовался старик. «Значит, хорошим охотником вырастет мой сын»,— подумал он. И сделал сыну новый крепкий лук.

Скоро мальчик научился стрелять без промаха. Выросли орлята и стали могучими беркутами. Маленький охотник не давал покоя ушам отца: «Подари мне двух охотничьих собак».

А выше их по Кызыл-Хему жил старый друг старика, старый охотник. Старик пришел к нему и говорит:

— Мой сын не дает покоя моим ушам. Нужны ему две собаки. Дай ему хоть одну из твоих собак.

— Мои собаки слышат сквозь землю. Они будут верно служить твоему сыну. Но если он будет их обижать — они вернуться ко мне.— Так сказал старый охотник и дал двух собак.

Мальчик стал охотиться с двумя беркутами и с двумя собаками. И скоро научился понимать их речь.

Однажды он охотился один. А когда вернулся домой — увидел, что юрта его куда-то откочевала. Он стал осматривать место, где стояла юрта. Там, где спала мать, лежали иголка и обломок гребня. Там, где спал отец, лежал точильный брусок. Мальчик поднял эти вещи и посмотрел туда, где был очаг. Вдруг зола зашевелилась. Земля вокруг задрожала, будто на нее упала молния. Мальчик испугался, подбежал к жеребенку, быстро вскочил в седло, но в этот миг из золы вылез шестиголовый мангыс с блестящей секирой. Одним махом мангыс отрубил жеребенку все четыре ноги. Мальчик упал.

— Стань неприступной скалой! — сказал он точильному бруску и бросил его на землю. Брусок стал неприступной скалой.

Пока шестиголовый мангыс перелезал через скалу, мальчик успел уйти далеко-далеко. Но на ровном месте мангыс быстро догнал маленького охотника. Вот-вот схватит.

— Стань непроходимой чащей! — сказал мальчик обломку

гребня и бросил его позади себя. Обломок гребня стал непроходимой чащей.

Пока шестиголовый мангыс продирался сквозь чащу, мальчик ушел вперед на месяц пути. Но вот он выбился из сил и лег спать на берегу озера. Проснулся, а мангыс тут как тут. Маленький охотник испугался, бросил иголку матери и крикнул:

— Стань железным тополем!

Иголка стала железным тополем. Мальчик быстро взобрался на его вершину. Мангыс начал рубить железный тополь острой секирой. Маленький охотник вспоминал своих собак и беркутов. Если бы они были здесь, думал он, они бы меня спасли.

Шестиголовый мангыс рубил дни и ночи без отдыха, и наконец секира не выдержала и отлетела в сторону. Тогда мангыс лег спать. Из озера вылезла черная лягушка. Она посмотрела на вершину железного тополя и спросила:

— Почему ты там сидишь, мальчик?

— Меня сюда этот страшный мангыс загнал,— ответил маленький охотник.

Черная лягушка подкралась к мангысу, схватила секиру и забросила ее в озеро. Мангыс сразу проснулся, подбежал к воде, лег на живот и всеми шестью ртами начал пить. Скоро он выпил все озеро и увидел свою секиру. Он взял ее, выпустил изо рта воду и снова начал рубить. Сколько ни рубил, а железный тополь оставался целым, не подался даже на один палец.

Однажды пришел к тополю красный лис.

— Я питаюсь кровью,— сказал лис, поглядывая на мальчика.— Мяса я не трону. Мне достаточно один раз языком лизнуть кровь. Давайте, я вам помогу рубить.

Мангыс посмотрел на свои руки. Они были в мозолях.

— На, руби,— сказал он красному лису и отдал секиру.

А хитрый лис, когда мангыс смотрит, бьет по тополю лезвием, а когда мангыс отвернется — бьет по тополю обухом. Мангыс лег спать. Тогда лис начал бить острой секирой о камень. Затупил, забросил ее в озеро и убежал. Проснулся мангыс — нет ни секиры, ни лиса. Снова он выпил озеро, снова достал секиру. И начал точить ее о камень. Месяцами точил, годами точил. И опять начал рубить.

Над тополем пролетали два ворона.

— Эй, вороны,— крикнул мальчик,— скажите моим двум

беркутам, что я сижу у озера на железном тополе! Пусть они меня спасут!

А шестиголовый мангыс все рубил и рубил тополь. Вдруг раздался гром, будто небо всколыхнулось, примчался ураган, а вслед за ураганом прилетели два могучих беркута. Они сели на вершину тополя и распластали мягкие крылья. Мальчик лег на крылья, и беркуты его понесли. Пока они летели, их друг спал. Скоро они опустились в аале. Мальчик вбежал в юрту. Отец читал судур.

— Почему вы меня оставили, а сами куда-то откочевали? — спросил мальчик.

Отец отложил судур.

— Это — воля твоих собак, — ответил он. — Собаки сказали, что скоро в нашей юрте появится враг — шестиголовый мангыс Калчаа-Мерген*. Он вылезет из-под земли и всех нас убьет. И собаки увели нас со старухой в безопасное место, а беркуты перенесли нашу юрту. Иша рыжая кобыла должна была жеребиться. Ее мы оставили в пещере.

Мальчик рассказал о своих приключениях.

— Ты говоришь правду, — сказал отец. — Шестиголового Калчаа-Мергена я вижу на листах этой священной книги. Ты вырос, стал богатырем. Пусть отныне твое имя будет Дээр-Мёге*. Враг твой жив. Ты должен победить его в трудной борьбе. Не уступай ему.

Дээр-Мёге позвал собак.

— Послушайте сквозь землю, — сказал он, — узнайте, что делает сейчас мангыс Калчаа-Мерген.

— Мангыс готовится к состязаниям за дочь Чер-Алдыхана*, подземного хана, — ответили собаки.

Дээр-Мёге передал отцу слова собак.

— Иди к пещере, — сказал отец. — Может быть, рыжая кобыла родила жеребенка. В пещере спрятаны мое седло и уздечка. Хорошему мужчине всегда нужны добрый конь, седло и уздечка.

Дээр-Мёге прибежал к пещере. Около кобылы резвился жеребенок. Богатырь оседлал его и вскочил в седло. Жеребенок поскакал. От его бешеной скачки горы превратились в равнины, а равнины — в горы. Обувь и одежда богатыря износились, внутренности его разогрелись. Не выдержал он и закричал:

— Если хочешь убить — скорей убивай! Если хочешь упасть — остановись!

Жеребенок остановился и сказал:

— Ты можешь быть моим хозяином, а я согласен быть твоим конем.

Они вернулись к рыжей кобыле. Дээр-Мёге сказал ей:

— Пусть даже клочок — ешь зеленую траву. Пусть даже глоток — пей чистую воду. — И поехал домой.

Отец дал ему черный лук и острую стрелу. Дээр-Мёге взял с собой собак и беркутов и отправился в путь.

— Если я не выдержу скачки и начну падать, — сказал он беркутам, — рвите мясо из моей спины. Если конь мой начнет замедлять свой бег — рвите мясо из его спины. — И поскакал вперед.

Но вот конь остановился и сказал:

— Хоть и храбрый ты богатырь, да мало ума у тебя. Разве можно въезжать в аал таким, каков ты есть?

Дээр-Мёге подумал и решил, что конь прав. Он превратился в мальчика в желтом войлочном хевенеке, копия превратил в плохонького хромого конька, собак — в черных мышей, а беркутов — в серых синиц. Когда ехал вниз по склону — садился на конька, когда ехал вверх по склону — тянул его за узду.

И вот взобрался на вершину Ала-Тайги, пестрой тайги, и посмотрел вниз. Показалось, что в желтой степи караганник колышется. А может, это люди ходят? Показалось, что в желтой степи людей не счесть. А может, это караганник колышется? Когда подъехал поближе — увидел, что это — люди и кони. Коней было — не сосчитать! Людей было — не оглядеть!

Мальчик в желтом хевенеке спросил белобородого старика:

— Зачем здесь собрался народ?

— Завтра начнутся состязания, — ответил старик. — Приехали пять молодцов из пяти сторон, десять удальцов из десяти сторон, непобедимый богатырь Ай-Мёге, неустрашимый богатырь Чер-Мёге и шестиголовый мангыс Калчаа-Мерген.

Тут поднялся над всеми Чер-Алды-хан и сказал:

— Завтра утром посмотрим, сколь искусны стрелки, какне они знают науки и волшебства! А стрелять надо так, чтобы стрела пролетела сквозь дырку лисей лопатки, сквозь ушко большой серебряной иголки, пробила и подожгла кучу дров, привезенных на ста быках, попала в голову железного кожэа и разбила ее на куски. Когда стрела будет пролетать над перевалом, надо ее поймать и принести мне. Кто выполнит все условия, тот победит.

Назавтра все богатыри собрались у места состязаний. Там лежал огромный лук, украшенный серебром. Некоторые стрелки только кланялись луку и проходили.

Стреляли пять молодцов из пяти сторон. Стреляли десять удалцов из десяти сторон. Стрелы половины из них и до лисьей лопатки не долетали, стрелы другой половины лишь сквозь лисью лопатку пролетали.

Стрелял Ай-Мёге. Его стрела пролетела сквозь дырку лисьей лопатки, сквозь ушко большой серебряной иголки, попала в кучу дров, привезенных на ста быках, но не пробила и не подожгла этих дров.

Стрелял Чер-Мёге. Его стрела пролетела сквозь дырку лисьей лопатки, сквозь ушко большой серебряной иголки, пробила и подожгла кучу дров, привезенных на ста быках, попала в голову железного кожээ, но не разбила ее, а только царапнула.

Наконец выпустил стрелу шестиголовый мангыс Калчаа-Мерген. Его стрела пролетела сквозь дырку лисьей лопатки, сквозь ушко большой серебряной иголки, пробила и подожгла кучу дров, привезенных на ста быках, попала в голову железного кожээ и разбила ее на куски, но, когда она пролетала над перевалом, Калчаа-Мерген не смог ее поймать.

Последним подошел к огромному луку мальчик в желтом войлочном хевеке. Калчаа-Мерген закричал:

— Поклонись луку и проходи!

Но мальчик не стал кланяться. Он натянул лук и выпустил стрелу. Его стрела пролетела сквозь дырку лисьей лопатки, сквозь ушко большой серебряной иголки, пробила и подожгла кучу дров, привезенных на ста быках, попала в голову железного кожээ и разбила ее на куски, а когда она пролетала над перевалом, беркуты схватили ее и принесли хозяину. И тут Дээр-Мёге принял свой настоящий облик. Все богатыри побледили. Чер-Алды-хан сказал:

— Сегодня победил ты. Завтра — скачки.

Дээр-Мёге пришел к своему коню. Конь говорит:

— Привяжи меня так, чтобы я выстоялся и стал крепким, как подкова. Завтра мы с тобой полетим туда, где сливаются небо с землей.

Дээр-Мёге привязал коня и разжег костер в середине желтой степи. А утром, когда под первыми лучами солнца заблестели спины больших камней, он проснулся и увидел, что наездники — слуги богатырей — уже на конях. Дээр-Мёге вско-

чил на коня и полетел через степь. Он достиг того места, где сливаются небо с землей, и вернулся назад, а остальные паездники и половины пути не проехали. Когда он вернулся в аал, богатыри, надрываясь, кричали — его ругали.

Чер-Алды-хан сказал:

— Дважды победил ты. Завтра — борьба.

Дээр-Мёге взял у хана барана, сварил его, паселся, накормил беркутов и собак. А утром пустился из конца в конец желтой степи, исполняя танец орла. Навстречу ему, исполняя танец орла, двигался шестиголовый мангыс Калчаа-Мерген. Вот они сошлись. И, поглядывая друг на друга, как разъяренные быки, они схватились. Дээр-Мёге оторвал врага от земли и закружил его под облаками, а потом так бросил, что черная земля вздрогнула, а голубое небо треснуло.

Тогда Чер-Алды-хан пришел своего бурого медведя. Медведь начал клонить богатыря к земле. Вот-вот свалит. Тут полетели два беркута и вырвали по куску мяса с лопаток Дээр-Мёге. Богатырь рассердился и швырнул медведя на землю. А потом пришел к Чер-Алды-хану и сказал:

— Я победил во всех трех состязаниях. Если отдаешь дочь — отдавай. Не отдаешь — я уйду.

Хан выделил дочери добро из своего добра, скот из своего скота, дал круглую белую юрту.

Дээр-Мёге перекочевал на свою родную реку Кызыл-Хем, к своим старикам и зажили спокойно и богато. Пока он жил, удлинились овраги, углубились лощины.

12. ОСКЮС-ООЛ И КАРАТЫ-ХАН

Жил когда-то Оскюс-оол *. Не было у него ни отца, ни матери. Бродил по аалам, ел что подалут. Однажды он пришел к Караты-хану.

— Кто ты? — спросил Караты-хан. — Куда идешь?

— Я — Оскюс-оол, — ответил нарень. — Ищу такое место, где зимой в достатке бора-быда, а летом — божа-хойтпак.

— Ну что ж, — сказал хан, — здесь есть и бора-быда и божа-хойтпак. Оставайся. Вот тебе семьдесят желтых козлов, паси их. Но смотри: паси только в горах, в степь не пускай!

На другой день Оскюс-оол погнал желтых козлов в горы. Но козлы не слушались, бежали в степь. Оскюс-оол забегался, а повернуть их в гору не мог.

— Совсем пропал я! — со слезами сказал бедный парень. — Снимет теперь хан мою голову вместе с шапкой, отрубит руки вместе с руками!

Вдруг неизвестно откуда появился белоголовый старик с белой бородой до пояса. Он спросил парня:

— Что ты плачешь, Оскюс-оол?

— Да вот, приказал мне Караты-хан пасти желтых козлов в горах, а они бегут в степь.

— О, это не причина, чтобы плакать. Заверни их к горам, а как побегут в степь, скажи: «Желтые козлы, тактагалдай! В черную землю тактагалдай!» — И старик скрылся.

Оскюс-оол побежал за козлами и крикнул:

— Желтые козлы, тактагалдай! В черную землю тактагалдай!

И вдруг семьдесят козлов погрузились в землю, да так, что у одних торчали только рога, а у других и рогов не было видно.

— Что за злодей этот старик! Кулугур! Гнилая стрела! Убегающий верблюд! Наверное, это сам черт! Он-то и возьмет мою голову вместе с шапкой! — закричал бедный парень и начал выкапывать козла своей короткой палкой.

Вдруг опять появился белоголовый старик.

— Что ты кричишь, Оскюс-оол?

— Ты — черт, который пришел за моей головой! Из-за тебя пропали все козлы! Как я их теперь из земли вытащу?

— О, это не причина, чтобы кричать. Ты скажи: «Желтые козлы, бодара! Из черной земли бодара!» — И старик исчез.

Оскюс-оол крикнул:

— Желтые козлы, бодара! Из черной земли бодара!

И все козлы выскочили из земли и побежали в гору. Вечером Оскюс-оол пригнал козлов и вошел в ханскую юрту. Смотрит туда, сюда — все кошмы заняты ханскими слугами, нигде прилечь.

— Ты почему не спишь, Оскюс-оол? — спрашивает ханша.

— Места нет, все кошмы заняты.

— Тогда ложись на землю.

Бедный парень лег на землю. И сказал:

— Хан и ханша, тактагалдай! К кровати тактагалдай!

Утром все встали, а хан и ханша от кровати оторваться не могут, лежат, как приклеенные.

— Позовите скорее ученого ламу! — кричит хан. — Только он сможет нас спасти!

Пришел важный лама. Он долго перелистывал судур и звенел колокольчиком. Оскюс-оол ему прислуживал и посмеивался. Лама решил: «Наверное, Оскюс-оол что-то знает». И тихонько спросил:

— Парень, скажи мне, что надо сделать, чтобы вылечить хана и ханшу?

— О, это совсем просто, — ответил Оскюс-оол, — надо взять вон того черного быка за хвост и прочесть молитву.

Лама побежал за черным быком и схватил его за хвост. Оскюс-оол сказал:

— Жирный лама, тактагалдай! К черному быку тактагалдай!

Бык побежал в степь и поволок за собой ламу. Лама закричал:

— Это все Оскюс-оол! Это он виноват!

— Хватайте Оскюс-оола! — приказал слугам хан.

— Ханские слуги, тактагалдай! К черной земле тактагалдай! — быстро сказал Оскюс-оол.

Слуги, не успев схватить парня, присосли к земле. Все в аале замерло. Оскюс-оол вошел в ханскую юрту, сел на девятислойный олбук и начал есть вкусную ханскую еду.

— Пощади нас, Оскюс-оол, освободи нас, Оскюс-оол! — взмолился хан. — Я отдам тебе мою прекрасную младшую дочь, дам скот из моего скота, добро из моего добра, поставлю белую юрту, которую и девятью конями не окружить!

Оскюс-оол поверил хану и тихонько сказал:

— Хан, ханша и их слуги, бодара! От кровати и от земли бодара!

И сразу все в аале задвигались, засуетились.

— Заколяйте священного белого быка! — приказал хан.

Оскюс-оол бегал по аалу, радовался и кричал:

— Я буду есть мясо священного белого быка!

С быка сняли белую шкуру, а потом схватили бедного парня, зашли в шкуру и бросили в репку.

Долго плыл Оскюс-оол. Наконец попал в сеть. Старый рыбак вытащил сеть, разрезал шкуру, увидел парня и закричал:

— Что за кулугур? Откуда ты? Почему ты мешаешь мне рыбачить?

— Не сердись, старик. Имеющим глаза меня не показывай, имеющим уши обо мне не рассказывай! И я пригоню тебе жир-

ного серого барана. — И Оскюс-оол направился к аалу Караты-хана. Пришел и видит: аала нет, он откочевал на новое стойбище. Парень пошел по следам. Семь рек переплыл, через семь перевалов перевалил и нашел ханский аал. Ночью подкрался к белой юрте и тихо проговорил:

— Хан и ханша, тактагалдай! К кровати тактагалдай!

А потом выбрал самого жирного барана и погнал к старику.

Утром хан с ханшей проснулись — от кровати оторваться не могут. Хан пригласил тридцать предсказателей из верхнего мира, шестьдесят гадателей из нижнего мира. Они долго думали, а потом сказали:

— Вы, хан, что-то спустили вниз по реке, что-то зашитое в бычью шкуру. Только это может вас спасти. Без этого не обойтись.

Хан понял, что надо разыскивать Оскюс-оола. Он приказал согнать всех своих подданных. Их собралось столько, сколько шерстинок у шести собак.

— По всей земле ищите Оскюс-оола! Доставьте его сюда! Только он может нас вылечить! — кричал хан.

По всей земле поскакали слуги. Семьдесят дней искали. И вот двое слуг нашли бедного парня в чуме старого рыбака.

— Хан приглашает вас к себе, — сказал старший.

— Передайте хану: я ему больше не верю, — ответил Оскюс-оол.

Тогда младший слуга остался сторожить парня, а старший поскакал к хану.

— Мы нашли Оскюс-оола. Но он не идет. Сказал, что больше вам не верит.

Хан переборол гнев и сказал:

— Зипряги в казацкую телегу рыжего коня с черными глазами. Положи на телегу разной вкусной еды и черный когержик с шестью горлышками, да прихвати черного соболя с белыми ланками! Отвези все это Оскюс-оолу, попроси, чтобы пришел.

Слуга приехал к Оскюс-оолу и с уважением передал ему ханские подарки. Старик-рыбак со старухой сели пить-пировать.

— Ну что ж, проверю еще раз ханскую совесть, — сказал бедный парень и поехал со слугой.

Хан лежал на кровати. Он сказал слабым голосом:

— Спаси меня, Оскюс-оол. Я отдам тебе мою дочь, дам скот из моего скота, добро из моего добра, поставлю белую юрту, которую и девятью конями не окружить! Поверь мне, я дам клятву — я обlungю острие твоей черной стрелы!

Оскюс-оол сказал:

— Теперь ты видишь, что я непобедим? Что ты можешь со мной сделать? — И тихонько добавил: — Хан и ханша, бодара! От кровати бодара!

На этот раз хан выполнил свое обещание. А вскоре Оскюс-оол стал править этим ханством. Он жил долго и счастливо.

13. ОСКЮС-ООЛ И КРАСАВИЦА, ИЗЛУЧАЮЩАЯ СВЕТ СОЛНЦА И ЛУНЫ

Жил когда-то Оскюс-оол. Он пас табун Караты-хана. Однажды в степи нашел бедный парень пеструю кобылу. Была она без хвоста и без ушей. «Находка — всегда находка, — подумал Оскюс-оол. — Если я кобылу приведу к хану, он меня наградит».

— Ну что ты мне привел, дурень? — засмеялся Караты-хан. — Никакого сходства со скотиной у нее нет! Ты ее или отпусти в степь, или возьми себе. Ты ее заработал.

Бедный парень пустил свою кобылу в ханский табун. Девять лет он пас этот табун. Девять рыжих жеребят принесла его пестрая кобыла. Жеребята выросли и стали красивыми, стройными, резвыми конями.

Однажды Караты-хан сказал дужумету:

— Пойди, пересчитай табун, который пасет Оскюс-оол.

Дужумет пошел пересчитывать и увидел, что в табуне ходит пестрая кобыла Оскюс-оола, а за ней бегают девять резвых рыжих коней. Дужумет вернулся к хану.

— Ваш табун цел и невредим, приплод велик, кони резвые, — сказал он. — Но лучше всех — девять рыжих коней, которых водит пестрая кобыла Оскюс-оола.

— Оскюс-оола надо убить. Его коней — забрать! — сказал хан. — Пусть сегодня он придет ко мне!

Хан позвал верного слугу и сказал ему:

— Сегодня ночью ты убьешь Оскюс-оола.

Скоро приехал Оскюс-оол. Когда он привязывал коня к коновязи у ханской юрты, к нему подошел старик, который пас телят, и тихо сказал:

— Хан хочет тебя убить. Не ночуй в его юрте.

Оскюс-оол поблагодарил старика и вошел в белую юрту. Он поклонился хану и сел возле дверей.

— Табун, который ты пасешь, умножился и вырос,— сказал хан.— Ты хорошо потрудился, Оскюс-оол. И ни одного дня ты не отдыхал. Теперь отдохни. Будешь ночевать в моей юрте. Поешь как следует, поспи.

— Все эти годы я думал: «Когда-нибудь хан отблагодарит меня за труд. Когда-нибудь он меня наградит». И вот настал этот радостный день. Спасибо вам, хан,— ответил бедный парень.— Но табун, который водит вороной жеребец, ушел далеко за Арзайты. Я пригоню его, передам вашим слугам, а тогда уж буду отдыхать.— Он выбежал из юрты, вскочил на коня и помчался к табуну.

Ночью Оскюс-оол осторожно пробрался в ханский аал и стащил девять недоузdkов. Потом поймал девять рыжих коней, которые ходили за его пестрой кобылой, сел на одного из них, а остальных повел за собой. Кобыле на прощание сказал:

— Ешь траву земли, пей воду земли. Гуляй на воле!

И поехал на юг. Наступила ночь. Оскюс-оол переночевал в степи. Утром он увидел, что одного из его коней съел волк. «Это ничего,— подумал бедный парень.— Что со мной может случиться, когда у меня есть еще восемь коней?» Он не стал разыскивать волка и поехал дальше. Прошло еще семь дней. Волк съел еще семь коней. Остался у парня единственный конь, который был под седлом. «Ну уж последнего моего коня я никому не отдам! Он должен меня куда-нибудь привезти».

И Оскюс-оол привязал его на ночь к своему уху. А ранним утром открыл глаза и увидел: последнего коня доедает волк. Зверь засунул голову в грудь коня и пожирал внутренности. Оскюс-оол схватил лук и стрелу и загнал волка в грудь коня.

— Не убивай меня, Оскюс-оол! — сказал волк и обернулся человеком.

— Я — хан, я воевал на севере. Все мое войско перебили. Тогда я обернулся волком. И только этим спас свою жизнь. Не девять дней ты ехал, а девять месяцев. Девять коней я съел за девять месяцев. Мой аал уже рядом, вон за той горой. Приходи, дам тебе скот из моего скота, добро из моего добра.

Оскюс-оол взял с хана клятву и, взвалив на плечи седло, пошел вслед за ним. С перевала показался ханский аал. Парень вошел в белую юрту, хан положил перед ним девятислойный олбук, и вместе они начали шировать. Оскюс-оол наелся и вышел на Болчайтылыг-Бора-холм. Там седобородый старик пас телят. Бедный парень вспомнил: точно такой пастух спас его от смерти в аале Караты-хана.

— Здравствуйте, акый,— сказал он.

— Здравствуй, парень. Как твое имя-прозвище, где твой аал-стойбище?

— Я — Оскюс-оол, табушник Караты-хана, живущего по Кара-Хему. Хан хотел отнять девятерых моих рыжих коней, а меня — убить. Я сбежал от своего хана. Но пока я шел, твой хан съел всех моих коней. За это он обещал дать мне скот из своего скота и добро из своего добра.

— То, что дает сам хан, не приносит пользы человеку. Ты ему скажи: «Не нужны мне ни скот, ни добро. А дай мне лучшие три зерна проса, три жерди, золотой сундучок и рыжую лохматую собаку, которая привязана у твоих ног», — посоветовал старик.

— Спасибо, акый,— сказал Оскюс-оол и пошел к хану.

— Я не возьму у тебя скот, потому что не смогу его сохранить, я не возьму у тебя добро, потому что оно станетхламом,— сказал хану бедный парень.— А дай мне лучше три зерна проса, три жерди, золотой сундучок и рыжую лохматую собаку, которая привязана у твоих ног.

Хан отдал просо, жерди и сундучок. А потом посмотрел на собаку — заплакал, посмотрел на парня — улыбнулся.

— Если отдаешь — отдавай, а не отдаешь — скажи! — поторопил его Оскюс-оол.

Хан нехотя отвязал собаку и отдал ее парню. Оскюс-оол пришел к старику, который пас телят.

— Ты, старик, наверное, из ума выжил! Что ты мне посоветовал? Да я за своих коней мог бы получить столько скота, столько добра! А взял вот это!

— Нет, сынок, я тебе посоветовал взять то, что тебе нужно больше всего. Иди в степь. Брось три зернышка проса в три стороны света, воткни в землю три жерди, открой золотой сундучок, привяжи рыжую собаку к ноге и ложись спать. А утром увидишь, кто из нас прав.

Оскюс-оол пошел в обратный путь. И наконец добрался до Кара-Хема, до родной реки. Он бросил три зерна проса в три

стороны света, воткнул в землю три жерди, открыл золотой сундук, привязал к ноге рыжую собаку и лег спать. Утром он проснулся в круглой белой юрте, такой, что и девятию конями ее не окружить! Красавица, излучающая свет солнца и луны, варила чай. «Сон это или явь?» — подумал парень и встал. Рядом с ним лежали черные идики и халат из черного шелка. Парень надел их и вышел из юрты. В стороне восхода солнца стоял, привязанный к бронзовому столбу, высокий пятнистый конь, оседланный серебряным седлом. Оскюс-оол вернулся в юрту — красавицы не было. «Куда же она девалась?» Он увидел много вкусной еды и начал есть. Наливал из серебряного донбу крепкий чай в серебряную чашу и думал: «Куда могла пропасть красавица?» Он снова вышел, сел на пятнистого коня и поехал на юг. Там пасся большой табун. «Наверное, это мой табун», — решил Оскюс-оол и вдруг опять увидел красавицу. Она несла воду в двух серебряных кувшинах. Парень повернул коня и вслед за ней вошел в юрту. Еда была приготовлена, но красавицы не было. «Что за странная красавица, — подумал парень, — куда она прячется? Надо будет за ней проследить!» И он поспешил в лес. Там он привязал коня к дереву и тихо подкрался к юрте. Пальцем проткнул войлок и стал смотреть в дырку. Вдруг он увидел: из шкуры рыжей собаки вышла красавица, взяла кувшины и пошла за водой. Оскюс-оол вбежал в юрту, схватил пустую шкуру и бросил ее в огонь...

Тут вернулась красавица и вскрикнула:

— Что ты наделал, Оскюс-оол! В этой шкуре я пряталась от злых глаз. Теперь не быть нам вместе!

В это время проезжал мимо их юрты слуга Караты-хана. Он приехал к хану и сказал:

— На берегу Кара-Хема стоит белая юрта. В ней живет Оскюс-оол с красавицей, излучающей свет солнца и луны!

На другой день хан послал слугу за Оскюс-оолом. Бедный парень приехал к хану.

— Здравствуй, Оскюс-оол, мы, оказывается, с тобой соседи, а соседи должны состязаться. Давай с тобой состязаться! — сказал хан.

— Ну что ж, давай, хан! — ответил бедный парень.

— Давай будем три раза прятаться. Если я найду тебя, я возьму твою жену, если ты найдешь меня, ты возьмешь мою жену. Завтра буду прятаться я, а ты будешь искать, — сказал хан.

Бедный парень вернулся домой.

— Что случилось, Оскюс-оол, что ты такой грустный? — спросила красавица.

Оскюс-оол рассказал, какую игру придумал хан.

— Завтра я буду искать, а хан будет прятаться.

— Где ж ты собираешься искать хана? — спросила красавица.

— Посмотрю в юрте, загляну в кошару, — ответил Оскюс-оол.

— Хоть и добрый ты мужчина, а ум у тебя плохой, Оскюс-оол. Зайди завтра в среднюю белую юрту. Там ханша будет шить. Рядом с ней увидишь три шапки из черных соболей. Возьми среднюю, спроси: «Не продадите ли?» — и оторви цветную ленту, пришитую к шапке.

Утром Оскюс-оол отправился в ханский аал. Он подошел к средней белой юрте, но старая шившикин кричала:

— Сюда нельзя! — И оттолкнула парня.

— Не к лицу мужчине останавливаться перед дверьми! — сказал Оскюс-оол, отстранил старуху и вошел в юрту.

Ханша шила. На сундуке лежали три соболя шапки. Оскюс-оол взял среднюю и, отрывая цветную ленту, спросил:

— Не продадите ли эту шапку?

— Ой! Оскюс-оол! Ты оторвешь мне уши! — раздался крик.

И вместо шапки появился хан.

— Завтра я буду тебя искать! — сказал он, держась за уши.

На другой день красавица превратила парня в иголку и села шить.

Хан собрал всех воинов, всех слуг, весь свой народ. Они перебрали все деревья белого света и все кричали:

— Оскюс-оол, ты здесь?

К вечеру хан пришел к красавице и сказал:

— Я не смог его найти.

— Значит, не смогли? — И она щелкнула по иголке перед носом хана.

Оскюс-оол встал, смеясь.

— Завтра приходи, будешь меня искать, — мрачно сказал ему хан и вышел.

— Где ты будешь искать хана? — спросила красавица.

— Я порву все идики хана, и один идик крикнет: «Я хан!»

— Хоть и добрый ты мужчина, а ум у тебя плохой. Оскюс-оол. Пойди к серой отвесной скале, там увидишь три таволги.

Выдерни среднюю и скажи: «Из этой таволги получится хороший черенок для плети». И начини обрубать сучья ножом.

Утром Оскиос-оол пришел к серой скале. Увидел три таволги. Выдернул среднюю и со словами: «Из этой таволги получится хороший черенок для плети»,— начал срезать ветку.

— Ой! Оскиос-оол! Ты мне чуть нос не отрезал! — раздался крик.

И вместо таволги появился хан.

— Завтра я буду тебя искать! — зло сказал он, держась за нос.

На другой день красавица превратила парня в наперсток и села шить.

Хан со своими подданными опять осмотрел все деревья белого света. И опять пришел в белую юрту.

— Я не могу его найти! — сказал он.

— Значит, не можете? — И красавица щелкнула по наперстку перед посом хана.

Оскиос-оол встал, смеясь.

— Завтра в последний раз будешь меня искать! — проворчал хан и вышел.

— Где ты будешь искать хана? — спросила красавица.

— Я порублю все деревья у серой скалы.— Ответил Оскиос-оол.

— Хоть и добрый ты мужчина, а ум у тебя плохой, Оскиос-оол. Завтра, когда войдешь в ханский аал, навстречу тебе пойдут коровы. Среди них будет старый серый бык с кривыми рогами. Хватай его за рога и скручивай ему голову.

Утром Оскиос-оол вошел в ханский аал и увидел стадо. Он схватил серого быка за рога и начал скручивать ему голову.

— Ой! Оскиос-оол! Ты мне чуть голову не свернул! — закричал бык и превратился в хана.

— Ну уж завтра я тебя найду! — прохрипел хан, держась за шею.

Оскиос-оол пришел домой.

— Где ты будешь прятаться? — спросила его жена.

— Я не знаю. Ты меня спрячь,— сказал Оскиос-оол.

На другой день красавица превратила парня в красный уголек и бросила в очаг.

Хан со своими подданными снова осмотрел все деревья белого света и снова пришел в белую юрту.

— Я не могу его найти! — сказал он.

— Значит, не можете? — И красавица вытащила из очага уголек.

Оскиус-оол встал, смеясь.

— Ну, хап, я выиграл все три раза. Но жена твоя мне не нужна.

Хап уехал. Он думал: «Я проиграл. Но я отыграюсь. Я прикажу ему сделать что-нибудь невозможное». И послал за Оскиус-оолом слугу.

Бедный парень пришел.

— Слушай, Оскиус-оол, когда-то мой дед, охотясь на Арзайты, оставил в каком-то звере стрелу с прорезью. Найди-ка ее и принеси мне, — сказал хап.

Бедный парень в слезах пришел домой и рассказал о ханском приказе.

— О, это не причина, чтобы плакать, — сказала красавица. — На склоне Арзайты два горных козла сцепились рогами. Ты их разъедини, и они тебе помогут.

Оскиус-оол поехал на Арзайты. Он нашел сцепившихся козлов и разъединил их.

— Какой ты добрый! — сказали они. — Пусть твое желание совпадет с дорогой, а дорога — с желанием! Что ты ищешь.

— Когда-то дед Караты-хана, охотясь здесь, оставил в каком-то звере стрелу с прорезью. Я должен ее найти и отнести хану, — ответил Оскиус-оол.

— Приходи завтра в полдень на это место, — сказали козлы и разошлись в разные стороны.

Назавтра, когда Оскиус-оол пришел в условленное место, там были все звери тайги. Прискакал даже сиротка-заяц. Козлы переспросили всех зверей сверху вниз по склону, а потом снизу вверх, но о стреле с прорезью никто ничего не знал. Но вот из лощины поднялся огромный старый марал, слепой на один глаз.

— Почему вы здесь все собрались? Если посмотрю — не провинюсь, если послушаю — рабом не стану, — сказал он.

Ему рассказали о стреле с прорезью.

— Однажды, когда я был молод, я отдыхал на зеленой поляне. Дед Караты-хана подкрался сзади и выстрелил мне в спину, — сказал марал. — Я побежал. Стрела зацепилась за сук кривого дерева и осталась в нем. В прошлом году я там проходил и видел ее.

Оскиус-оол, марал и два козла пошли к кривому дереву и

нашли стрелу. Бедный парень отвез ее хану и вернулся в свою юрту.

Но опять прискакал ханский слуга: опять зовет Караты-хан.

— Когда-то большой таймень вырвал у моего деда четырехзубую острогу,— сказал хан.— Разыщи эту острогу и принеси мне!

Бедный парень в слезах пришел домой и рассказал о новом ханском приказе.

— О, это не причина, чтобы плакать,— сказала красавица.— Что-нибудь придумаем. Неужели у тебя нет никаких волшебств, никаких знаний?

— Откуда у меня волшебства? Откуда у меня знания?

Жена привела его на берег моря, превратила в золотисто-пестрого хариуса и сказала:

— Спускайся на дно. Там стоят, сцепившись жабрами, два ленка. Осторожно, чтобы им не сделать больно, разъедини их, и они тебе помогут.

Оскюс-оол нашел ленок, осторожно разъединил их.

— Какой ты добрый! — сказали они.— Пусть твое желание совпадет с дорогой, а дорога — с желанием! Что ты ищешь?

— Когда-то большой таймень вырвал четырехзубую острогу у деда Караты-хана. Я должен ее найти и отнести хану,— ответил Оскюс-оол.

— Приходи завтра в полдень на это место,— сказали ленки и поплыли в разные стороны.

Назавтра, когда Оскюс-оол пришел в условленное место, там были все рыбы этого моря. Приплыл даже сиротка-пескарник. Сверху вниз и снизу вверх * опросили всех рыб, но о четырехзубой остроге никто ничего не знал. Но вот из глубин поднялся огромный старый таймень с рассеченной жаброй.

— Почему вы здесь все собрались? Если посмотрю — не провнюсь, если послушаю — рабом не стану,— сказал он.

Ему рассказали о четырехзубой остроге.

— Однажды, когда я был молод, я играл в большом омуте. Дед Караты-хана подкрался сзади и воткнул в меня четырехзубую острогу,— сказал таймень.— Я вздрогнул, рванулся и вырвал острогу, а потом она зацепилась за серую скалу и выскочила из спины. В прошлом году я видел ее под скалой.

Оскюс-оол, таймень и два ленка поплыли к серой скале и нашли там острогу. Бедный парень отнес ее хану и вернулся в свою юрту.

И снова прискакал ханский слуга: снова зовет Караты-хана.

— Надоело мне с тобой разговаривать, Оскюс-оол! Теперь будем воевать! Готовься! Даю три дня! — закричал хан.

Бедный парень в слезах пришел домой и сказал:

— Хан объявил мне войну.

— Какой злодей этот хан! — воскликнула красавица. — Пойди, Оскюс-оол, пригони сюда табун.

Оскюс-оол пригнал табун к юрте. Стройный рыжий конь с черными глазами подбежал к красавице и остановился. Она оседлала его и сказала:

— Садись на коня, Оскюс-оол. Зажмурь глаза и крепко держись за луки седла. Конь сам знает, куда ехать. Он остановится у железного тополя. Привяжи коня, войди в белую юрту. Там живут мои отец и мать. Передай им это письмо. Они прочтут его и достанут из сундука золотую шкатулку. Бери ее и скорее возвращайся. Будут угощать — отказывайся, не задерживайся.

Оскюс-оол все сделал, как сказала жена. Старики дали ему золотую шкатулку.

— Попей чаю на дороге, сынок! — предложили они.

— Не могу, тороплюсь, — сказал Оскюс-оол и поскакал назад. Приехал домой и лег спать.

Утром он услышал шум. Выбежал из юрты и увидел: воины Караты-хана окружили его юрту. Они стояли в один ряд. Испуганный, он вернулся к жене.

— Еще рано, Оскюс-оол, ложись спать, — сказала она.

Но скоро шум стал сильнее. Снова выбежал Оскюс-оол. Воины Караты-хана приблизились и стояли уже в два ряда! Совсем перепугался бедный парень.

— Еще рано, Оскюс-оол, ложись спать, — сказала красавица.

Но вот шум стал совсем близко. Воины Караты-хана были уже рядом. Они стояли вокруг юрты.

— Вот теперь пора, Оскюс-оол, — сказала красавица и открыла крышку золотой шкатулки.

Оттуда стали выскакивать железные люди с железными пальцами.

— Что мы должны делать? — кричали они.

— Уничтожьте войско Караты-хана, а его самого с ханшей приведите сюда! — сказала красавица.

Железные люди быстро расправились с войском, а хана

и ханшу привели к красавице. А потом уменьшились и спрятались в золотую шкатулку.

Хан стал у Оскюс-оола дровоколом, а ханша стала приглядывать за котлом.

Оскюс-оол и его прекрасная жена, излучающая свет солнца и луны, жили долго и счастливо. Пока они жили, удлинились овраги, углубились лощины.

14. ОСКЮС-ООЛ И ДОЧЬ КУРБУСТУ-ХАНА

Раньше раннего, древнее древнего, когда озеро Сут-Холь было маленькой лужей, а гора Сюмбер-Ула — холмиком, когда рога горного козла упирались в небо, а хвост верблюда тащился по земле, жил на свете парень, которого звали Оскюс-оол. Ходил он всегда голодный и оборванный. И зимой и летом носил желтый войлочный хевенек и шапку из шкуры козленка. Отец Оскюс-оола умер, когда мальчику было три года, мать умерла, когда ему было пять лет. Не было у него ни брата, который бы родился раньше его, ни сестры, которая бы родилась после него. Жил один-одинешенек. Летом ловил сусликов и мышей, а зимой просил у людей объедки.

Однажды он подумал: «Куда бы пойти, где еды побольше и люди добрее?» И пошел на север. Долго шел и наконец на берегу большой белой реки увидел богатый аал. В середине его стояла круглая белая юрта, такая, что и девятью конями ее не окружить. Парень с трудом открыл дверь и вошел в юрту. На квадратном черном ширэ о восьми ножках восседал хан, а на девятислойном олбуке — ханша.

— Здравствуйте, хан и ханша,— сказал Оскюс-оол и поклонился до земли.

Хан глянул на него краешком глаза и, почти не шевеля губами, сквозь зубы спросил:

— Как тебя зовут-кличут, где твой аал-родина, откуда и куда идешь, падаль гнилая?

— Я — бедный, голодный сирота. Зовут меня Оскюс-оол. Когда приходит лето — ищу, где есть божа-хойтпак, когда приходит зима — ищу, где есть бора-быда,— ответил Оскюс-оол.

— Ну что ж. Раз так — пошлю тебя что-нибудь сделать. Пойдешь, кулугур? — спросил хан.

— Когда хан посылает, разве простой человек может не идти? Я согласен, хан, — ответил Оскюс-оол.

— Ладно, кулугур, налей себе помоев в собачье корыто, напейся и иди на мое поле. Там у меня растет просо шести сортов. Убери все просо, пока светит луна. Раньше восхода луны не начинай, после захода луны не продолжай! Успеешь все убрать — получишь мясо и одежду. А не успеешь — получишь плеть! — И хан дал Оскюс-оолу серп.

Бедный парень пошел на поле. Сел и ждет восхода луны. Наконец луна выкатилась на гребень тайги. Оскюс-оол начал работать. Когда он убрал просо пяти сортов, луна начала закатываться за гребень тайги.

— Постой, моя луна, подожди, дай мне закончить жатву! — крикнул бедный парень.

Но луна скрылась. Оскюс-оол пришел к хану

— Я успел убрать просо только пяти сортов. И луна скрылась. Я кричал ей, но она все-таки скрылась. Просо шестого сорта я не убрал, — сказал бедный парень.

— Ах не убрал? Ну так получай, что заработал! — И хан избил бедного парня плетью. — Иди куда хочешь, кулугур!

Никогда не плакавший Оскюс-оол шел по степи и плакал. Он думал: «Если бы я не взялся убирать просо злого, как собака, хана, я бы мог поймать суслика и был бы сыт. И никто бы меня не бил». Усталый парень начал ловить сусликов. И все шел и шел на север.

Наконец пришел к устью Улуг-Кара-Хема. На берегу стоял богатый аал. В середине его высилась белая юрта, такая, что и девятью конями ее не окружить. Парень с трудом открыл дверь и вошел в юрту. На девятислойном олбуке восседал хан, на четырехслойном — ханша.

— Здравствуйте хан и ханша, — сказал Оскюс-оол и поклонился до земли.

Хан, почти не шевеля губами, спросил:

— Как тебя зовут-кличут, где твой аал-родина, откуда и куда идешь, падаль сгнивающая, гнида поганая?

— Я бедный Оскюс-оол. Летом ищу, где есть божа-хойт-пак, зимой ищу, где есть бора-быда, — ответил Оскюс-оол.

— Раз так — пошлю тебя что-нибудь сделать. Пойдешь, кулугур?

— Когда хан посылает, разве простой человек может идти? Я согласен, хан,— ответил Оскюс-оол.

— Тогда иди убирать мое просо шести сортов. Убери его, пока светит солнце. Раньше восхода солнца не начинай, после захода — не продолжай! Успеешь все убрать — получишь мясо и одежду. А не успеешь — получишь плетень!

И хан приказал слугам налить парню помоев в собачье корыто. Бедный парень напился, взял серп и пошел в поле. Солн и ждет восхода солнца. Наконец солнце выкатилось на гребень тайги. Оскюс-оол начал работать. Когда он убрал просо пяти сортов, солнце начало закатываться за гребень тайги.

— Постой, мое солнце, подожди, дай мне закончить жатву! — крикнул бедный парень.

Но солнце скрылось. Оскюс-оол пришел к хану.

— Я успел убрать просо только пяти сортов. И солнце скрылось. Я кричал ему, но оно все-таки скрылось. Просо шестого сорта я не убрал,— сказал бедный парень.

— Ах не убрал? Ну так ничего и не получишь! Получай что заработал! — И хан избил бедного парня плетью. — Иди куда хочешь, кулугур!

Оскюс-оол шел по степи и плакал. «Зачем я ходил к ханам? — думал он. — Лучше бы я ловил рыбу и сусликов и был бы сыт». Он шел, шел и взобрался на гребень огромной желтой тайги. На той стороне тайги в середине длинной желтой степи сверкала вода. «Добраться бы поскорее до этой воды. Там я наемся рыбы», — подумал парень. Желтый хевенек его износился, старые идики его изорвались. Кое-как добрался он до воды и увидел, что это — Золотое озеро. «Ну теперь-то я наемся рыбы, окренну», — подумал он, — а то я совсем ослаб». Вдруг он услышал шум крыльев и человеческие голоса. «Откуда здесь голоса, в этом глухом месте?» Он спрятался в тростник. И увидел, что из верхнего мира спускаются три лебедя. Вот они сели на берегу. И вдруг сбросили одежды из перьев. Оскюс-оол увидал трех красавиц, излучавших свет солнца и луны. Красавицы побежали купаться в Золотое озеро. Удивленный парень вскочил и спрятал лебеднюю одежду младшей из них.

Скоро красавицы вышли из воды. Старшие накинули на себя одежды из перьев, обернулись птицами и взмыли ввысь. А младшая все бегала по берегу — никак не могла найти своей одежды. Она заплакала и опустилась на траву.

«Что же это? — подумал Оскюс-оол, — из-за меня, значит,

она отстала от своих сестер? Нельзя ее оставлять одну!» Он вышел из тростника, протянул ей лебединые крылья и сказал:

— Красавица, вот твоя одежда, не плачь! Я спрятал ее — хотел на тебя посмотреть... Скорее лети, догоняй своих сестер.

— Ты меня погубил, Оскюс-оол! — сказала красавица. — Зачем ты брал в руки крылья? Что мне делать? Владыка верхнего мира, Курбусту-хан, — мой отец. Теперь он не откроет мне дверей своей юрты, он скажет: «От тебя пахнет человеком из светлого мира». Владыка Золотого озера, Узуту-хан, Водный хан, — мой дядя. И он не впустил меня в свою юрту, и он скажет: «От тебя пахнет человеком из светлого мира». Куда мне теперь идти? — И она горько заплакала.

— Что же я наделал! — вскричал Оскюс-оол. И он загоревал, как никогда раньше не горевал. А потом сказал:

— Пойдем со мной. Если умирать — умирать будем вместе, а жить — так жить будем вместе!

— Я согласна, — сказала красавица, и они пошли на юг. Ловили рыбу, ловили сусликов — тем и жили.

Наконец они пришли к аладу Караты-хана, который стоял у подножия Улуг-Кара-Тайги. Скота у хана было выше головы, добра — выше плеч.

— Давай будем жить возле ханского алада, — сказал Оскюс-оол. — Я буду делать, что прикажет хан. И тогда он будет давать нам печень и легкие заколотого им скота и молоко его дойной козы.

Они построили себе чум из березовой коры, а наутро Оскюс-оол пошел к хану.

— Зачем пришел, Оскюс-оол? — спросил хан.

— Я пришел что-нибудь сделать для вас и попросить за это печень и легкие заколотого вами скота и молока вашей дойной козы.

— Нет, парень, ты ничего не получишь. На нашем свете давно не идут дожди, трава не растет, скот тощий. А у тощего скота не бывает печени, у тощей козы нет молока! Сделай так, чтобы пошел дождь, чтобы выросла трава выше головы, тогда и тебя награжу мясом и добром выше плеч.

Оскюс-оол вернулся в свой чум и обо всем рассказал красавице.

— Что же делать? Разве я смогу вызвать дождь? — закончил он.

— Не печалься, Оскюс-оол! Я вызову дождь. Пойди к хану

и скажи: «Будут на вашей земле дожди, только дайте мне шерсть белой овцы и кусок красного шелка».

Оскюс-оол пошел к хану и сказал, как научила красавица. Хан удивился, но дал и шерсть и шелк. Красавица что-то написала пальцем на шелке, а из шерсти сделала нить. Утром она надела лебединую одежду и улетела в верхний мир. Там она привязала шерстяной ниткой кусок красного шелка к березе. И вернулась на землю, в свой чум.

Небо заволокло тучами, и хлынул дождь. Он лил три дня без перерыва, потом шесть дней без остановки, потом девять дней без усталости, а потом тридцать дней без передышки. А всего шестьдесят дней — два месяца лил дождь, не переставая. Распустились листья на деревьях, выросли высокие сочные травы. Скот Караты-хана ушел в эти травы и затерялся в них. И вот хан увидел: еще немного воды — и половина его скота утонет, еще немного дождя — и половина его добра уплывет. Испугался хан и послал своих верных слуг Булагачи-хаа и Чечен-хаа к Оскюс-оолу.

— Скажите ему, чтобы скорей прекратил свой дождь! Хватит! Тонет мой скот, уплывает мое добро! — закричал хан.

Слуги прискакали к Оскюс-оолу и, не входя в чум, крикнули:

— Хан приказал, чтобы ты прекратил свой дождь! — И ускакали.

Красавица улетела в верхний мир, отвязала от березы красный шелк, и дождь перестал. Небо стало ясным, трава под солнцем заблестела. Оскюс-оол пошел к хану.

— Хан, вы обещали мне награду — я пришел за ней.

— Это хорошо, Оскюс-оол, что ты сумел вызвать дождь и вырастить траву! Садись, вместе будем пить-гулять!

Хан с Оскюс-оолом быстро опьянели. Хан сказал:

— И ты пьян, и я пьян. Надо выспаться. Завтра получишь награду. Где ты хочешь спать: у меня или в своем чуме?

— Пойду в свой чум, — сказал Оскюс-оол.

Назавтра, когда он пришел, хан пил чай.

— За чем пришел, Оскюс-оол? — спросил хан.

— За наградой, — ответил бедный парень.

— За какой еще наградой? Такому буйну давать награду?! — закричал хан.

— Да-да, — заговорил подскочивший слуга Чечен-хаа, — этот парень вчера напился и кричал, ругался.

— А что же говорил этот кулугур? — спросил хан.

— Он говорил: «Если у хана нет дворца из прозрачного стекла, то я его и ханом не считаю!» — сказал Чечен-хан.

— Ах вот как, кулугур?! Ты меня ханом не считаешь? Тогда доставай мне дворец из прозрачного стекла! А не достаешь — шею сверну! Иди, ничего не получишь, пока не будет у меня стеклянного дворца! — сказал хан.

Оскюс-оол в слезах вериулся домой и обо всем рассказал красавице.

— А есть ли в этом мире дворец из прозрачного стекла? — спросила она.

— Я не только его не видел, но даже никогда не слышал о нем, — ответил Оскюс-оол.

— Такой дворец есть, наверное, только в нижнем мире, у моего дяди Узуту-хана, хозяина Золотого озера. Тебе придется идти к нему. Но и он может тебе шею свернуть, — сказала красавица.

— Пусть, если на то пошло, свернет мне шею твой дядя, Узуту-хан, а не Караты-хан! Этому обманщику не позволю себя трогать!

— Тогда иди к Караты-хану и попроси шерсть желтой овцы и кусок желтого шелка, — сказала красавица.

Оскюс-оол пришел к хану.

— Я достану вам дворец из прозрачного стекла, только дайте мне шерсть желтой овцы и кусок желтого шелка.

Хан удивился и приказал на этот раз остричь желтую овцу. Оскюс-оол взял шерсть и шелк и принес в свой чум. Красавица что-то написала на шелке, а из шерсти сделала нить. Она привязала нить к шелку и дала ее Оскюс-оолу.

— Иди к Золотому озеру, на то место, где мы с тобой встретились. Забрось шелк в озеро, а нить крепко держи. Когда шелк коснется дна, скажи: «Узуту-хан, мой дядя в нижнем мире, соблаговолите подарить мне ваш дворец из прозрачного стекла!» Если нить натянется — осторожно вытягивай. Этот дворец очень легкий. Ты возьмешь его на плечи и отнесешь Караты-хану.

Оскюс-оол пошел к Золотому озеру. Он забросил в озеро нить и крикнул: «Узуту-хан, мой дядя в нижнем мире, соблаговолите подарить мне ваш дворец из прозрачного стекла!» Вдруг нить со звоном натянулась, парень начал ее осторожно выбирать, и над озером всплыл дворец из прозрачного стекла. Лучи солнца разбивались о его стены и превращались в радуги! Оскюс-оол подтянул дворец к берегу, взял его на плечи

и отнес Караты-хану. Чтобы посмотреть на прекрасный дворец, в аал хана сбегались все воины, все слуги, все его подданные. Обрадованный хан сказал:

— Сейчас я устрою великий праздник. Садись, Оскюс-оол, пей со мной.— И он поставил перед Оскюс-оолом мясо и налил ему араки.

Хан с Оскюс-оолом быстро опьянели. Хан сказал:

— И ты пьян, и я пьян. Надо выспаться. Завтра получишь награду. Где ты хочешь спать: у меня или в своем чуме?

— Пойду в свой чум,— сказал Оскюс-оол.

Назавтра, когда он пришел, хан пил чай.

— За чем пришел, Оскюс-оол? — спросил хан.

— За наградой,— ответил бедный парень.

— За какой наградой? Такому крикну на награду?! — закричал хан.

— Да-да,— заговорил подскочивший слуга Булагачи-хаа,— этот парень вчера напился и всех ругал, на всех кричал.

— Что же говорил этот кулугур? — спросил хан.

— Он говорил: «Если у хана нет войска, бушующего, как море Калчаа-Далай, то я его и ханом не считаю!» — сказал Булагачи-хаа.

— Ах вот как, кулугур! Ты меня ханом не считаешь? Тогда достань мне войско, бушующее, как море Калчаа-Далай! А не достанешь — шею сверну! Иди, иди, ничего не получишь, пока не будет у меня этого войска! — сказала хан.

Оскюс-оол в слезах вернулся домой и обо всем рассказал красавице.

— А есть ли в этом мире войско, бушующее, как море Калчаа-Далай? — спросила она.

— Я не только его не видел, но даже никогда не слышал о нем,— ответил Оскюс-оол.

— Такое войско есть, наверное, только в верхнем мире, у моего отца Курбусту-хана. Тебе придется идти к нему. Но и он может тебе шею свернуть,— сказала красавица.

— Пусть, если на то пошло, свернет мне шею твой отец Курбусту-хан, а не Караты-хан! Этому обманщику не позволю себя трогать! — крикнул Оскюс-оол.

— Тогда ты полетишь в моей одежде в верхний мир. Там ты увидишь семь белых юрт с одной стороны и девять белых юрт с другой стороны. А за ними рваная черная юрта. В нее и входи. Там увидишь седую старуху. Из волос ее торчит seno. Ничего ей не говори — она все на свете знает и всех на свете

знает. И тебя она знает. Старуха предложит чай — пей. Предложит сахар и лепешки — ешь. Пока хан тебя не позовет, к нему не ходи, — сказала красавица.

Оскюс-оол надел лебединое одеяние и устремился в верхний мир. Он прошел мимо белых юрт и вошел прямо в рваную черную юрту.

— Сынок мой, Оскюс-оол, проходи, садись, — сказала старуха. Она сварила чай, поставила лепешки, сахар.

Оскюс-оол начал пить-есть. Вдруг вошла красавица.

— Кто ты, как твое имя-прозвище, где твой аал-стойбище, откуда и куда идешь? — спросила она.

— Я — Оскюс-оол, живу в светлом мире с Спящей красавицей, излучающей свет солнца и луны. Злой Караты-хан несколько раз обманул меня, и вот я пришел пригласить войско моего тестя Курбусту-хана, войско, бушующее, как море Калчаа-Далай.

— Наконец-то она нашлась! Она давно потерялась, и мы никак не можем ее найти! Ведь ты живешь с моей дочерью! — вскричала красавица. — Спасибо тебе, сынок, за добрую весть! — Она выбежала из юрты и в слезах побежала к Курбусту-хану.

Хан спросил ее:

— Почему ты плачешь?

Жена не ответила.

— Если ты боишься меня, то спрячь мой черный лук, мои желтые огненные стрелы, саблю и нож в железную юрту, — сказал Курбусту-хан.

Жена его все спрятала, а потом спросила:

— Как ты думаешь, хан, где наша младшая дочь, зеница нашего ока, кость наших пальцев?

— А где ей быть? Играет на облаках с сестрами, — ответил хан.

— Нет, она давно уже живет в светлом мире, в берестяном чуме с Оскюс-оолом. Оскюс-оол сейчас здесь.

— Позвать его сюда! — приказал хан.

Пришел Оскюс-оол.

— Где мой черный лук и желтые огненные стрелы? Я прострелю его насквозь! Где моя стальная сабля? Я изрублю его на куски! — закричал Курбусту-хан. — Он поискал вокруг себя лук, стрелы и саблю, но ничего не нашел. Скоро он успокоился и спросил Оскюс-оола:

— Зачем ты сюда пришел?

— Злой Караты-хан несколько раз обманул меня, и я пришел, мой тесть, пригласить ваше войско, войско, бушующее, как море Калчаа-Далай,— ответил Оскиус-оол.

Курбусту-хан подумал и сказал:

— Это войско хранится в золотом сундучке. А сундучок этот охраняют луна и солнце. Луна отдыхает на Монгун-Тайге*, солнце почует на Алдын-Тайге*. Пойди к ним, попроси сундучок. Если не отдадут — зааркань их золотым арканом и приведи ко мне.

Оскиус-оол пришел к Монгун-Тайге.

— Эй, луна,— закричал он,— дай мне золотой сундучок моего тестя, Курбусту-хана!

— У меня его нет, ничего не знаю! — ответила луна.

Оскиус-оол повернулся к Алдын-Тайге.

— Эй, солнце,— закричал он,— дай мне золотой сундучок моего тестя, Курбусту-хана!

— У меня его нет, ничего не знаю! — ответило солнце.

Тогда Оскиус-оол набросил на них золотой аркан и поволок через горы и перевалы к Курбусту-хану. Он привязал их к коновязи и вошел в ханскую юрту.

— Ну что,— спросил хан,— отдали они золотой сундучок?

— Нет, хан, не отдали, я их самих к вам привел.

Курбусту-хан вышел и увидел, что Оскиус-оол так их поволок через горы и перевалы, что половина луны стерлась, а солнце раскалилось докрасна.

— Что же ты их так грубо тащил, кулугур? Почему ты стер половину моей луны и раскалил мое солнце докрасна? — спросил хан.

— Однажды в светлом мире,— ответил Оскиус-оол,— я убрал просо шести сортов у Эрельчин-хана. Я должен был справиться, пока светила луна. Я успел убрать только пять сортов, и луна скрылась. Вот я ее и наказал.

— Ну а солнце что тебе сделало? — спросил хан.

— В другой раз я убирал просо шести сортов у Харальчин-хана. Я должен был справиться, пока светило солнце. Я успел убрать только пять сортов, и солнце скрылось. Я кричал ему, просия подождать, но оно скрылось. Вот я его и наказал.

— Скажите, луна и солнце, правду ли говорит Оскиус-оол? — спросил хан.

— Да, все это было, он нам кричал,— ответили луна и солнце.

Хан взял у них золотой сундучок и отпустил гулять по небу.

— Моя младшая дочь, которая живет в твоём чуме, знает, что с ним делать, — сказал он, отдавая сундучок Оскюс-оолу.

Оскюс-оол надел лебединое одеяние и прилетел домой. Красавица сказала:

— Неси сундучок осторожно, чтобы он не открылся. Отдай Караты-хану и скажи: «Вот войско, бушующее, как море Калчаа-Далай». И сразу возвращайся домой.

Оскюс-оол пришел в аал Караты-хана. Рядом с аалом стояло войско хана во главе с девятью Демир-Кара-богатырями * на девяти Буга-Кара-конях *. Все собрались, чтобы посмотреть на новое войско хана, на войско, бушующее как море Калчаа-Далай. Оскюс-оол протянул жадному хану сундучок и сразу пошел домой. На полпути он обернулся и посмотрел на аал Караты-хана: там была темная ночь, и во все стороны расплзался дым.

Через день опять кругом стало ясно. Красавица говорит:

— Пойди, Оскюс-оол, по Кара-Хему, посмотри, не скачут ли железные люди на железных конях. Когда увидишь их — крикни: «Войско, бушующее, как море Калчаа-Далай, возвращайся домой!»

Оскюс-оол пошел вниз по реке. На месте ханского аала стоял открытый золотой сундучок. Скоро он увидел железных всадников. Он крикнул:

— Войско, бушующее, как море Калчаа-Далай, возвращайся домой!

Железные всадники превратились в железных мух и влетели в золотой сундучок. Оскюс-оол закрыл его и увидел, что девять Демир-Кара-богатырей на Буга-Кара-конях и войско Караты-хана — все перебиты без остатка.

Оскюс-оол поставил себе белую юрту, собрал всех подданных Караты-хана и устроил великий пир. Долго и счастливо жил он со своей красавицей, излучавшей свет солнца и луны. Пока они жили, удлинились овраги, углубились лощины.

15. ОСКЮС-ООЛ, КОТОРЫЙ СЛЫШАЛ РАЗГОВОР ДВУХ ВОРОНОВ

Раньше раннего, древнее древнего, когда Чингис творил мироздание, а колесо времени еще только начинало раскручиваться, жил Оскюс-оол, байский пастух. Однажды у колодца

он увидел семь маленьких цветочков. «Стану ли я когда-нибудь таким красивым, как эти цветы?» — подумал бедный парень. И решил пойти по свету, поискать счастья. Он сорвал цветы, положил их за пазуху, подоткнул полы халата и зашагал на север.

Неизвестно, сколько он шел, но пришел в темный дремучий лес. Наступила ночь. Оскиус-оол выбрал дерево потоньше и лег под ним. Лежит, прижимает к сердцу цветы родной земли и думает.

Вдруг с севера и с юга подлетели к его дереву два мудрых ворона, сели прямо над парнем и заговорили. Удивился Оскиус-оол, что ему понятен язык птиц, и подумал: «Видно, не простые цветы я сорвал у колодца».

— Что ты сегодня такой довольный? Наверное, ты сыт по горло? Где ты пировал? — спросил друга первый ворон.

— Я летал за тот хребет, — ответил второй ворон, — там живет Караты-хан. Его прекрасная дочь заболела: к ней в ухо залез злой медный паук. Ламы пытались вылечить красавицу. Они устроили большой молебен и бросали вверх кусочки теста. Вот я и наелся. Никогда досыта не наедавшийся, сегодня я наелся и радуюсь! Завтра давай вместе туда полетим. Ламы опять будут бросать тесто. Они ведь не знают, как надо выгнать паука, а это совсем просто, надо...

— Тише! — перебил его первый ворон. Не говори так громко, а то вдруг кто-нибудь услышит!

— Кто, кроме волка, может нас тут услышать? Не беспокойся, друг! Слушай: надо зажарить на огне сальник овцы и поднести его к уху красавицы. Паук почует запах сала и выползет.

На рассвете Оскиус-оол пошел к Караты-хану. К полудню добрался до аала и увидел: шаманы бьют в бубны, ламы бьют в литавры. Шум висит над аалом, никто никого не слышит.

«Напрасно стараетесь», — подумал Оскиус-оол и шагнул к дверям белой ханской юрты. Но слуги сшибли его с ног.

— Куда лезешь, оборванец, что тебе тут надо? — закричали они.

— Да, может быть, я полезный человек, может быть, я ханскую дочь смогу вылечить, а вы меня толкаете! — сказал парень, поднимаясь с земли.

Он повернулся и пошел было прочь, но из белой юрты выскочил сам Караты-хан и закричал:

— Почему вы его оттолкнули? А вдруг он и вправду вылечит мою дочь? Верните его!

Оскюс-оол вошел в белую юрту.

— Моя единственная дочь! Вот она, видишь, что с ней стало? — говорил хан.

Оскюс-оол посмотрел на девушку. Она бредила. Половина головы ее страшно распухла.

— Я со всех четырех сторон света пригласил ученых лам, — продолжал хан, — но они ничего не могут сделать.

— Я не лама, я простой человек, — сказал Оскюс-оол. — Но вашу дочь я могу вылечить. Бывало, мой отец съедал грудь безрогого черного барана, а потом смотрел на белую лопатку и отгадывал, чем человек болен, как его надо лечить. И я тоже могу гадать по белой лопатке.

Караты-хан приказал немедленно сварить безрогого черного барана. Скоро барана сварили и принесли находчивому парню. Оскюс-оол наелся до отвала, обглодал лопатку и начал ее внимательно разглядывать.

— Все понятно, — сказал он, — теперь я знаю, как лечить красавицу. Дайте-ка мне овечий сальник, я жарю его на огне.

Слуги быстро принесли сальник. Оскюс-оол поджарил его и поднес к уху ханской дочери. Он то приближал поджаренный сальник к уху, то отдалял его. И вдруг из уха девушки выполз большой медный паук. Ламы посмотрели друг на друга и молча вышли из ханской юрты. Хан встал на колени, начал молиться Оскюс-оолу.

— Семь дней ламы и шаманы ничего не могли сделать, а ты сразу выгнал паука, — говорил хан. — Я дам тебе добро из моего добра, скот из моего скота!

— Не нужно мне ни добра, ни скота, я простой человек, хожу по аалам, — отвечал Оскюс-оол, а сам все смотрел на красавицу.

И вдруг она улыбнулась так, что озарила все вокруг, будто лучами солнца, и сказала:

— Если отец и мать не против, пусть Оскюс-оол будет моим мужем, ведь он меня спас.

Хан подумал и решил: раз дочь этого хочет, пусть так и будет. Он приказал поставить для молодых огромный белый шатер, который не могли окружить ни семьдесят, ни девяносто коней. И устроил великий пир, на который собралось все ханство. Люди сказали:

— Раз Оскиос-оол стал ханским зятем, то пусть он будет судьей.

И Оскиос-оол стал судьей. Он всегда разбирался, где правда и где ложь, судил честно и правильно.

16. ОСКИОС-ООЛ, КОТОРЫЙ ПЕЛ ПЕСНИ ТАЙГИ

Давным-давно на склоне Каргыра-Карапгыты-тайги жил семидесятилетний старик Челелдей. У него была шестидесятилетняя старуха. И не было у стариков ни скота, ни детей.

И вот старуха родила мальчика. Через два месяца она умерла. А еще через шесть месяцев умер старик. Мальчик остался в люльке совсем один. «Нет у меня матери, которая бы меня накормила, нет у меня отца, который взял бы меня на руки», — подумал он и выполз из люльки. А потом вышел из чума и увидел Ак-Сара-коня, который был привязан девяностосажженным арканом. Мальчик кое-как приковылял к коню и спросил:

— Куда девались мои отец и мать?

— Они умерли, — ответил конь. — Ты сам должен себя вырастить и воспитать. Вытащи из моего хвоста несколько волосин, сплети веревку и сделай петлю. Здесь есть маленькие зверьки, которые пищат и прячутся в норах. Их ты должен ловить этой петлей. Мясо будешь жарить, а из кожи делать пидки. В чуме найдешь огниво, будешь разводить костер. А меня отпусти. Я должен свободно пастись. Приходи ко мне, что непонятно — спрашивай.

Мальчик сделал волосяную петлю и стал ловить мышей и сусликов. Он жарил их мясо, ел и быстро рос. Однажды он пришел к коню и спросил:

— Что это за белый зверек, который бегаёт петляя? Можно ли его есть?

— Это заяц, — ответил Ак-Сара, — его мясо вкусное, суп из зайца наваристый.

— А как убивают зайца? — спросил мальчик.

— Его убивают стрелой, выпущенной из лука. У твоего отца был лук и стрелы. Разыщи их.

Мальчик разыскал лук и стрелы и стал бить зайцев. Он ел зайчье мясо и рос еще быстрее. И скоро снова пришел к коню.

— Что это за зверь на длинных ногах, с белым хвостиком и кричит: «Ог-ог!»? — спросил он коня.

— Это косуля, — ответил Ак-Сара. — Вот ее мясо действительно вкусное. Постарайся ее убить.

Мальчик стал бить косуль. И вырос настоящим охотником, сильным и выносливым. Он надел одежду, которую оставили ему мать и отец, и стал охотиться верхом на Ак-Сара-коня, стал ездить по всей тайге, по всем склонам и перевалам.

А у подножия Каргыра-Карангыты-тайги жил Бай-хан. У него было семь сыновей и семь дочерей. Семь сыновей ездили в тайгу охотиться, а семь дочерей собирали ягоды и орехи.

Однажды семь сыновей хана вместе со слугами поехали охотиться на склоны Каргыра-Карангыты-тайги. Но сколько ни ездили — не могли убить зверя. Каждый раз, как только они начинали целиться, их опережал какой-то расторопный, ловкий и очень меткий стрелок на светло-соловом коне. Они подъехали к стрелку и спросили:

— Кто ты, как твое имя-прозвище, где твой аал-стойбище?

— Я — Оскюс-оол. Живу на склонах Каргыра-Карангыты-тайги. А вы что за люди?

— Мы — сыновья Бай-хана, который живет у подножия этой тайги. Мы давно охотимся и никак не можем убить зверя, — ответили охотники.

— У охотников цель одна. Давайте охотиться вместе, — предложил Оскюс-оол.

Братья согласились. Вместе они охотились целый день. Оскюс-оол подстрелил косулю и марала и отдал добычу братьям.

Бай-хан удивился, увидев, что сыновья его принесли косулю и марала, и похвалил их.

Однажды семь дочерей хана вместе со служанками пошли за ягодами и за орехами. В лесу они услышали нежные звуки: кто-то играл на игле и пел горловые песни. Песни были такие красивые, что девушки забыли про ягоды и пошли на голос. Они увидели прекрасного юношу, который сидел на траве. Рядом пасся светло-соловый конь.

— Кто ты, как твое имя-прозвище, где твой аал-стойбище? — спросили они.

— Я — Оскюс-оол. Живу на склонах Каргыра-Карангыты-тайги. А вы кто такие?

— Мы — дочери Бай-хана, который живет у подножия этой тайги. Мы собираем ягоды и орехи.

Девушки стали просить Оскюс-оола, чтобы он еще поиграл на игле, еще спел горловую песню. Он спел, а потом помог им собрать ягод и орехов.

Слушайте дальше. Приходили ханские сыновья на склон тайги — Оскюс-оол за них охотился. Приходили ханские дочери на склон тайги — Оскюс-оол собирал за них ягоды, да еще и пел им горловые песни.

Скоро на склон стали приходить ханские пастухи и слуги — все хотели послушать чудесное пение, в котором были щебет и свист всех таежных птиц и голос таежного ветра, гудящего в вершинах древних кедров.

Однажды хан подумал: «Что это такое: каждое утро и дети, и пастухи, и слуги — все устремляются к Каргыра-Карангыты-тайге? А возвращаются только к вечеру. Что они там делают?» И стал всех расспрашивать.

— Мы слушаем Оскюс-оола, поющего песни тайги, — ответили пастухи.

— Мы слушаем Оскюс-оола, поющего песни тайги, — ответили дочери. — Мы приносим ягоды и орехи, которые собирает за нас Оскюс-оол.

— А мы приносим мясо и шкуры зверей, которых убивает Оскюс-оол, — ответили сыновья.

Хан подумал: «Когда-то на склоне тайги жили старик со старухой. У них был конь Ак-Сара. Когда старику было семьдесят лет, а старухе — шестьдесят, у них родился сын. Через два месяца умерла старуха, а еще через шесть месяцев — старик. Неужели выжил Оскюс-оол? Как он выжил?.. А теперь он лучше всех охотится и поет песни тайги!» И черная зависть перевернула душу хана.

— Ну что ж, — сказал он, — если этот Оскюс-оол подходяще играет и сносно поет горлом, приведите его сюда.

Слуги прибежали к Оскюс-оолу.

— Бай-хан приказал тебе прийти! — сказали они.

— Когда хан зовет, простой человек не идти не может, — ответил парень. Он сел на Ак-Сара-коня и поехал к хану.

— Здравствуйте, хан, здравствуйте, ханша, — сказал он.

— Как твое имя-прозвище, где твой аал-стойбище? — спросил хан.

— Я — Оскюс-оол. Живу на склонах Каргыра-Карангыты-тайги.

— Ну, а как ты играешь на игле? Как ты поешь? Мы хотим послушать,— сказал хан.

— Я играю только, когда захочу,— ответил парень,— и когда захочу — пою.

— Сыграй и спой сейчас,— попросил хан, все еще не веря, что услышит настоящее пение.

Оскюс-оол запел. Из его горла вырывались голоса всех птиц Каргыра-Карангыты-тайги. Казалось, тасжный ветер запутался в вершинах древних кедров. Притихли сороки и вороны, которые кружились над стойбищем. Женщины плакали, а мужчины боялись шелохнуться. Хан и ханша были как во сне. Тридцать дней — один месяц, шестьдесят дней — два месяца, девяносто дней — три месяца звенел голос Оскюс-оола над зеленой тайгой!

На звуки горлового пения собралось все ханство. И хан сказал:

— Я отдаю за Оскюс-оола свою прекрасную младшую дочь! В хороший день, в начале месяца устроим свадьбу.

Он поставил для дочери белую юрту, выделил белый скот из своего скота и добро из своего добра.

Девяносто дней — три месяца веселились люди на свадьбе. Девяносто дней — три месяца восхищались они голосом Оскюс-оола.

А потом Оскюс-оол взял жену, скот, юрту и откочевал на склоны Каргыра-Карангыты-тайги, туда, где жили его отец и мать. Он ухаживал за скотом и пел песни тайги, и ветер через перевалы разносил его голос по всем горам и долинам нашей земли.

Пока жил Оскюс-оол со своей прекрасной женой, удлинились овраги, углубились лощины.

**БЫТОВЫЕ
СКАЗКИ**

LIBRARY OF THE
MUSEUM OF ART AND HISTORY

17. РЫБАК ОСКЮС-ООЛ

Было это раньше раннего, древнее древнего. В верховьях Кара-Хема жил Караты-хан, а в устье — лама с двумя послушниками. В среднем течении реки в чуме из коры лиственницы жил бедный рыбак Оскюс-оол. У него была огромная черная злая собака.

Лама каждый день думал: «Как бы взять в жены прекрасную дочь Караты-хана, Сияющую красавицу? Как ее увезти? Ехать свататься нельзя. Запрещает закон. Надо хана обмануть. А как его обмануть?» И наконец придумал. Он приехал к Караты-хану. Когда они сели пить — незаметно всыпал ему в араку белый порошок, сделанный из ядовитой травы. И поскорей уехал, чтобы хан заболел без него.

Только он вернулся домой — прискакали ханские слуги.

— Скорее, достопочтенный лама, скорее садитесь на коня! Наш хан тяжело заболел! — сказали они.

— Сейчас возьму лекарство — сказал лама и побежал к послушникам.

— Мои верные послушники! — сказал он. — Я еду к хану. По Кара-Хему я скоро спущу большой сундук, обтянутый кожей. Стойте у реки и караульте, чтобы его не пропустить. Поймайте этот сундук и принесите в мою юрту. Но не вздумайте открывать без меня!

И лама уехал вместе с ханскими слугами. Он пришел к больному хану и начал бросать гадальные кости.

— О хан, у вас страшная болезнь, — сказал он. — Очень скоро вы должны умереть. Эрлики в нижнем мире уже знают об этом и приготовились вас встречать... Но вместо вас можно послать в нижний мир другого человека. Этим человеком может стать только ваша единственная дочь. Надо посадить ее в сундук, обтянутый кожей, и пустить вниз по Кара-Хему.

— О, что ты, что ты, достопочтенный лама! Свою единст-

венную юную дочь я в воду не брошу. Уж если умирать, то пусть я умру, я ведь старик, — сказал хан.

Лама снова подсыпал яду — совсем хана скрутило. А сам собрался уходить.

— Пстой, пстой! — закричал хан, — я больше не могу терпеть боль. А жизнь — ох, как дорога! Я согласен. Отправь мою дочь в нижний мир, только избавь меня от мучений! Я, я должен жить, а не она. Ведь она не сможет сесть после меня на почетное место — управлять ханством и вершить суд, она не сможет стрелять в тайге дикого зверя... Ох, спаси!

Лама положил ханскую дочь, Сияющую красавицу, в большой черный сундук, обтянул его кожей коровы и пустил вниз по Кара-Хему. А хану подсыпал порошок, который выгоняет яд. Хан сразу поправился.

Оскюс-оол, как обычно, рыбачил. Около него сидела его огромная злая собака. В полдень он увидел плывущий по реке большой сундук, обтянутый кожей. Оскюс-оол зацепил его длинной палкой и вытащил на берег. Он принес сундук в свой бедный чум, открыл... и увидел в нем прекрасную девушку, Сияющую красавицу, излучавшую свет солнца и луны. Он бережно вынул девушку и посадил в сундук вместо нее свою огромную злую собаку. Сундук закрыл, обтянул кожей и пустил вниз по Кара-Хему.

Послушники ламы, не отрываясь, смотрели на реку — ждали сундук. И наконец увидели: плывет, плывет! Они бросились в воду, вдвоем вытащили его и отнесли в юрту ламы.

Скоро вернулся и сам лама, радостный, возбужденный и пьяный.

— Ну, мои верные послушники, поймали вы сундук, который я спустил по реке? — спросил он.

— Поймали, башкы, — ответили они.

— Где он? — спросил лама.

— В вашей юрте, башкы, — ответили они.

— Очень хорошо, очень хорошо! Слушайте: сегодня ночью я буду совершать тайную священную молитву. Никто не должен меня видеть во время этой молитвы. Не входите в мою юрту, даже если услышите крики и стоны: это я буду разговаривать с бурганом. Вы поняли меня? — спросил лама.

— Поняли, башкы, — ответили послушники.

Лама ушел в юрту. С нетерпением открыл сундук. Оттуда выскочила огромная злая голодная собака и бросилась на него. Лама закричал, застонал, стал звать на помощь. Но послушники знали: как бы он ни кричал, входить нельзя. Утром они принесли мясо и лепешки своему башкы. Вместо лама лежали обглоданные кости.

А рыбак Оскиус-оол все смотрел и смотрел на Сияющую красавицу и не мог насмотреться. Он даже перестал ходить на реку, ловить рыбу.

— Что с тобой стало? Прежде, говорят, ты работал, рыбачил. Почему теперь дома сидишь? Что мы есть будем? — спросила красавица.

— Я люблюсь твоей красотой и не могу от тебя отойти, — ответил Оскиус-оол.

— Тогда я нарисую себя. Смотри на мое изображение и лови рыбу, — сказала красавица.

Оскиус-оол снова начал ходить на рыбалку. И всегда брал с собой рисунок красавицы. Рыбы стал ловить больше прежнего.

Но однажды сильный порыв ветра вырвал рисунок из рук Оскиус-оола и унес неизвестно куда. Сколько рыбак ни искал его — нигде не нашел. С заплаканными глазами вернулся домой.

— Что случилось, Оскиус-оол? Почему ты так печален? — спросила красавица.

— Я печален потому, что ветер вырвал у меня из рук твой рисунок и унес неизвестно куда, — ответил Оскиус-оол.

Загрустила красавица.

— Неумиравший, теперь ты умрешь, негаснувший твой огонь погаснет, — сказала она.

А рисунок долго летел по ветру и опустился в аале соседнего хана. Его нашла ханская шившикин и поскорей отнесла повелителю.

— О, какая красавица живет на земле! Я на ней женюсь! — воскликнул хан.

Он собрал войско и отправился искать прекрасную девушку. Скоро его воины нашли чум Оскиус-оола. Хан забрал Сияющую красавицу, разрушил чум, а Оскиус-оола прогнал.

Бедный Оскиус-оол заплакал и пошел вверх по Кара-Хему.

Пришел в аал Карати-хана и наиялся к нему пасти овец. Пас целых три года. За работу попросил серого безрогого быка, медвежью шубу и волчью шапку. Надел он шубу и шапку, сел на быка и поехал искать свою жену.

А жена его, Спяющая красавица, за три года ни разу не улыбнулась. Сколько ни старался хан — не мог ее развеселить. Даже уголки губ красавицы ни разу не дрогнули.

И вдруг она увидела человека в медвежьей шубе и волчьей шапке, ехавшего на сером безрогом быке. Она засмеялась таким радостным смехом, какого ни хан, ни его швишкини никогда нигде не слышали.

— За три года ты ни разу не улыбнулась, даже уголки губ у тебя ни разу не дрогнули. Почему же ты сейчас, увидев захудалого шщего парня на плохом безрогом быке, так обрадовалась, так засмеялась? — спросил хан.

— Как же мне не смеяться — у него такие смешные шуба и шапка и такой смешной бык! — ответила красавица.

— Ну, а если я так же наряжусь и поеду на этом безрогом быке, ты будешь весело смеяться? — спросил хан.

— О хан, если вы так же нарядитесь, я буду смеяться еще больше! — ответила красавица.

Хан побежал к Оскиус-оолу и упросил его поменяться шубами и шапками. Потом он сел на серого безрогого быка и уехал в степь, чтобы неожиданно вернуться на быке и рассмешить красавицу. А она поскорей позвала Оскиус-оола в юрту и уложила в ханскую постель. Потом созвала воннов и сказала:

— Наш хан тяжело заболел. Жизнь его держится на волоске, на лезвие ножа. По степи на сером безрогом быке ездит черт в медвежьей шубе и волчьей шапке. Это он нагнал болезнь на нашего хана. Вы должны черта убить. Скоро он опять появится здесь. Он вас захочет обмануть, будет кричать: «Я ваш хан! Я ваш хан!» Но вы черту не верьте. Ваш хан лежит здесь, в юрте. Он болен.

Красавица поставила воннов вокруг аала. Вонны увидели: кто-то едет к аалу на сером безрогом быке.

— Посмотрите, как он одет?

— На нем медвежья шуба и волчья шапка.

— Это черт, черт! — закричали все воины. — Он едет сюда, чтобы убить нашего хана!

Они побежали навстречу и стали в него стрелять.

— Стойте! Я ваш хан! Я ваш хан! — кричал хан.

— Нет, ты нас не обманешь, ты — черт! — кричали воины.

И они убили переодетого хана.

А Оскюс-оол с Сияющей красавицей жили долго и счастливо.

18. ОСКЮС-ООЛ, КОТОРЫЙ ПОСТИГ ТРИ НАУКИ

Жил когда-то старик. У него был сын Оскюс-оол, тридцать коней, тридцать коров и тридцать коз. Скоро старик умер. Оскюс-оол остался совсем один. «Нет у меня братьев, нет у меня сестер, — думал он. — Зачем мне одному столько скота? Лучше я променяю свой скот трех родов на три науки».

Он погнал свой скот на север. И вот увидел три юрты. Он вошел в одну из них. Там люди играли в шахматы.

— Откуда ты пришел? Что ты ищешь? — спросили его.

— Я пришел с юга. Родители мои умерли. Мне оставили скот трех родов. Я решил променять его на три науки. Научите меня играть в шахматы, и я отдам вам тридцать коз, — сказал Оскюс-оол.

Игроки согласились, взяли у него тридцать коз и за месяц научили играть в шахматы. Оскюс-оол стал играть даже лучше своих учителей. «Одну науку я постиг, — подумал он. — Осталось еще две». Он попрощался с учителями и погнал свой скот на север.

Скоро он подъехал к юрте. В ней три человека показывали друг другу китайские фокусы.

— Откуда ты пришел? Что ты ищешь? — спросили его.

— Я пришел с юга. Родители мои умерли. Мне оставили скот трех родов. Я решил променять его на три науки. Одну я постиг — научился играть в шахматы. Научите меня вашим фокусам — и вы получите тридцать коров, — сказал Оскюс-оол.

Искусники согласились, взяли у него тридцать коров и за месяц научили своему искусству. Оскюс-оол стал показывать фокусы даже лучше своих учителей. «Две науки я постиг, —

подумал он.— Осталась одна». Он попрощался с учителями и погнал своих коней на север.

И снова встретил юрту. В ней три человека сидели и считали. Оскюс-оол рассказал им, что своих коз и коров он променял на две науки — умеет теперь играть в шахматы и показывать фокусы.

— Научите меня считать — и вы получите двадцать девять коней,— сказал он.

Ученые люди согласились, взяли у него двадцать девять коней и за месяц научили счету. Оскюс-оол стал считать не хуже своих учителей.

«Я постиг три науки,— подумал он.— Теперь можно ехать по аалам». И поехал на своем единственном коне.

Он услышал, что Караты-хан играет в шахматы на голову: кто ему проиграет — голову потеряет, а кто трижды его обыграет — сам ханом станет. «Нет у меня братьев, нет у меня сестер,— подумал Оскюс-оол.— Один я на свете. Некому будет обо мне горевать. Поеду, сражусь с Караты-ханом».

Недалеко от аала хана, на перевале он увидел много отрубленных человеческих голов. Они висели, подвешенные за косы, на деревьях вдоль тропы. Оскюс-оол сосчитал головы. Их оказалось девятисто девять. «С головой хана будет сто»,— подумал он и смело пошел вперед.

— Откуда ты приехал? Что тебе надо, странник? — спросил его Караты-хан.

— Я приехал из-за той горы. Хочу сыграть с вами в шахматы. Я слышал, что можно выиграть ваше ханство,— сказал Оскюс-оол.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся хан.— А когда ты ехал из-за той горы, ты что-нибудь видел на перевале?

— Я видел много голов.

— Пойди-ка сначала сосчитай, сколько там голов, а уж тогда будем играть,— сказал хан.

— Я их сосчитал. Девятисто девять. С вашей, хан, будет сто.

Удивился хан, что простой человек счету обучен, и сел играть. Скоро он увидел, что проигрывает.

— Э-э, парень, стой, шахматы — игра трудная, долгая. А человек есть-пить хочет. Давай отдохнем, поедим,— сказал он.

Жена хана принесла им еду на двух золотых тарелках. Оскюс-оол понял, что еда, которая стоит перед ханом, глаз

просветляет и ум оживляет, а еда, которая стоит перед ним, глаз затуманивает и ум одурманивает. Не зря он учился фокусам. За то время, пока хан глазами моргнул, он успел обменять тарелки. Хан ничего не заметил.

После еды продолжили игру. Через несколько ходов хан проиграл.

— Один раз я выиграл, осталось два,— спокойно сказал Оскюс-оол.

Хан злобно на него посмотрел, и они начали играть снова. И опять Оскюс-оол одолевает, и опять хан кричит:

— Привеси, жена, вкусной еды — силы наши подкрепить! Опять перед ними появились две золотые тарелки, и опять их сумел поменять ловкий парень.

После еды продолжили игру. Глаза хана затуманились. Не знает, что делать. Быстро проиграл.

— Осталось обыграть вас всего один раз,— сказал Оскюс-оол.

Хан со страхом на него посмотрел, и они начали последнюю игру. После первых ходов хан понял: приходит ему конец. Снова он приказал, чтобы принесли еды, снова Оскюс-оол менял тарелки. Только хан поел — в глазах его зарыбило, фигуры запрыгали. Три хода сделал и проиграл.

— Ну что, хан, все три раза выиграл я! На перевале — девяносто девять голов. С вашей головой будет сто!

— О Оскюс-оол, пощади меня! Возьми все золото и серебро, возьми весь скот и всех слуг, будь ханом, только не отрубай мне голову! — взмолился хан.

— Те девяносто девять человек, которые опередили вас, не нарушали условий. Они играли на голову и проиграли. Теперь ваша очередь расплачиваться! — сказал Оскюс-оол и повел Караты-хана на перевал. Там он отрубил хану голову, и больше никто в тех землях на голову не играл.

А Оскюс-оол, постигший три науки, стал править ханством.

19. СТАРИК АК-САЛ И ДУЖУМЕТ

Жил когда-то белоголовый старик Ак-Сал*. И жил в соседнем аале злой дужумет. Он любил издеваться над людьми. Каждому, кто приходил в его аал, он загадывал загадки-

головоломки. Каждого, кто не мог их отгадать, он избивал тяжелой плетью.

— Кто отгадает загадку — сам меня избьет плетью! — весело говорил дужумет.

Но никто не мог отгадать мудрых загадок. Каждому доставались плети.

Мудрым, бывалым человеком был белоголовый старик Ак-Сал. Решил он защитить простых людей, отомстить дужумету. Пришел он в соседний аал и вошел прямо в юрту к злодею.

— Старик, разве ты не знаешь моих правил? Каждый, кто сюда приходит, отгадывает мои загадки-головоломки. Отгадаешь — ты бьешь меня плетью. Не отгадаешь — сам попробуешь тяжелую плеть!

— Я слушаю твою загадку-задачу. Я пришел проучить тебя, разбойник! — смело сказал белоголовый старик Ак-Сал.

— Вон ты какой! Ну смотри. Видишь вон ту гору? На вершине горы — белый всадник. Пойди спроси у него, когда и откуда он приехал, когда и куда собирается уехать, — сказал дужумет.

— Хорошо. Все узнаю, — сказал старик.

И пошел к горе. А на ней нет ничего. Вершина снегом сверкает. Посидел старик на камне, покурил и вернулся к юрте дужумета. А около юрты народ собрался, все хотят узнать, что будет. Дужумет вышел со своей любимой плетью в руках.

— Ну что, расспросил всадника?

— Да, расспросил, — ответил старик.

— Он все тебе рассказал? — спросил дужумет.

— Да, все рассказал, — ответил старик.

Дужумет вдруг испугался и притихшим голосом спросил:

— Что же он сказал?

— Белый всадник сказал, что приехал он осенью с верхнего мира, а уезжать собирается весной в нижний мир, — ответил старик.

Все поняли его мудрый ответ. И шагнули навстречу дужумету. Он бросился в юрту. Но люди вытащили его. Старик взял тяжелую плеть и избил злодея. Отомстил за всех бедняков, над которыми он издевался.

С тех пор дужумет перестал загадывать загадки.

20. ИСКУСНИЦА ШЕВЕР-ЧЕЧЕН

Давным-давно жила девушка-искусница. Звали ее Шевер-Чечен*. Не было у нее ни скота, ни мужа, ни детей. Ходила она по аалам, шила для баев идики, халаты и шапки.

Однажды Шуужен-хан* захотел сшить своим детям небывало красивую обувь и одежду.

— Эй, Бызаакай-Тараакай! — кликнул он слугу. — Отправься с оседланным конем хоть на все четыре стороны, но найди и привези мне Шевер-Чечен, искусную мастерицу!

Старик Бызаакай-Тараакай долго ездил по аалам, всех расспрашивал и наконец нашел Шевер-Чечен.

— Вас зовет наш хан, — сказал старик.

— Когда хан зовет, а простой человек не идет, то у него снимают голову, — сказала девушка и села на коня.

«Я ведь ни в чем не виновата, зачем меня зовет хан? — со страхом думала она. — Что он со мной сделает?»

— Здравствуйте, хан, — сказала девушка, входя в юрту.

— Зачем приехала? — спросил Шуужен-хан.

— Старик сказал, что вы звали меня, — ответила девушка.

— Да, я хочу посмотреть, насколько ты искусна. Будешь шить черные идики, халаты из черного шелка и шапки из черных соболей! — Хан дал ей кожи, шелк, шкуры и посадил за работу.

Знаменитая искусница Шевер-Чечен шила прекрасные идики, халаты и шапки, шила так, что не было видно швов. Потом она собрала все обрезки и шила из них идики, халат, шапку и спрятала их в мешок. Хану понравилось, как искусно, как быстро она работает.

— Будешь моей служанкой, — сказал он. — Будешь ходить за водой и за дровами, разжигать костер и варить еду, обрабатывать кожи и шить одежду.

Семь лет без отдыха, без перерыва работала у хана Шевер-Чечен. Но вот она забеременела и вскоре уже не могла делать тяжелую работу. Однажды ее увидела ханша и закрычала:

— Ах ты пройдоха! Нищая ты пришла в наш дом, разьелась, а теперь делать ничего не хочешь?!

— Что поделаешь, — ответила Шевер-Чечен. — Такая наша женская доля. Стала я тяжелой, и с тяжелой работой не справляюсь.

— Эту ненужную тварь надо выгнать туда, где люди еще не бывали! — сказал хан. — Она опозорила мой зал.

— Хорошо. Я уеду, — ответила Север-Чечен. — А что вы мне дадите, хан, за семь лет работы?

— Что тебе дам? Ха-ха-ха! А разве того, что ты тут за семь лет съела и выпила, тебе мало? Эй, старик Бызаакай-Тараакай, увези эту херээжок* в такую глухомань, куда человек еще не забирался, и брось ее там!

Старик взял на дорогу еду, навьючил ее на лошадь, на другую посадил Север-Чечен, и они направились на север. Долго ехали и остановились у Чинге-Кара-Хема. Там было много грибов, ягод и марьинного корня*. Старик срубил несколько деревьев, поставил чум, отдал Север-Чечен стальной нож, черное седло, узду и потник.

— Пусть у тебя родится сын! — сказал он на прощание и уехал.

— Пусть мой сын поможет вам когда-нибудь! — крикнула ему вслед бедная ханская служанка.

Вскоре она родила мальчика. Сын ее так быстро рос, что через день стал годовалым, а через два дня — двухлетним. Через несколько дней он стал помогать матери выкапывать съедобные коренья.

Однажды Север-Чечен решила узнать, живет ли кто-нибудь по Чинге-Кара-Хему. Она взобралась на вершину горы и увидела покинутое стойбище. Там что-то шевелилось.

Север-Чечен пришла туда и увидела тощего солового жеребенка. Он был совсем слабый. Спину его клевали вороны и сороки. Север-Чечен прогнала птиц и привела жеребенка к себе. Она вылечила его спину таежными травами, выкормила, вырастила. И стал жеребенок могучим соловым конем.

А сын Север-Чечен стал могучим парнем, богатырем. Из лука, который сделала ему мать, он убивал косуль и маралов. Как-то он пришел к матери и спрашивает:

— Что за зверь в лесу ходит: безрогий, бурый, лохматый?

— Ой, сынок, не ходи туда! Человеку нельзя ходить там, где ходит этот зверь. Он очень сильный и может тебя убить, — сказала мать.

— Да разве он сильный? Он зарычал, встал на задние лапы и пошел на меня, а я взял его за уши, встряхнул и отбросил. И зверь убежал, — ответил богатырь.

— Сын, ты уже взрослый. Тебе надо иметь настоящее оружие, — сказала мать.

Она показала ему, какие деревья надо срезать, и помогла сделать черный жестокий лук. А потом дала ему черные пидви, халат из черного шелка и шалку из черного соболя, которые она когда-то сделала из обрезков. Все это было парню впору, и стал он похож на богатыря. Он оседлал солового коня, которого выходила мать, взял лук и стрелу и хотел было взлететь в седло, но конь сказал:

— С тех пор как я родился, никто на меня не садился. Еще никто не совал мне в рот железо, никто не надевал на грудь нагрудник, никто не пропускал под хвост подхвостник. Наверное, мне будет щекотно, и я буду прыгать и вставать на дыбы. Поэтому ты положи лук и стрелу, они тебе будут мешать. Попробуй проехать без оружия.

Богатырь бросил лук, воткнул в землю стрелу, подоткнул полы халата и сел на коня.

— Ну как, хорошо держишься? — спросил конь.

— Хорошо, — ответил богатырь.

Конь поскакал так, что искры посыпались из глаз богатыря. Где были горы — там стала ровная степь. Где была ровная степь — встали горы. Звезды неба сыпались на землю, а пыль земли подымалась до небес. Зимой богатырь узнавал по инею, лето — по росе. Наконец он не выдержал и закричал:

— Если хочешь убить — убивай скорей! Если хочешь пощадить — остановись!

Конь сказал:

— Ты меня не жалея, ударь посмелей! Ударь меня по боку так, чтобы ребра мои на солнце засверкали, — ты ведь не отца бьешь. Натяни узду так, чтобы щеки мои до ушей разорвались, — ты ведь не материнны щеки разрываешь.

Богатырь поднял плетень, так что заслонил солнце, и ударил коня по боку, так что ребра его засверкали, а потом натянул узду так, что щеки коня разорвались до ушей.

Конь остановился и сказал:

— Ты можешь быть моим хозяином, а я согласен быть твоим конем.

Богатырь спешился и увидел, что мясо его бедер оторвалось от костей и обмоталось ниже колен, мясо его предплечий оторвалось от костей и обмоталось ниже локтей. Он стал лечиться таежными травами, которые залечивали раны к утру. Он стал лечиться разноцветными травами, которые вылечивали раны к вечеру. А когда вылечился — приехал домой.

На коне он стал охотиться еще лучше и привозить мяса

еще больше. Однажды, когда богатырь был на охоте, с юга прилетели семь гусей и прокричали:

— Где ты, Экер-оол*? В юрте ты или в пути? — Они покружили над чумом и улетели.

«Что это они? — подумала Шевер-Чечен. — Ведь я еще не давала имени моему сыну. Вечером расскажу ему об этих гусях». Но когда вернулся сын, она об этом забыла. Назавтра снова прилетели гуси. И она снова забыла рассказать. Гуси прилетели и на третий день. «Уж сегодня я не забуду», — думала Шевер-Чечен, привязывая ниткой уголек к уху. Вернулся сын.

— Что с тобой, мама, зачем тебе серьги из угля?

— Это я для памяти, сын. Уже три дня, как прилетают с юга семь гусей и спрашивают тебя. Не ходи завтра на охоту.

Назавтра опять прилетели гуси и закричали:

— Где ты, Экер-оол? В юрте ты или в пути?

— Я в юрте! — ответил парень.

Когда он выбежал из юрты, гуси были далеко. Парень вскочил на коня, догнал их и крикнул:

— Стрела моя, прострели их всех до одного! — И начал натягивать тетиву.

И тут первый гусь устремился к земле и превратился в красавицу.

— Кто вы такие, откуда вы, почему вы как птицы летаете? — спросил парень.

— Мы — дочери Кускун-Кужура-хана, мы живем на юге. Отец одел нас в птичьи одежды, чтобы мы свободно летали по свету и сами нашли себе добрых молодцев по сердцу. Мы облетели весь свет, и мои сестры нашли себе женихов. А мне понравился ты. Вот мы и прилетели, чтобы поговорить с тобой.

Парень вернулся домой.

— Что, догнал ты этих гусей? — спросила мать.

— Это не гуси. Это семь дочерей Кускуп-Кужура-хана. На младшей из них я женюсь. Сейчас поеду за ней и привезу ее сюда.

— Что ж, сынок, поезжай. Подари хану самого черного из соболей, самого серого из волков, самую красную из лисиц и самую белую из белок, — сказала мать.

Парень отправился в тайгу, убил самого черного из соболей, самого серого из волков, самую красную из лисиц и самую белую из белок, потом настрелял много зверя — заготовил для матери много еды и приготовился к отъезду.

— Пусть тебя зовут Экер-оол с Ээр-Сарыг-конем*, — сказала на прощание мать.

Богатырь направился на юг. Путь в месяц он проезжал за день и скоро приехал к аалу Кускуи-Кужура-хана. Перед ханским шатром стояло семь белых юрт. Экер-оол привязал коня около самой нижней юрты и вошел в нее. С одной стороны пятнадцать мальчиков играли на пгиле, с другой стороны пятнадцать девочек пели песню. А за ними пятнадцать девочек играли на хомусе, а пятнадцать мальчиков пели горловую песню. Красавица встретила его, положила перед ним олбук, угощала мясом, чаем, сахаром, лепешками.

А наутро богатырь пошел к хану и приподнес ему драгоценные шкуры.

— Садись, садись, зять, угощайся! — сказал хан и поставил перед ним разные угощения на девяти блюдах.

А на другой день хан решил проверить ум и отвагу своих зятьев. Он собрал их и сказал:

— Убейте мне Демир-Ала-марала*, который живет на Шил-Тайге. Его шкура и панты мне очень пужлы. Кто убьет марала, тот первым заберет жену, скот, слуг и уедет на родину.

Зятья начали готовиться к отъезду. Поставили своих коней, чтобы они выстоялись и стали крепкими, чтобы в начале месяца, в начале дня поехать на Шил-Тайгу.

— Что приказал хан? — спросила красавица, когда Экер-оол вернулся.

— Он приказал убить Демир-Ала-марала, который живет на Шил-Тайге.

— Нет коня, который мог бы взобраться на Шил-Тайгу. Нет человека, который мог бы убить Демир-Ала-марала! Почему ты не сказал, что тебя ждет старая мать, что тебе надо скорее возвращаться домой? Скажи хану, что ты не поедешь, — попросила красавица.

— Может ли мужчина иметь жену, если он не может убить зверя? Зачем мужчине конь, если он не может взобраться на тайгу? Нет, мне нельзя не ехать! — сказал Экер-оол.

В начале месяца, в начале дня семь зятьев взяли луки и стрелы и направились к Шил-Тайге. Невозможно, сколько они ехали. Кони шести зятьев устали, отошали. А Ээр-Сарыг не только не устал, а еще жиру набрал! Зятья ехали грустные, понурые, а Экер-оол — со смехом да с песнями. И вот Шил-Тайга. Зятья развели костер и сели отдыхать.

— Пойдемте на ту сторону тайги, поищем след Демир-Ала-марала,— сказал Экер-оол.

— Нет, мы не можем, кони наши устали, у них и копыт не осталось. Да и сами мы устали, думаем, как бы добраться до аала.

— Тогда отдыхайте здесь, а я поеду искать марала.

Экер-оол взобрался на Шил-Тайгу. И увидел огромного железного марала.

— Пронзи, моя стрела, сердце-легкие Демир-Ала-марала! — сказал храбрый парень, натягивая тетиву.

Стрела попала в лысую подмышку зверя и пронзила его ясквозь. Марал побежал вниз так, что земля затряслась. Он упал у подножия тайги. Экер-оол пришел к ханским зятьям и говорит:

— Я убил этого марала. Он лежит здесь, недалеко. Пойдемте, вместе снимем шкуру.

Ханские зятья издали посмотрели на тушу страшного зверя и, задрожав, побежали прочь. Экер-оол сам содрал шкуру, отрезал панты и сказал:

— Навьючите мясо на коней, и поедем домой!

— Нет, лучше мы съедем это мясо здесь, отдохнем, наберемся сил. А ты поезжай вперед,— ответили ханские зятья.

Экер-оол поехал один. Он вручил хану шкуру и панты Демир-Ала-марала. Народ смотрел на него с восхищением.

— А где остальные мои зятья? — спросил хан.

— Они очень устали. У их коней стерлись копыта. Они отдыхают у Шил-Тайги,— ответил Экер-оол.

— Нет на земле такого смелого человека, как мой зять! Сколько смельчаков ни ездили на Шил-Тайгу — никто не смог убить Демир-Ала-марала! Будем праздновать победу моего зятя! — сказал хан.

После праздника Экер-оол пришел к хану.

— Моя старая мать одна живет в пустом аале. Она бедствует. Я должен ехать к ней.

— Возьми скот из моего скота, добро из моего добра,— сказал хан.

Добро навьючили на девять белых верблюдов и тронулись в путь. С полдороги Экер-оол уехал вперед — подготовить место для стойбища.

— Где будет черта вдоль — идите, где черта поперек — ночуйте! — сказал он.

Дома он рассказал матери обо всех приключениях. Скоро

приехал его аал. Он показал народу, где жить, где пасти скот. Однажды он подумал: «Как получилось, что мать моя жила одна, вдали от людей, в этих глухих местах?» Он пришел в юрту матери и спросил:

— Мама, где мой отец? Как получилось, что ты жила здесь одна, без друзей, без скота?

— Да, сын, я должна тебе обо всем рассказать,— ответила мать.— Я сирота. У меня не было ни родных, ни скота. Я ходила по аалам и шила одежду. Шила хорошо, и меня прозвали Шевер-Чечен. Однажды Шуужен-хану понравилась моя работа, и он сделал меня своей служанкой. Семь лет я у него работала. А когда забеременела, он приказал отвезти меня в эти глухие места. Пастух телят Бызаакай-Тараакай отвез меня сюда, сделал мне чум, дал стальной нож, который ты носишь... У тебя нет отца, но если ты кого-нибудь хочешь называть отцом, то называй старика Бызаакай-Тараакай. Прощаясь, я сказала ему: «Мой сын когда-нибудь вам поможет».

Экер-оол позвал верховода своего народа старика Кызыл-Чиртака в шапке из красных лис.

— Нет дела, с которым бы ты не справился, Кызыл-Чиртак. Нет страны, куда не добрался бы твой конь Кызыл-Шокар. Проезжай к Шуужен-хану, спроси, почему он выгнал мою беременную мать, не заплатив ей за семь лет работы, почему он приказал увезти ее в места, где не ступала нога человека? Скажи ему, если он хочет со мной поевать — пусть готовится! Через три дня я приеду мстить ему!

Старик Кызыл-Чиртак приехал к Шуужен-хану.

— Кто ты, чей ты слуга? — спросил хан.

— Меня прислал богатырь Экер-оол. — И старик передал хану слова своего хозяина.

Хан опечалился. Хан затревожился. Хан задумался.

— Да, это моя ошибка,— сказал он.— Когда придет Экер-оол-богатырь, я с ним поговорю.

Старик уехал. Хан собрал дужуметов и сказал:

— Когда-то я выгнал беременную Шевер-Чечен. Но она не умерла. И вот ее сын, богатырь Экер-оол, через три дня придет мне мстить. Собирайте войско. Мы не змен, чтобы умирать лежа! Мы будем драться и умирать стоя!

— Нет,— сказали дужуметы,— мы не хотим умирать. А Экер-оола нам не победить. Разве вы не слышали, хан, что он взял в жены самую младшую дочь Кускун-Кужура-хана, который живет на юге, разве вы не знаете, что он убил Демир-

Ала-марала, который жил на Шил-Тайге? И что вы за хан, если вы высылаете в таежную глушь беременную женщину, будто она преступница? Если бы она жила здесь, ее сын был бы вашим богатырем, вашим помощником. Когда хан делает ошибку, с него снимают голову! Экер-оол сам знает, что с вами сделать. А мы воевать не будем!

Старик Кызыл-Чиртак вернулся к Экер-оолу.

— Что сказал хан? — спросил богатырь.

— Хан сказал, что он сделал ошибку. Он хочет с тобой поговорить, — ответил Кызыл-Чиртак.

Экер-оол вскочил на Ээр-Сарыг-копя и помчался к хану.

Хан сидел и дрожал.

— На кого это залаяли собаки? — со страхом спросил он.

— К нам едет молодец, стройный, как тополь, на коне, огромном как гора, — доложила ему шившикин. — Собаки лают, сидя на хвостах.

Услышав это, хан Шуужен залез за сундук. Экер-оол плетью открыл дверь ханской юрты и сказал:

— Молодые вырастают, старые стареют, но месть не стареет никогда! Я вас предупредил, хан. Как вы подготовились к встрече? Где ваше войско?

— Ох, пощади меня! — взмолился хан, вылезая из-за сундука.

Экер-оол позвал ханских джуметов.

— Решайте, что делать с ханом! — крикнул он.

— Когда хан делает ошибку, с него снимают голову! — хором сказали джуметы.

— Нет, голову снимать не будем, — сказал Экер-оол. — Мы его вместе с ханшей вышлем туда, где еще не бывали люди.

Хана с ханшей посадили на верблюдов и отправили на далекую тайгу. Старик Бызаакай-Тараакай стал ханом — так решил Экер-оол. А ханскому сыну он дал имя Бызаакай и послал пасти телят. Ханские дочери стали служанками. Для всего народа Экер-оол устроил великий пир. Араку на пир он собрал самую крепкую, а еду — самую вкусную.

А потом вернулся домой и отпустил коня пастись.

— Пей холодную воду из вечного родника, ешь зеленую траву на склонах родной тайги. Набирайся сил.

А сам стал неуязвимым богатырем. Ему не страшны были никакие эрлики из нижнего мира, никакие огненные стрелы из верхнего мира. И жил он долго и счастливо. Пока жил, удлинлись овраги, углубились лощины.

21. ТРИ БРАТА

Жили когда-то три брата. У них был один-единственный конь. Однажды они проснулись, и младший брат говорит:

— Нашего коня украли.

Средний брат говорит:

— Скорее пойдем по следам.

Старший брат говорит:

— Не надо спешить. Давайте сначала сварим чай, попьем, подумаем.

Они сварили чай, попили, подумали.

— Нашего коня увели на ту сторону реки, — сказал старший брат.

— Нашего коня увел человек из белой юрты, которая стоит на той стороне реки, — сказал средний.

— Нашего коня увел человек, которого зовут Оодежник, — сказал младший брат.

Втроем они пришли к Оодежику.

— Ты украд нашего коня. Отдавай! — сказали они.

— Как вы докажете, что я украд вашего коня? Где ваши свидетели?

— У нас нет свидетелей, мы это сами поняли, — ответили братья.

— Ну, а если вы такие находчивые и наблюдательные, то давайте я что-нибудь спрячу, а вы найдите.

Братья вышли из юрты. Оодежник поймал паука и спрятал под коврик.

— Входите! — крикнул он.

Братья вошли.

— Вы что-то спрятали под коврик, — сказал старший брат.

— Что-то с длинными лапками, — сказал средний.

— Это паук! — сказал младший брат.

— Я вам не верю. Вы, наверное, подсматрели. Давайте снова. Уйдите подальше в степь, — сказал Оодежник.

Братья отошли далеко от юрты. Оодежник спрятал в сундук ягоду шиповника.

— Идите сюда! — крикнул он братьям.

Братья вошли.

— Вы что-то спрятали в сундук, — сказал старший брат.

— Что-то из ягод, — сказал средний.

— Это шиповник, — сказал младший брат.

Оодежник решил, что это необыкновенные люди, ссориться с ними нельзя. И привел украденного коня. Братья сели на него втроем и поехали по степи. На берегу реки они увидели следы.

— Колесо у телеги сломано,— сказал старший брат.

— Верблюд у них слепой, а конь — короткохвостый,— сказал средний.

— У хозяина одна дочь, а жена его беременна,— сказал младший брат.

Скоро они догнали кочевников. Хозяин отстал. Братья поворнулись с ним.

— Колесо у твоей телеги сломано, верблюд слепой, у тебя одна дочь, а жена — беременна,— сказали они.

Хозяин удивился.

— Все верно,— сказал он.— Откуда вы узнали?

— Мы посмотрели на следы,— ответили братья.

Хозяин угостил их чаем. Братья поехали дальше. И приехали в ханский аал. Они вошли в юрту к хану.

— Кто вы такие, где живете? — спросил хан.

— У нас нет аала,— сказал старший брат.

— Мы странствуем на своем единственном коне,— сказал средний.

— Увидели ваш аал и заехали переночевать,— сказал младший брат.

— Рядом есть пустая юрта,— сказал хан.— Поешьте там и переночуйте.

Братья пришли в юрту. Их угостили мясом и аракой. Хан послал свою шившикни к юрте, чтобы она послушала, о чем будут говорить братья.

— Вы думаете, нас принимал хан? Нет, мы кланялись простому человеку,— сказал старший брат.

— Вы думаете, нас угощали аракой? Нет, мы пили воду,— сказал средний.

— Вы думаете, нам давали баранину? Нет, мы ели собачье мясо,— сказал младший брат.

Шившикни все донесла хану.

— Голодные бродяги! — закричал хан.— Они были рядом со смертью, я их накормил, напоил, а теперь они ругают мое угощение да еще называют меня простым человеком! Я прикажу отрубить им головы! — Но потом он подумал и решил сначала спросить у матери: а вдруг правы эти братья.

Он пришел к матери.

— Мать, ведь эти братья кланялись хану, а говорят — простому человеку. Почему они так говорят?

— Хан, мой муж, надолго уезжал в тайгу. Твой отец — простой человек. Потому они так говорят, — ответила мать.

— Но ведь угощал я их бараниной! А они говорят — собачьим мясом. Почему они так говорят?

— В прошлом году весной пала овца. Ее маленького ягненка пустили к собаке, и она его выкормила. Это был тот самый барашек, выкормленный собачьим молоком. Потому они так говорят.

— Но ведь пили-то они араку! А говорят — воду. Почему они так говорят?

— Араку, которую давали братьям, варили зимой. На чашу клали лед. И лед попал в араку. Потому они так говорят.

Хан удивился и сказал:

— Это не простые братья. Это — братья, которые видят правду.

Он приказал угостить их и проводить с почестями. Братья сели втроем на единственного коня и поехали странствовать по степи.

22. КООЛУ-САНДАК

Давным-давно жил парень, которого звали Коолу-Сандак. Однажды он решил, что пора ему представиться хану. Он сел на своего единственного коротконового сивого коня и приехал к юрте Ай-хана. Вошел, вежливо поздоровался и сел у очага.

— Кто ты, зачем пришел? — спросил хан.

— Я — Коолу-Сандак. Я решил, что подданный хана должен представиться самому хану.

— Правильно, правильно, — сказал хан и подвинул к нему чашу с мясом.

Коолу-Сандак начал есть. Ему попала толстая кость. Он взял ее, повертел в руках и стал беспокойно оглядываться по сторонам.

— Что ты ищешь? — спросил хан.

— Я ищу, на чем бы разбить эту кость, — ответил парень.

Хан вытащил из сундука большую монету — пятьдесят серебряных ланов. И бросил ее Коолу-Сандаку.

— На, подложи под кость!

Коолу-Сандак взял монету и снова стал оглядываться.

— А теперь что ты ищешь? — спросил хан.

— Теперь я ищу, чем бы разбить кость, — ответил парень.

Хан полез в сундук и бросил парню еще одну такую же монету.

— На, разбей!

Коолу-Сандак разбил кость, высосал мозг, положил обе монеты за пазуху, попрощался и ушел. Хан и слова сказать не успел. Он рассердился и позвал слугу.

— Я дал Коолу-Сандаку сто серебряных ланов, чтобы было на чем разбить кость, а он положил деньги за пазуху и ушел. Беги вслед, забери монеты!

Слуга нашел Коолу-Сандака дома.

— Наш хан дал тебе сто ланов. Я приехал за ними!

— Когда хан что-нибудь дает, он не должен забирать назад. Так и передай хану, — ответил парень.

Слуга вернулся и передал Ай-хану слова Коолу-Сандака. Хан задумался. «Надо его в чем-нибудь обвинить, отрубить голову и тогда уж забрать деньги. Но в чем его обвинить?»
Всю ночь думал хан. А утром крикнул:

— Пусть придут ко мне десять начальников и десять чиновников!

Пришли десять начальников. Прибежали десять чиновников. Хан сказал:

— Мне надо в чем-нибудь обвинить Коолу-Сандака и отрубить ему голову. Десять начальников! Возьмите десять одинаковых табакерок и одновременно протяните их Коолу-Сандаку, когда он придет. А когда он вернет их — смотрите, чтоб не перепутал! Если перепутает — рубите голову! Десять чиновников! Раскурите десять одинаковых трубок и одновременно подайте их Коолу-Сандаку, когда он войдет. А когда он покурит и вернет их — следите, чтоб не ошибся! Если ошибется — рубите голову! И еще. Около коновязи рассыпьте овечьий помет, полейте его водой и заморозьте. Когда Коолу-Сандак будет привязывать коня, смотрите во все глаза. Если этот парень поскользнется — обвините его в том, что он поклонился не хану, а столбу, и рубите голову! Если же он всюду сумеет вывернуться, то неожиданно дайте ему в руки полную до краев пиалу горячего-горячего чая и, если он хоть немного прольет — обвините его в неуважении к хану и рубите голову!

Назавтра двое слуг поехали за Коолу-Сандаком. Двое

других заморозили воду вокруг коновязи. Приготовились десять начальников. Раскурили трубки десять чиновников.

По дороге слуги сказали парню:

— Ты должен остановиться у ханской коновязи.

Коолу-Сандак быстро привязал коня. А когда шагнул назад, чуть покачнулся и со смехом сказал:

— Я чуть было не поскользнулся, чуть было вместо хана не поклонился столбу!

Он вошел в ханскую белую юрту и сказал:

— Здравствуйте, хан! Здравствуйте, десять начальников, здравствуйте, десять чиновников!

В это время десять начальников протянули ему десять табакерок. Коолу-Сандак взял их, понюхал табак и вернул. Тут десять чиновников подали ему десять трубок. Парень по очереди затянулся из каждой трубки и вежливо отдал назад. Не успел он и глазом моргнуть, как кто-то, подошедший сзади, сунул ему в руки полную до краев пиалу горячего-горячего чая. Коолу-Сандак выхватил из-за пазухи четки, положил их на ладонь, а на четки поставил пиалу и спокойно выпил чай. Потом вышел из юрты, сел на своего коротконового синего коня и уехал домой.

— Он не перепутал, мы не смогли его обвинить, — сказали хану десять начальников.

— Он не ошибся, нам не в чем было его обвинить, — сказали хану десять чиновников.

— Что за кулугур! — вскричал хан. — Ну ничего. Завтра я должен представиться великому хану, солнечному хану — Хюн-хану! Этого парня я возьму с собой. По дороге я сумею его в чем-нибудь обвинить!

На другой день слуга привел Коолу-Сандака к хану.

— Я еду представляться великому Хюн-хану, — сказал Ай-хан. — Ты поедешь со мной. — Он надел высокую шапку с шариком, сел на коня и направился на юг.

Коолу-Сандак поспешил за ханом. Они ехали по широкой желтой степи. Подул ветер. Через степь катились, гонимые ветром, кустики перекати-поля.

— Пойди, парень, спроси их, откуда и куда они катятся, — сказал хан, а сам подумал: «Если он скажет, что это — шанка черта *, я отрублю ему голову».

Коолу-Сандак погнался за одним кустом, потом за другим. Вернувшись, он сказал:

— Они мне ответили так: «Мы вышли из земли в среднем

месяце весны, а в среднем месяце осени оторвались от земли. Сейчас мы спешим к оврагу, там собираются все наши братья».

Хан прикусил язык. Поехали дальше. На вершине горы хан увидел белый снег.

— Пойди, парень, спроси, откуда и куда едет белый всадник, стоящий на той горе,— сказал он, а сам подумал: «Если он скажет, что это — снег, я отрублю ему голову».

Коолу-Сандак поехал к горе. Он долго около нее простоял. А когда вернулся, сказал:

— Белый всадник мне ответил так: «Недавно, в среднем месяце осени, я приехал из верхнего мира, а в среднем месяце весны поеду в нижний мир».

Хан опять прикусил язык. Поехали дальше. Навстречу им скакал на вороном жеребце черный человек в черном шелковом халате. Ай-хан соскочил с коня, поклонился черному человеку, подбежал к нему и начал с ним разговаривать. Коолу-Сандак остался на коне. Черный человек вдруг глянул на Коолу-Сандака.

— Что за собаку ты за собой водишь?! — крикнул он Ай-хану, завернул коня и ускакал.

Ай-хан с парнем вернулись в аал.

— Мои начальники и мои чиновники! — закричал хан, — Коолу-Сандак — преступник. Пора ему отрубить голову! Он, мой слуга, видел, как я поклонился Хюн-хану, а сам даже о коня не сошел! Ведите его на казнь.

Начальники и чиновники взяли парня под руки и повели. Коолу-Сандак сказал им:

— Разве это был сам Хюн-хан? Не может быть! Подчиненный ему Ай-хан и тот вел с собой одного слугу — меня, а тот ехал совсем без слуги, один на вороном жеребце! Я про него подумал: «Это слуга какого-то хана».

Начальники и чиновники удивились.

— Если ты сказал неправду, мы тебе отрубим голову! — сказали они.

— Пойдите спросите у хана, правду ли я сказал, — ответил парень.

Начальники и чиновники побежали к Ай-хану.

— Хюн-хан ехал один или со слугой? — спросили начальники.

— Один, — ответил хан.

— Хюн-хан ехал один на вороном жеребце? — спросили чиновники.

— Да, один на вороном жеребце, — ответил хан.

— Коолу-Сандак прав,— сказали начальники.

— Да, он прав, мы не будем рубить ему голову,— сказали чиновники.

И они отпустили находчивого парня.

23. ОРЛАН-ООЛ И ЧЕЧЕН-КЫС

Когда-то давно в далеком ханстве жило одно племя. В племени было два богача — большой богач, Улуг-бай, и малый богач, Биче-бай,— и два судьи. Первый судья был чином выше второго, а второй — чином ниже первого.

Жил в этом племени старик Чолбен с сыном Орлан-оолом *. У них была одна корова и одна коза.

И жил старик Багайтык. Его дочь Чечен-кыс * была самой прекрасной во всем племени. И не было у них не то что скота — даже собаки у двери юрты. Старик каждый день уходил в тайгу искать коренья. А дочь — большая искусница — шила богачам халаты из черного шелка и иднки из черной кожи. Этим они и жили.

Старики Чолбен и Багайтык были соседями, часто ходили друг к другу, заводили длинные разговоры-беседы. И договорились поженить своих детей.

Слух об этом дошел до ушей Биче-бая.

— Неужели нищий Чолбен сосватает за своего оборванца Орлан-оола такую красавицу?! — закричал он. — Нет! Прекрасная Чечен-кыс будет женой моего сына!

Слух об этом дошел до ушей Улуг-бая.

— Нет, Чечен-кыс будет женой моего сына,— сказал он. — Ведь у меня больше скота и добра, золота и серебра, чем у Биче-бая! Да и сам он должен испугаться меня и не сватать красавицу. Завтра я еду к старику Багайтыку.

На другое утро Улуг-бай сказал жене:

— Совсем ни к чему делать бедняку хорошие подарки. Хватит ему одного куска сыру и одного когержика араки. А вечером я приведу прекрасную Чечен-кыс.

Биче-бай тоже стал собираться к Багайтыку. Он сварил козлиную погу и взял когержик араки.

А в это время старик Чолбен зарезал свою последнюю козу, сварил ее, попросил у добрых людей когержик араки и принес

эти угощения старику Багайтыку. Начали они праздновать-араконать, длинный разговор-беседу завели.

Приехал Улуг-бай. Приехал Биче-бай. Оба начали сватать красавицу за своих сыновей.

Старик Багайтык не знал, что делать. Богачам отказать боялся, друга обижать не хотел. Стал он бегать туда-сюда: то выбежит из юрты, то опять вбежит. Все думает, думает.

Чечен-кыс спросила:

— Что это с вами, отец? Вы так растеряны.

— О дочь! Кому и горевать, как не мне! И Улуг-бай и Биче-бай — оба сватают тебя за своих сыновей. Но ведь у меня сидит наш друг Чолбен. И вот не знаю, кому отказать, кому согласие дать.

— О отец, тут нечего горевать. Принимайте подарки у всех и скажите, что ответ будет через три дня.

Старик Багайтык вернулся в юрту и сказал, как посоветовала дочь. Сваты оставили подарки и ушли.

— Через три дня старик даст согласие мне, — сказал Улуг-бай. — Тебе ли, Биче-бай, тягаться со мной, с моим богатством!

— Хоть ты и Улуг-бай, хоть ты и богаче всех, но не ты, а я принес старику мясо, целую козлиную ножку. Старик даст согласие мне! — сказал Биче-бай.

Они шли и всю дорогу ругались.

Бедный Чолбен думал: «Где мне тягаться с баями!.. Неужели прекрасная Чечен-кыс станет невесткой одного из них?»

Через три дня пришли байские слуги за ответом.

— Скажите им, отец, пусть женихи через три месяца приходят в нашу юрту с подарками. Чей подарок будет лучше, тот и станет моим мужем, — подсказала отцу Чечен-кыс.

Старик Багайтык объявил решение слугам.

Улуг-бай отсчитал сыну пятьдесят ланов серебра.

— Иди к торговцам. Что тебе понравится, то и купи в подарок невесте.

Биче-бай дал сыну сорок ланов серебра.

Старик Чолбен продал свою корову за двадцать пять ланов и отдал их Орлан-оолу.

Три парня пошли по базарам искать самые ценные подарки. Ходили очень долго, кончался третий месяц. Наконец они увидели красивую узорчатую телегу на восьми колесах из крепкой стали. Она стоила пятьдесят ланов серебра.

— Почему так дорого? — спросили байские сыновья.

— Потому что она сама, без лошадей, может проехать трехмесячный путь за три дня, — ответил торговец.

Телегу купил сын Улуг-бая.

Потом они увидели зеркало в серебряной оправе. Оно стоило сорок ланов серебра.

— Почему так дорого? — спросили байские сыновья.

— Потому что в этом зеркале виден любой уголок земли, какой захочешь, — ответил торговец.

Зеркало купил сын Биче-бая.

Орлан-оол подумал, что самые лучшие подарки уже куплены, но все-таки продолжал искать. Он подошел к китайцу, который торговал целебными травами. У него была небольшая деревянная шкатулка. В ней лежала такая маленькая кучка порошка, что она уместилась бы в вороньем глазу. Шкатулка стоила двадцать пять ланов.

— Почему так дорого? Что в ней? — спросил парень.

— В этом порошке — все целебные травы всех девяти хребтов, — ответил китаец. — Травы измельчены в золотой ступке и просеяны через самое тонкое сито. Этот порошок может оживить человека даже через три дня после смерти.

Орлан-оол купил шкатулку. Байские сыновья начали смеяться над ним и хвалиться своими подарками. Сын Биче-бая взмахнул зеркалом и сказал:

— А ну, зеркало, покажи, где сейчас прекрасная Чечен-кыс?

Зеркало показало старую юрту. Прекрасная Чечен-кыс была мертва. Рядом с телом сидел старик Багайтык. Он плакал. Байские сыновья сказали:

— Поедем на восьмиколесной телеге — успеем на похороны. Его с собой не возьмем.

— Возьмите меня, — попросил Орлан-оол. — Ведь у меня есть целебный порошок, которым я оживлю Чечен-кыс.

Байские сыновья бросились на него, чтобы отнять порошок. Тогда Орлан-оол схватил их за пояса, придавил к земле. Сын Улуг-бая сказал:

— Ладно, ты поедешь на телеге, но, если она в дороге сломается, ты будешь работать на меня пятьдесят лет.

Орлан-оол согласился. Сын Биче-бая сказал:

— Если твой порошок оживит Чечен-кыс, то, я думаю, наши отцы согласятся отдать тебе твои двадцать пять ланов.

Через три дня восьмиколесная телега приехала в аал. Ор-

лан-оол высыпал в рот красавице порошок, сделанный из целебных трав всех десяти хребтов. Девушка ожила.

И снова стали спорить Улуг-бай, Биче-бай и старик Чолбен: чьей невесткой станет прекрасная Чечен-кыс.

— Главное — восьмиколесная телега, — сказал Улуг-бай. — На ней они успели вовремя вернуться.

— Нет, — главное — зеркало, — сказал Биче-бай. — Иначе как бы они узнали о смерти Чечен-кыс?

Пошли к судьям. Судьи долго думали, и младший судья предложил:

— Надо позвать Чечен-кыс. Пусть она сама разрешит спор стариков.

Чечен-кыс сказала:

— Я не могу решать такой спор, потому что спорят обо мне. Но будь я судьей я решила бы его в пользу того, кто понес больше убытков.

Старший судья вызвал к себе баев и старика.

— Твой сын не понес никаких убытков, — сказал он Улуг-баю. — У него теперь есть волшебная телега. Он не женится на Чечен-кыс.

— И твой сын не понес никаких убытков, — сказал он Биче-баю. — У него теперь есть волшебное зеркало. Он не женится на Чечен-кыс.

— А у твоего сына, — сказал он старику Чолбену, — ничего не осталось. Целебным порошком он оживил красавицу. Он женится на Чечен-кыс.

На этом кончился спор. Все племя собралось на свадьбу Орлан-оола и Чечен-кыс. И стали они наслаждаться счастьем и довольством, а народ — миром и благоденствием.

24. НАХОДЧИВЫЙ ОРЛАН

Пришел однажды гость к Хайдыл-нойону*. Сели они пить-праздновать. Нойон налил араку в золотую пиалу и подозвал слугу Орлана:

— Пойди, Орлан, пожертвуй араку бургану.

Орлан вышел из юрты и выплеснул араку, но пиала вывалилась у него из рук и раскололась.

— Где золотая пиала, Орлан? — спросил нойон, как только слуга вернулся.

— Вы же мне сказали, чтобы я принес жертву бургану. И пожертвовал араку вместе с пиалой, — ответил Орлан.

— Но ведь я не говорил тебе: «Пожертвуй вместе с пиалой!» Ну-ка, быстро ее принеси, — сказал нойон.

— Бурган разгневается, если мы заберем назад то, что пожертвовали, — ответил Орлан.

— Замолчи, щенок! Принеси пиалу, я приказываю!

Орлан вышел из юрты. Посмотрел на осколки пиалы и вернулся с пустыми руками.

— Где пиала?! — закричал нойон.

— Бурган выпил араку, а пиалу разбил в знак призывания нашего богатства, мой нойон.

Нойон зло посмотрел на Орлана и прикусил губу. А гость, глядя на нойона, еле сдерживал насмешливую улыбку. Ему нравились остроумные ответы парня, и он хотел услышать что-нибудь еще. Но нойон испугался и больше не заговаривал со своим слугой. Тогда начал Орлан:

— О, богатые люди — это необыкновенные люди! У них все по-своему, все особенное, и в каждой мелочи видно их богатство. У них даже собаки лают полноснно, не так, как у простых людей.

Нойон не вытерпел, грудь его поднялась от гордости.

— Как, скажи, как лает моя собака, Орлан?

— О, голос у нее громкий, она лает басом: «Хони! Хони!» А собаки простых людей лают тонким голоском: «Хан-хан!»

Нойон радостно заулыбался.

— Значит, говоришь, моя собака лает: «Хони! Хони!» А собаки простых людей: «Хан-хан!» Байская собака, значит: «Хони! Хони!» А собаки бедняков: «Хан-хан!»

Тут гость вспомнил: ведь Орлан спорил с ним, что заставит своего хозяина лаять по-собачьи. А нойон все не мог успокоиться, все повторял, как лает собака бая и как — собака бедняка.

Гость подумал: «А ведь Орлан спорил со мной, что накопнит своего хозяина собачьим пометом. Как это ему удастся? Посмотрим».

А Орлан уже говорил:

— Удивительные волшебники и чародеи живут на свете, мой нойон. Вот недавно у меня так болела голова, что я чуть не умер. Ни сидеть, ни лежать не мог. И тут Нарын-Шулуту-

башки дал мне несколько кусочков чудного лекарства. Я принял один, и сразу у меня в голове посветлело.

— О, дай и мне попробовать этого лекарства, Орлан.

— Попробуйте, мой нойон.— И Орлан с поклоном двумя руками протянул маленький серый узелок, который отвязал от пояса.

Нойон взял кусочек и медленно разжевал.

— Да, у него своеобразный, какой-то особенный вкус. Несомненно, это — чудодейственное лекарство.— И нойон поклонился серому узелку.

Гость смотрел, слушал и еле-еле сдерживал смех. «Не жалко проиграть несколько монет этому парню,— думал он.— Где еще такое увидишь?»

А Орлан уже говорил:

— Мой нойон, умеете ли вы угонять коней? Только самые отважные и находчивые могут угнать коня...

— А ты умеешь? — спросил нойон.

— Умею.

Нойон решил отомстить Орлану. Он все думал о своей золотой шале. И он сказал:

— Тогда угони этой ночью моего Калчан-Шилги. Угонишь — конь будет твоим, не сумеешь — будешь бесплатно работать пять лет.

Орлан согласился и ушел домой.

Нойон приказал двум джуметам караулить коня. Полночи должен был караулить толстый джумет и полночи — тощий.

Около полуночи Орлан надел шапку с шариком* и пошел к юрте нойона. Толстый джумет ждал — не мог дожждаться, когда придет смена. Он все думал о когержики араки, припрятанном в сундуке. Едва различив в темноте шапку с шариком, он бросил поводья Калчан-Шилги и, ни слова не говоря, побежал домой.

Орлан-оол спокойно повел Калчан-Шилги. А когда вывел за пределы ааала, вскочил на него и поехал сначала шагом, а потом — рысью. Утром он прискакал к юрте нойона верхом на прекрасном Калчан-Шилги.

Нойон хотел что-то сказать, но потом решил, что лучше промолчать.

И больше никогда не спорил с находчивым Орланом.

**СКАЗКИ
О ЖИВОТНЫХ**

THE
OCEANOGRAPHIC

25. ХРАБРЫЙ КОЗЛИК

В глухом лесу в берестяном чуме жил козлик. Как-то бродяга волк наскочил на его чум. И спрашивает:

— Что это у тебя на голове такое белое сверкает?

— Это моя сабля, которой я убиваю волков и медведей.

— А что это у тебя около рта такое серое болтается?

— Это мой платок, которым я утираюсь, когда съем волка или медведя, — ответил козлик и с криком «Бол-бол!» поскакал да так боднул свой берестяной чум, что рассыпался чум на части. Козлик снова крикнул «Бол-бол!» и боднул скалу.

Испугался волк силы козлика и убежал. Скоро ему встретился медведь. И спрашивает:

— Никого не боявшийся, кого ж ты испугался? Никогда не отступавший, от кого ты бежишь?

— Козлик меня испугал, — ответил волк.

— Э-э, какой ты маленький трусишка! Надо было съесть этого козлика! Пойдем вместе.

— Нет, дедушка, я боюсь.

— Не бойся, я привяжу тебя к себе веревкой, и ты будешь чувствовать, что я все время с тобой.

Медведь привязал один конец веревки к шее волка, а другой конец — к своей шее. Вдвоем пришли к козлику.

— Что это у тебя на голове такое белое сверкает? — спросил медведь.

— Это моя сабля, которой я убиваю медведей и волков.

— А что это у тебя около рта такое серое болтается?

— Это мой платок, которым я утираюсь, когда съем медведя или волка.

И с криком «Бол-бол!» козлик боднул скалу.

Медведь испугался и побежал. Он бежал и приговаривал:

— Страшный козел кричит: «Бол-бол!». Страшный козел кричит: «Бол-бол!». — И тащил за собой волка.

— Дедушка, я задыхаюсь! — кричал волк.

— Задыхайся, задыхайся, кулугур! — отвечал медведь.

— Дедушка, я умираю! — кричал волк.

— Умирай, умирай, кулугур! — отвечал медведь. И бежал еще быстрее.

— Бол-бол! — кричал козлик и бежал за ними по пятам.

Тяжело стало медведю. Оглянулся и видит: тащит он мертвого волка. Перегрыз медведь веревку и ушел поскорей.

А козлик подбежал и видит: мертвый волк. Взял волка на плечи и потащил. Скоро он подошел к берестяному чуму. Сбросил волка у входа, а сам вошел в чум. Там было семь волков. Один играл на чадагане, остальные слушали. Увидев козлика, они пропели:

Сегодня есть что поесть!
А что завтра будем есть?

Козлик не растерялся и сказал:

— Дайте-ка я поиграю!

Волки удивились и дали ему чадаган. Козлик запел:

В черном чуме семь зверей.
Восьмой, убитый, — у дверей!
Я для шубы вас нашел.
Ах, как это хорошо!

Волки испугались и тихонько говорят одному:

— Посмотри-ка, что там у дверей.

Волк пошел посмотреть и не вернулся. Послали второго — второй тоже исчез. По очереди волки выходили, и никто не возвращался. Двое последних выскочили вместе, увидели мертвого волка и пустились наутек. Козлик — за ними.

— Я вас всех забодаю, кулугуры, я из вас шубу себе сошью! Бол-бол! — кричал он.

Волки побежали по льду. Козлик заскользил, остановился и закричал им вслед:

— Эх, если бы не скользкий лед, расправился бы я с этими кулугурами! Всех бы на рога надел!

26. ЛЕНИВАЯ СОВА

Жила у реки ленивая сова. Однажды теплым тихим утром сидела она на иве и сладко дремала.

Из огромного зеленого леса вылетел пестрый дятел, сел недалеко от совы на лиственницу и начал стучать по стволу своим длинным носом: тук-тук, тук-тук!

Сова вздрогнула, проснулась, огляделась и увидела, что пестрый дятел устроился рядом с ней и стучит по дереву. Сова рассердилась, захлопала крыльями и закричала:

— Эй, дятел! Зачем ты сюда прилетел? Что ты тут делаешь?

— Как что? — удивился дятел. — Я тут ем! Тут много еды. Тут-тут.

— Убирайся в другое место и там ешь! Ведь ты мешаешь моему величавому спокойствию, моему блаженству, моему сладкому сну! Сейчас же убирайся! — крикнула сова.

— Эх ты, засоня! — сказал дятел. — Ты — сонный мешок!

Он с удивлением посмотрел на сову маленькими, как зернышки проса, глазками и улетел в зеленый лес.

Сова снова заснула. Но вот прилетела кукушка, села где-то рядом и начала куковать.

— Перестань куковать, кукушка! Какой шум! Ты меня разбудила!

— Ха-ха, ха-ха, ха-ха! — засмеялась кукушка. — Разве можно спать в такое веселое утро? Вода в ручейках звенит, листья на деревьях шелестят, трава блестит под лучами золотого солнца! Разве ты не видишь, что для всех зверей и птиц настало лучшее время? Я славлю этот день своей песней! Я не уйду отсюда!

Что делать сове? Пришлось улететь самой. Она села на серый тальник, который свесился над водой. И сразу же задремала. Но скоро опять проснулась от какого-то шума. Злыми зелеными глазами всмотрелась она и увидела, что прямо рядом с ней крохотный ремез, птичка-мастерница, вьет свое круглое мягкое гнездышко. Птичка сновала туда-сюда над тальником, ловила тополиный пух и неутомимо строила свой домик. Посмотрела сова, как без отдыха трудится маленькая иташка, и стало ей стыдно своей лени.

Решила она улететь подальше, чтоб никого не видеть. Опустилась на голой скале с острыми камнями и думает: «Вот

это — хорошее место. Никто сюда не придет, спать не помещает». Но в трещинах скал гнездились ласточки, и их щебет опять разбудил сову.

«Нет, это плохое место,— подумала она.— Полечу в степь».

Но в степи ей мешали спать жаворонки и кузнечики. Всюду, куда бы она ни прилетала, кипела жизнь, работа.

И сова подумала: «Чем я хуже ремеза, этой крохотной птички-мастерицы? Я тоже совью себе гнездо!» Но она очень устала от перелетов и тут же решила: «Совью завтра, а сейчас посплю...»

На другой день сова опять отложила постройку гнезда на завтра. Так было каждый день. Наступили морозы. Выпал снег. Уже не было вокруг ни сухой травы, ни тополиного пуха, ни мягкой глины, чтобы сделать гнездо.

Так ленивая, сонливая сова до сих пор все откладывает работу на завтра, до сих пор у нее нет гнезда, и летает она то туда, то сюда и промерзает в холодные ночи до самых костей.

27. ГОЛОДНЫЙ ВОЛК И ЖИРНЫЙ КОЗЛИК

Это было тогда, когда рога козла упирались в небо, а хвост верблюда тащился по земле.

Шел по дороге голодный хромой волк. Голод его был виден во впалых глазах. Немоощь его была видна в подгибающихся ногах.

Тридцать дней месяца он лизал лужи и глодал сухие кости на покинутых стойбищах. По почам он выл, а днем грелся на солнце и все думал о теплой крови, о свежем мясе.

И вот он пришел к желтой отвесной скале и увидел, что возле нее пасется жирный козлик. «О-о, наконец-то,— радостно подумал волк,— наконец-то я наемся!» Он осторожно крался между кустами и облизывался. Но шустрый жирный козлик почуял врага и легко вскарабкался на скалу. Встал на вершине и стал гордо поглядывать вниз.

Потухла радость в глазах волка. Темно стало в его животе. И крикнул волк:

— Эй, козлик! Лучше сам отрежь мне кусок мяса от своей

ноги! Не то буду ждать тебя здесь день и ночь и уж тогда съем без остатка, съем так, что мокрого места — змее лизнуть — не останется, съем так, что капли крови — суслику попробовать — не достанется!

Козлик подумал и сказал:

— Я согласен отрезать тебе кусок своего мяса, но у меня нет острого железа. Чем я отрежу? Сбегай к Донгулу, попроси нож.

Волк подумал: «Чем стоять и ждать, лучше сбежать за ножом». И побежал к Донгулу.

— Донгул, дай мне нож, и мне отрежет мяса козлик, который стоит на отвесной скале.

— Нож бери хоть сейчас, — ответил Донгул, — но он совсем тупой. Надо его наточить. Пойди к Чалдыю, попроси брусок.

Волк подумал: «Чем спорить с Донгулом, лучше сходить за бруском». И пошел к Чалдыю.

— Чалдый, дай мне брусок, чтобы наточить нож Донгула, чтобы отрезал мне мяса козлик, который стоит на отвесной скале.

— Брусок бери хоть сейчас, — ответил Чалдый, — но он слишком тяжелый, тебе его не поднять. Сбегай к Чанньку, попроси сани.

Волк подумал: «Я совсем ослаб, еле ноги таскаю, где мне тащить тяжелый брусок!» И заковылял к Чанньку.

— Чаньк, дай мне сани, чтобы отвезти на них брусок Чалдыя, чтобы наточить нож Донгула, чтобы отрезал мне мяса козлик, который стоит на отвесной скале.

— Сани бери хоть сейчас, — ответил Чаньк, — но сами они не пойдут, и тебе их не сvezти. Сходи к Кулдую, попроси коня.

Волк подумал: «Такие огромные сани мне, конечно, не сvezти. Надо коня». И заковылял к Кулдую.

— Кулдуу, дай мне коня — тащить сани Чанька, чтобы отвезти на них брусок Чалдыя, чтобы наточить нож Донгула, чтобы отрезал мне мяса козлик, который стоит на отвесной скале.

— Нет человека, который не знает резвости моего коня, — ответил Кулдуу. — Конь сейчас на пастбище, и без аркана его не поймать. Сходи к Алдаю, попроси аркан.

Волк подумал: «Без аркана такого коня, конечно, не поймать». И шатаясь, ползая к Алдаю.

— Алдай, дай мне аркан, чтобы поймать коня Кулдуй, чтобы он тащил сани Чанька, чтобы отвезти на них брусок

Чалдыя, чтобы наточить нож Донгула, чтобы отрезал мне мяса козлик, который стоит на отвесной скале,— собрав все силы, еле-еле выговорил волк.

— По правде говоря, мне совсем не жалко для тебя аркана, волк,— сказал Алдай.— Но аркан мой лежит в сундуке, а сундук — на замке, а ключ — у охотника. Сходи принеси ключ.

Волк начал думать. И понял, что без ключа не обойтись. Он собрал последние силы и медленно потащился в лес — искать охотника.

Охотник был сильным и ловким. У него было черное ружье. Вдруг он увидел, что к чуму на брюхе ползет волк.

— Что, кулугур, сам идешь ко мне? — сказал охотник.

Волк испугался и повернул обратно. Но охотник снял с плеча черное ружье и выстрелил. Волк упал.

А козлик стоял на неприступной скале, грелся на солнце, щипал траву. Он знал, что человек всегда защитит его от волка.

28. БЕЛЫЙ ЗАЯЦ

Жил когда-то старик Мёге-Сарыг. Не было у него ни детей, ни скота. Ходил по аалам, ел что дадут.

Однажды на слиянии двух дорог он увидел большой кожаный мешок. «О, это моя дорожная добыча-удача!» — радостно подумал он и скорее развязал мешок.

Оттуда выскочил голодный серый волк с оскаленными зубами. И говорит:

— Ага, кулугур! Сейчас я тебя разорву! Всего проглочу, ни капли не оставляю, все съем-вылижу! Наконец мой радостный день настал!

Старик так испугался, что не сумел ответить волку, а только пробормотал:

— Подождите... не торопитесь... съешьте меня вечером.

Волк подумал: «Можно и вечером. Добыча моя никуда не уйдет». И посмотрел на солнце. Старик говорит:

— Я тебя спас, а ты хочешь меня съесть. Это неправильно. Пусть нас рассудят.

Вдвоем они пошли по дороге. Скоро им встретился огромный вол. Старик ему говорит:

— Этот вол сидел в мешке. Я его спас. Так скажи, родной вол, должен ли он меня съесть?

Вол долго думал, а потом сказал:

— Я не могу разрешить ваш спор. Я не могу понять, как это человек спас волка? Но в этом лесу живет белый заяц. Он умный. Он вас рассудит. Идите к нему.

Старик и вол вошли в лес. Но зайца там не видно. Вол уже так хочет есть, что вот-вот проглотит старика. И вдруг вдалеке мелькнул заяц.

— Эгей, заяц! Подожди! Не убегай! Разрешив наш спор! — закричал старик.

Заяц подошел к ним и спросил:

— В чем ваш спор?

— А вот в чем. Шел я дорогой и увидел мешок. Развязал я мешок, а оттуда — волк! Видишь, я его спас, а он теперь хочет меня съесть, — сказал старик.

— Да, хочу! — подтвердил волк.

Заяц сказал:

— Я — настоящий судья. Я должен прийти на то место, где все это было, и посмотреть, как ты спас волка.

Втроем они пришли на развилку дорог.

— Покажи, старик, где лежал мешок? — спросил заяц.

— Мешок лежал вот тут, — показал старик.

— Положи его на это место, — сказал заяц.

Старик положил.

— А ты, волк, покажи, как ты лежал в мешке, — сказал заяц.

Волк залез в мешок.

— Мешок был завязан? — спросил заяц.

— Да, завязан, — ответил старик.

— Как он был завязан? Покажи! — потребовал заяц.

Старик завязал мешок.

— Ну вот и все, — сказал заяц, — я разрешил ваш спор. Ты, старик, иди своей дорогой, а волк пусть лежит в мешке. Прощайте!

И заяц, петляя и путая свои следы, побежал в лес. А старик пошел своей дорогой.

29. КАК ЗАЯЦ СПАС ОВЦУ

Когда-то давно жила серая овца. У нее было двое ягнят. Однажды овца задумала пойти поклониться богдо-бургану. И пошла вместе с ягнятами.

Идет она по степи, а навстречу — волк.

— И тебя и твоих ягнят сейчас съем! — кричит.

— Ах, волк, подожди немного, дай мне помолиться-поклониться богдо-бургану. А когда буду идти обратно, тогда и съешь.

— Ну ладно, так и быть, съем тебя, когда пойдешь обратно, но пойдешь к бургану одна, ягнят оставишь здесь! Если через три дня не вернешься, я их съем! — сказал волк.

Что делать овце? Пришлось оставить ягнят.

Через три дня идет овца назад, идет совсем печальная. Думает, как бы выручить ягнят, да ничего придумать не может. И вдруг навстречу — заяц.

— Что ты, овца, такая грустная, такая печальная? Откуда ты идешь? — спрашивает он.

— Я шла поклоняться богдо-бургану. По дороге встретился волк. Он хотел меня съесть, но оставил у себя моих ягнят и сказал, что, если я через три дня не вернусь, он их съест. Три дня прошло. Вот потому я и печальная.

— А мы с тобой обманем волка, — сказал заяц.

— Как же его обмануть? — спросила овца.

— Пойди и найди какую-нибудь бумагу с надписью, — сказал заяц.

Побежала овца туда, откуда недавно откочевал аал, нашла там пеструю обертку от чая с китайской надписью и радостная вернулась к зайцу.

— Ну вот, — сказал заяц, — эту бумагу я надену на твои рога, и ты скажешь волку, что песенка указ самого богдо-бургана. Скажи ему: «Сначала прочитай указ, а потом ешь меня!»

Овца пришла к волку и закричала:

— Я несу указ самого богдо-бургана! Волк, прочитай его, а потом ешь меня!

Волк взял бумагу, посмотрел на нее со всех сторон, письма не видит, а прочитать не может. И вдруг увидел зайца.

— Эй, заяц, друг, иди сюда, прочитай мне, что тут написано? А потом мы с тобой вместе съедим эту овцу! — крикнул волк.

Заяц взял бумагу, посмотрел на нее, посмотрел на волка... И, заикаясь, прочитал: «Указ. Сделать шубу из шкуры волка. Сделать шапку из шкуры лисы...»

Волк услышал эти слова и пустился наутек.

А заяц начал хохотать.

Так спаслась овца с ягнятами от жадного волка. Они жили очень долго, и овец в наших степях становилось все больше и больше.

30. СЕМЬ БРАТЬЕВ-МЫШЕЙ

Давным-давно жили на земле семь братьев-мышей. У них была своя юрта величиной с ладонь.

Однажды утром проснулись они и увидели, что за ночь снегу навалило — стены скрыло! Сделали братья деревянные лопаты и начали разгребать снег. Целый день трудились, очень проголодались.

И вдруг на том месте, где только что отгребли снег, все увидели кусочек масла. Он лежал прямо перед носом Самого Младшего Брата. Не успели все и рта раскрыть, как он съел это масло.

Самый Старший Брат закричал:

— Что ты наделал?! Все съел сам! Вот я тебя сейчас!

И на глазах у перепуганных братьев-мышей он прыгнул и проглотил Самого Младшего Брата прямо с хвостиком. Тогда пять братьев накинулись на него, связали и поволокли на суд к хану. Долго шли, очень устали, пока добрались до хана. Связанного брата оставили у дверей, а сами вошли в юрту.

Хан величественно восседал на троне. Он с усмешкой посмотрел на взмокших, запыхавшихся мышей.

— Откуда вы пришли? — спросил хан.

— Мы пришли из-за семи рек, из-за семи перевалов, — ответили мыши.

— Это и видно, вон как язычки-то высунули! — заметил хан.

— Нас было семеро, — сказали мыши.

— Ого, как много! — засмеялся хан.

— У нас была своя юрта величиной с вашу ладонь,— сказали мыши.

— Большая юрта! — усмехнулся хан.

— Когда мы разгребали снег, наш Самый Младший Брат нашел кусочек масла и съел. И тогда Самый Старший Брат проглотил его прямо с хвостиком!

— О, какой он страшный! Где же он? — спросил хан.

— Мы его связали и приволокли к вам на суд. Он лежит за дверьми. Он очень большой. Когда мы его нашли, он был совсем маленький, мы взяли его к себе и стали звать наш Самый Младший Брат, но он рос быстрее всех, и скоро мы стали его звать наш Самый Старший Брат. Он стал спать уже не в юрте, а снаружи.

— Втащите его сюда,— приказал хан.

Братья-мыши втащили связанного Самого Старшего Брата.

— Ха-ха-ха! — захохотал хан.— Да ведь это — кот! — И он стал развязывать травинки, которыми были спутаны лапы кота.

— Хан, как вы его накажете? — спросили мыши.

— А вот как: развяжу и отпущу. Он хорошо сделал, что съел мышь! И пусть он всех вас сожрет! — крикнул хан.

Испугались братья-мыши и разбежались кто куда.

А хан самого старшего их брата сделал своим котом.

С тех пор кот не дружит с мышами. Он помнит, как они волокли его связанного через семь рек, через семь перевалов на суд к хану.

А мыши обиделись на хана, что он оправдал кота-преступника, и начали таскать у хана зерно, лепешки, сало, масло.

Вот с тех пор и стали мыши врагами людей, а кошки — врагами мышей.

31. ПОЧЕМУ ПТИЦЫ НЕ ГОВОРЯТ

Это было тогда, когда рога горного козла упирались в небо, а короткий хвост верблюда тащился по земле.

Жил на горе Дарбайты быстрокрылый сильный орел. Однажды сидел он у подножия горы, у глубокой норы и подстерегал сурка. От жаркого солнца орел задремал. И вдруг прос-

нулся от крика. Он увидел, что серый ястреб прямо у него из под носа выхватил сурка и понес на холм. Там ястреб начал его быстро расклевывать. Орел рассердился и, чуть не сбив с ног ястреба, сел рядом с ним.

— Если ты хочешь угоститься — будь вежливым, опускайся осторожно. А у тебя все перья дыбом! Ты, может быть, меня пугаешь? — издеваясь, сказал ястреб.

Орел еще больше рассердился и говорит:

— Я больше тебя, я сильнее тебя. Чего это я буду у тебя угощения просить? Я просто прилетел спросить, где ты подобрал этого дохлого сурка?

— Он не дохлый, ты сам его подстерегал, — сказал ястреб.

— Ты — жалкое существо, ты подбираешь мышей и сусликов, которые попадают в петли! А я ем козулю, зайца! Вот это — настоящее мясо! — крикнул орел.

От досады клюв ястреба зашевелился. Но он промолчал и продолжал клевать.

— Жалкая птица, — кричал орел, — ешь, ешь скорее, пока кровь не остыла, пока мясо не протухло!

— Конечно, буду есть. Ты, наверное, думаешь, что я всего не съем и тебе остатки достанутся? У тебя уже и горло приговилось мясо глотать! — насмешливо сказал ястреб.

— О, что за ядовитая тварь! Ты будешь мне подчиняться! Я должен стать ханом птиц! — вскричал орел.

— Почему ты, а не я? — спросил ястреб.

— Мы будем состязаться. Кто лучше летает, тот и будет ханом.

На шум собрались все птицы. И все решили: кто выше взлетит, тот будет ханом птиц, чтобы разрешать птичьих споры.

— Все под моей властью будете, — гордо сказал ястреб.

— Все под моей властью будете, — важно сказал орел.

— Все под моей властью будете, — спокойно сказал белоголовый гриф.

Пока птицы шумели, пока кричали: «Я, я!», маленькая летучая мышь залезла под крыло белоголового грифа и спряталась там. Гриф крикнул:

— Начинаем состязания!

Все взлетели. Сначала ястреб летел так, что ни у кого не было надежды его обогнать. Но птицы поднялись выше и попали на встречный ветер. Ястреб оказался ниже орла, а орел — ниже белоголового грифа. Ветер трижды перевернул ястреба,

он больше не мог подниматься, а гриф летел все выше и выше. И он закричал:

— Я победил! Никто не может подняться выше меня! Я буду ханом!

Орел и ястреб согласились, они видели, что у них нет сил тягаться с грифом.

— Будем снижаться,— сказал белоголовый гриф.

И в это время все услышали голос сверху:

— Ты что, гриф, думаешь, что выше тебя никто не летает? Я летаю выше тебя! Я буду ханом!

Это кричала летучая мышь. Все спустились. Ястреб сказал птицам, которые сидели на земле:

— Я летел выше всех, если не считать орла, грифа и летучей мыши.

Орел сказал:

— Если кто и будет властвовать, то только тот, кто летел выше всех. А если он властвовать не захочет — пусть все будет по-прежнему.

— Зря вы спорите,— сказал гриф,— ханом буду я.

— Ах вот как! — сказала летучая мышь,— значит, высота полета — не главное, а главное — кто больше и сильнее? Если бы я знала об этом, я бы не прилетела на состязания! Но я выполнила условие, я летела выше всех!

И тогда маленькие птицы закричали-запищали:

— Пусть ханом будет летучая мышь, она победила в состязаниях!

Но серая кукушка сказала:

— Я не подчинюсь летучей мыши, я ее не люблю! Ночью она летает, спать не дает. Вот был бы у нее голос, как у меня... Лучше я буду вместо нее ханом!

И тогда все птицы, которые были больше летучей мыши, захлопали крыльями и закричали:

— И я, и я ей не подчинюсь! Лучше я, лучше я буду ханом!

Поднялся такой шум, такой гвалт, что можно было оглохнуть. Черный ворон-волшебник, который сидел на вершине дерева, послушал этот крик и сказал:

— Нет, вам никогда не договориться, никого вы слушаться не хотите. Вы умеете только шуметь. С этого дня вы будете только свистеть, пищать, чирикать, щелкать, крикать, курлыкать, клекотать, а говорить больше не будете.

С тех пор птицы не говорят.

32. КТО ВИНОВНЕЕ!

В начале ранних времен, когда только возникли леса и травы, жил старик Ак-Кандызы, хан зверей.

Однажды утром пошел он к реке — поить воды, поест травы. Деревья и травы, увидев его, зашумели и заговорили:

— Среди твоих слуг, хан зверей, появился такой зверь, который приносит нам, лесам, большой вред. Если ты, хан зверей, не отыщешь его, мы не будем держать тебя в лесу и кормить вкусными сочными травами. Ты не увидишь ничего, кроме серого песка.

Сказали они так и занесли песню ветра. И увидел старик, как начали вдруг исчезать травы и на их месте открывался серый унылый песок. Хан зверей, никогда не печалившийся, опечалился. И кликнул летучую мышь.

— Ты — ночной зверь, — сказал он. — Ночью все звери будут в своих логовах, ты их легко разыщешь. Скажи им всем: завтра, как только займется заря, как только заблестят спины голых камней, пусть все прибегут ко мне.

Летучая мышь летала весь день и всю ночь и оповестила всех-всех зверей. Наутро к хану пришли все его подданные, от белоголовой медведицы до белоголовой мыши. Хан сказал:

— Все звери, которые умеют рыть землю, должны к полудню выкопать яму-пропасть, которая едва не достигнет нижнего мира.

К полудню звери выкопали яму-пропасть, и все собрались вокруг отца-хана. Они бушевали, как море. И хан сказал им свое слово:

— Среди вас, зверей, я должен найти того, кто провинился в ханстве лесов. Если мы не найдем виновного, нам грозит беда. Исчезнут деревья и травы. Не будет здесь леса, который стал нашей матерью. Кругом будет только голая пустыня. В наше ханство придут голод и смерть. Не будет ни предков, ни потомков. Не будет даже вороны, чтобы каркнуть, даже сойки, чтобы вскрикнуть. Завтра утром, когда чуть заблестят спины голых камней, начнем прыгать через яму-пропасть. Кто прав, тот перепрыгнет, а кто виноват, тот упадет вниз.

Звери стали расходиться. Каждый шел и думал: «Кто же виновен? Кто упадет? Неужели я?»

Больше всех опечалился волк. Он шел и говорил:

— Наконец, неумиравший, я умру, негаснувший мой огонь погаснет. Кто виновен больше, чем я? Всех зверей я пожирал. Мне не миновать пропасти. Тот, кто хотел мне отомстить,— вот обрадуется! Когда я в бездну упаду — вот посмеется!

Всю ночь волк не спал — плакал, выл, ждал смерти.

С тех пор волки стали выть по ночам.

А серый заяц, который сидел в кустах и слышал, что говорил волк, отбежал подальше и давай хохотать. Он прямо покатывался со смеху.

— Конечно,— кричал он волку,— ты упадешь в яму-пропасть! Кому и падать, как не тебе! Вот был бы ты, кулугур, честным и безвинным, как я, тогда другое дело!

Заяц хохотал до самого утра, хохотал, пока верхняя губа у него не лопнула.

А утром собрались все звери перед пропастью. Хан-отец говорит:

— Нам много, времени мало. Начнем с волка. Прыгай!

Волк отошел для разбега далеко-далеко. Так побежал, что язык высунул. И перемахнул пропасть.

— Теперь очередь зайца! — сказал хан.

Заяц для разбега ускакал еще дальше. Разбежался и... прыгнул прямо в пропасть. Увидев это, все звери начали признаваться, в чем они виновны. И все перепрыгнули яму-пропасть.

Молодая лиственица, слуга лесного хана, сказала:

— Волк, хоть и виновен был, но признал свою вину. Поэтому он и перепрыгнул яму. А заяц, который ободрал в лесу все молодые деревья, так что они высохли, не признался. Поэтому он и упал.

А заяц смотрел вверх и кричал:

— Умираю! Спасите! Вину свою признаю!

Хан зверей сжалился и вытащил его из ямы за уши.

— Пусть заяц остается жить,— добавила молодая лиственица,— но пусть он будет самым трусливым среди зверей.

И заяц побежал в тайгу. Бежит и косит глаза: не гонится ли кто за ним.

С тех пор стал заяц длинноухим, косоглазым и верхняя губа у него осталась раздвоенной.

33. КОТ-НАСТАВНИК

Жил когда-то лама. В его монастыре завелись мыши. Они не только принасы ели, но стали даже подтачивать столбы монастыря. Тогда он пригласил к себе кота.

Когда кот пришел, лама созвал всех мышей на хурал и сказал:

— Этот кот будет вашим учителем, наставником. Каждый вечер он будет читать вам судур. Вы все должны ему подчиняться.

Мыши испугались и согласились.

И вот каждый вечер стали они собираться у кота и слушать судур. Когда они расходились, кот ловил последнюю мышку и съедал. С каждым днем мышей становилось все меньше и меньше. Они заметили это. Одна говорит:

— Что это такое? Как начал кот нас учить, нас все меньше и меньше! Куда деваются мыши?

— Может быть, кот мышей поедает? — спросила другая.

— Не может быть, ведь он — наш учитель! — возразила третья.

— Давайте проверим, — сказала четвертая мышка. — Надо украсть у ламы бубенчик и привязать его к хвосту кота.

На другой вечер мыши пришли к коту с бубенчиком. И незаметно привязали его к хвосту своего учителя. После чтения молитв мыши пошли домой. Но за дверьми они не разбежались, а остановились и стали слушать. Сразу же раздался звон бубенчика. Мыши вернулись и увидели, что их сестру, которая выходила последней, кот держал в лапах. Не успели мыши и ахнуть, как кот ее сожрал.

— Вот видите, — сказала старшая мышка. — Это не учитель, это — мангыс. Надо отсюда бежать!

И мыши разбежались в разные стороны.

С тех пор они остерегаются кошек.

34. ПОЧЕМУ ЛИСА СТАЛА КРАСНОЙ

Когда-то лиса была черной.

Однажды она вздумала состязаться с пингвином: кто из них резвее. Она подошла к реке и закричала:

— Гадкий налим, ты здесь?

— Я здесь,— ответил налим.

— Завтра утром будем состязаться в беге вверх по течению!

— Согласен,— сказал налим.

Он ушел в воду, собрал всех налимов этой реки и сказал:

— Лиса вызвала меня на состязания. Сейчас я вас расставляю вдоль берега. Когда подбежит лиса и спросит: «Гадкий налим, ты здесь?» — высовывайте голову из воды и отвечайте: «Здесь!» Так мы проучим заносчивую лису.

Назавтра, чуть взошло солнце, прибежала лиса к реке и кричит:

— Гадкий налим, ты здесь?

— Я здесь,— ответил налим.

— Ну давай побежали!

— Побежали,— сказал налим.

Лиса пустилась вдоль берега, вверх по реке, а налим нырнул в воду. Во всю прыть бежала лиса, устала, остановилась и кричит:

— Гадкий налим, ты здесь?

Далеко впереди высунулась из воды голова налима и ответила:

— Здесь!

Лиса пустилась еще быстрее, совсем из сил выбилась, язык высунула. А когда прибежала в условленное место, там ее поджидал налим.

— Эх ты,— сказал он с усмешкой.— Я давно тебя жду. Не можешь обогнать гадкого налима! Как же тогда тебя назвать, лиса? И названия такого нету!

От этих слов заносчивая лиса покраснела вся от головы до ног. И осталась навсегда красной.

35. ВЕРБЛЮД

Раньше у верблюда были ветвистые рога и длинный густой хвост. И был он самым красивым среди животных.

Однажды, когда верблюд пил воду из реки, подбежал к нему марал и говорит:

— Дай мне свои рога, брат. Я иду на праздник, хочу нарядиться. Завтра на этом же месте отдам их тебе. Поверь, брат.

Верблюд поверил и отдал рога. Только он снова начал пить, подбегает конь. Тяжело дышит, но приветливо ржет. И говорит:

— Дай мне свой густой длинный хвост, брат. Я иду на скачки, хочу нарядиться. Завтра перну тебе твой хвост. Поверь, брат.

Верблюд отдал хвост.

Много дней ждал он марала и коня. Все стоял у реки и смотрел вдаль. Пил все реже и реже. Смотрел и смотрел, боялся пропустить коня и марала.

Но ни конь, ни марал не пришли.

И с тех пор стал верблюд смотреть вдаль ожидающим взглядом. И стал редко пить воду.

А марал убежал в тайгу, в степи больше не показывался. С тех пор он ходит с красивыми ветвистыми рогами. Но рога у него не свои, поэтому они каждый год опадают.

Конь с тех пор бежит с длинным густым хвостом. А с верблюдом встречаться не любит. Избегает его, сторонится.

ПРИМЕЧАНИЯ¹

СЛОВАРЬ

- Аал — селение; группа юрт, кочующих вместе.
Акый — брат; обращение к старшим мужчинам.
Албыс — ведьма, нечистая сила, злой дух в женском облике.
Арака — водка, перегнанная из кислого молока.
Аржани — целебная вода; живая вода (фольк.).
Башкы — учитель. Так обращались к ламе.
Божя-хойтпак и бора-быды — самая дешевая, самая бедная еда.
Божя — остатки, отходы кислого молока после перегонки аракы. Хойтпак — кислое, снятое молоко. Быды — крупа, крупяной суп. Бора — серый. Бора-быды — серый крупяной суп.
Бурган, богдо-бурган — бог; изображение бога.
Домбу — высокий кувшин в виде усеченного конуса. В домбу подают гостям чай и напитки.
Дужумет — хакский чиновник.
Игил — смычковый музыкальный инструмент с двумя струнами из конского волоса.
Идки — кожаные сапоги на толстой подошве с загнутыми носками.
Иптек — смесь из кислого и горячего молока (идет в пищу и для приготовления сыра).
Кадик — кусок шелка, платок, подносимый при приветствии.
Кожэз — каменное изваяние.
Когержик — плоская кожаная фляга для аракы.
Кулугур — бранное слово, приблизительно: негодяй, лихач, проклятый.
Милгыс — человекоподобное многоголовое чудовище.
Мерген — мастер, умелец; мудрец; меткий стрелок.
Олбук — тюфяк; коврик для сидения.
Содак — специальная одежда борцов в национальной борьбе — короткие кожаные трусы и короткая не сходящаяся на груди куртка.
Судур — сутра, ламаистская священная книга.
Тайга — горный хребет.
Хевенек — войлочная куртка (фольк.).

¹ Примечания к сказкам построены по следующему принципу: в начале помещен словарь часто повторяющихся в тексте непереведенных тувинских слов; затем следуют библиографические справки к каждой сказке и примечания к тексту (в сказках ссылки на такого рода примечания помечены звездочкой).

Хомус — музыкальный инструмент.

Хурал — собрание, совет.

Хуре — ламанетский монастырь.

Чадгага — музыкальный инструмент в виде длинного ящика с 4—8 струнами из жил или конского волоса. Подобен гусли.

Шившикии — хакаская прижиналка-доносница (фолькл.).

Ширэ — низкий столик.

Шулбу, шулбус — ведьма, черт, нечистая сила, чудовище.

Эрликии — существа нижнего мира.

БОГАТЫРСКИЕ СКАЗКИ

1. Богатырь Тевене-Мёге и конь его Демир-Шилги

Опубликована в ТТ IV, «Демир-Шилги айттыг Тевене меге» («Тевене-Мёге с конем Демир-Шилги»). Рассказал Чагчи-Хоо (Бай-Тайгинский р-н). Записал учитель Мугур-Асынской семилетней школы Саая Манмырович Самия.

К стр. 13 *Арзылан-Тайга. Арзылан* — лев. *Тайга* — гора, горный хребет, покрытый лесом. Различают северный, лесистый склон тайги и южный, голый склон (Русский язык воспринял это тюркское слово в одном его значении — лес).

Тевене-Мёге. Мёге — силач (сопоставная часть имен большинства богатырей и героев). *Тевене* — большая сила. Можно перевести это имя как Силач Большая Игла.

Демир-Шилги. Демир — железо, железный. *Шилги* — красно-ваго-рыжий.

Качига-Калдар. Качига — возможно, от *кач* — убежать (Радлов, т. II, стлб. 332)¹. Этот пес убегает от врага и тем спасает душу хозяина. *Калдар* — мухортый, темный с подпалинами.

Ни тридцать богатырей из верхнего мира, ни шестьдесят силачей из нижнего мира... По космогонии древних тувинцев, вселенная делится на три мира: верхний мир, состоящий из тридцати трех небес, светлый мир — земля и нижний мир — загробный, подземный. И верхний и нижний миры заселены богами и чудовищами. Владыка верхнего мира — Курбусту-хан, владыка нижнего мира — Эрлик-Ловуи-хан.

К стр. 15 *Терге-Кара. Терге* — ладья (шахматная фигура). *Кара* — черный. — Черная ладья.

К стр. 20 *Шулбу-Сирге* — Желтая ведьма.

К стр. 21 *Суй-белек* — дорогой свадебный подарок. В тувинском фольклоре это обычно кусок золота с голову коня и кусок серебра с голову волка.

К стр. 22 *Танды* — название горного хребта.

К стр. 23 *Кудун-Хулюк. Кудун* — 1) быть осторожным, 2) охотиться (Радлов, т. II, стлб. 1488). *Хулюк* в тув. — удалой, в др.-тюрк. — мудрый. В. В. Радлов и С. Е. Малов трактовали это слово как «именный» (Н. А. Батмаинов, Современная и древняя сип-

¹ Ссылки на словарь Радлова даются в том случае, когда слова нет в тувинских словарях.

скака, Фрунзе, 1962). Кулюг в значении «герой» встречается как вторая часть собственных имен (Радлов, т. II, стлб. 1471—1472).

- Хулур-Хурен. Хулур* — бронзовый. *Хурен* — бурый.
- К стр. 24 *Дачи-Кара* — Черный Камень.
- К стр. 25 *Хурен-Ала-Тайга* — Бурая, пегая тайга.
- К стр. 26 *Танец орла* — ритуальный танец, предшествующий хурешу (национальной борьбе). Победитель исполняет этот танец и после борьбы, имитируя полет орла.
- К стр. 27 *Кан-Хурен* — Стальной, бурый.
- К стр. 29 *Сайин-оол-Мёге*. Сайин — от монг. *сайн* — хороший, добрый. *Оол* — парень.
- К стр. 30 *Кошкар-Баитыг-хан. Кошкар* — баран. *Баш* — голова. — Хан с бараньей головой.
Хорумнуг-Ала-Тайга. Хорум — груда камней. Пегая тайга с каменными россыпями.
Узун-Назын. Узун — длинный. *Назын* — возраст. — Долго-вечная.
- К стр. 31 *Хан-Шилги. Хан* — кровь. *Шилги* — красновато-рыжий.
Демир-Мёге — Железный силач.
- К стр. 38 *Авида-Мёге. Авида* — возможно, от *авы* — яд (Радлов, т. I, стлб. 639).
Ак-Бора — Светло-серый.
Когедек-Мерген. Когедек — возможно, от *ког* — угнать; пре-следовать (Радлов, т. II, стлб. 515). *Мерген* — см. словарь.
Кёк-Бора — Сивый.
Кёк-Тайга — Сияя Тайга.
- К стр. 40 *Далай-хан* — хан моря.
Кучуту-Мерген. Кучуту — сильный; мощный.
- К стр. 41 *Алдын-Далай* — Золотое море.
Ус-хан. Ус — вода (монг.). — Водяной хан.
Алдын-Эргине. Алдын — золото. *Эргине* — от монг. *эрдэнэ* — драгоценный камень, сокровище, драгоценность.

2. Бесстрашный Хан-Хулюк

Опубликована в ТТ V, «Хан-Хулюк», и в ТТ VI, «Хан-Шилги аьтгыг Хан-Хулюк» («Хан-Хулюк с конем Хан-Шилги»). Перевод сделан по первой версии и откорректирован по второй. Первую версию рассказала Салчак Бичен (Бай-Тайгинский р-н, колхоз «Муриакин»). Записал студент Кызыльского пединститута Б. Кыргыз. Вторую версию, вспоминая, записал Х. С. Очур-оол (Барун-Хемчинский р-н, совхоз «Тээлин»). Мотив АаАн 315А.

- К стр. 42 *Хан-Хулюк. Хан* — кровь. Это слово в имени не говорит о ханском титуле. «Хан» в тувинском обозначается словом *хаан*. *Хулюк* — см. прим. к «Тевене-Мёге».
Чангыс-Хая — Одинокая скала; *Чавыс-Хая* — Низкая скала.
Улуг-Билек, Биче-Билек. Улуг — большой. *Биче* — маленький.
Билек — запястье. *Хан-Шилги* — см. прим. к «Тевене-Мёге».
Алдын-Ала — Пестро-золотой.
Начин-Бора. Начин — сильный; сокол. *Бора* — серый.

- Сай-Куу. Сай* — молодой. *Куу* — лебедь.
Алдын-Оюу. Алдын — золото. *Оюу* — бирюза (монг.).
- К стр. 43 *Болчайтылыг-Бора. Болмайтылыг* — от *болчаг* — свидание. Холм Болчайтылыг-Бора — истинное место встреч в тувинском фольклоре.
Ак-Сарыг — Светло-соловый
Алдай-Мерген. Алдый — возможно, от *алдау* — обман (Радлов, т. 1, стлб. 413). Возможно, от монг. *алдаа* — промах; утрата; проигрыш.
- К стр. 44 *Оюур, Каргы* — географические названия.
 ...распевал горловую песню. Горловое (или гортанное) пение — особое двухголосное пение тюркских народов: тувинцев, хакасов, горно-алтайцев, башкир. Исполнитель извлекает два звука одновременно. На фоне низкого опорного звука звучит высокий, образующий мелодию. Существует четыре стиля горлового пения. Вот как описывает А. Аксенов стиль *каргыра*. «Опорный остинатный звук, сходный по тембру с низким регистром валторны, извлекается певцом при полукрытом положении рта... Обертоны, образующие мелодию, звучат чисто, слышатся ясно и отчетливо и по светлому и сияющему тембру напоминают звучание свирели» (А. Н. Аксенов, Тувинская народная музыка, М., 1964).
- К стр. 45 *Алдын-Хува. Алдын* — золотая. *Хува* — от монг. *гувай* — красавица.
- К стр. 51 *Хиндиктиг* — букв.: с рупонной. Так называют озеро с островом в середине. Озеро Хиндиктиг есть в Западной Туве, в Бай-Тайге.
- К стр. 53 ...плывут вверх по морю... — Не видевшие моря сказители придали ему привычную, знакомую форму реки. Моря, встречающиеся в сказках тюркских народов, обычно имеют исток и устье, верх и низ.
- К стр. 54 *Кара-Хем* — Черная речка.
 ...трижды перешагнула через тело Хан-Хулюка. — Красавица перешагивает через тело богатыря и эгим оживляет его — этот мотив существует во многих героических эпосах. См., например, «Джангар», калмыцкий героический эпос.

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

3. Шесть братьев

Опубликована в ТТ III, «Алды алышкы» («Шесть братьев»). Рассказал Салчак Чанзаян (Бай-Тайгинский р-н). Записал К. Тоюн. Мотив АаАн 519.

- К стр. 59 *Хеймер-оол* — Младший брат.
 К стр. 60 *Арзайты* — Зубчатый хребет.
 К стр. 64 *Ак-Куу* — Белый лебедь.
Сарыг-Куу — Желтый лебедь.
 К стр. 65 *Сылдыс-хан* — хан Звезда, звездный хан.
Чинге-Хем — Узкая речка.

К стр. 70 *Хеймер-кодан*. *Кодан* — территория, где находится аал.
Калчан-Кыскыл. *Калчан* — лысый. *Кыскыл* — рыжий.

4. Уран-Дойду, одаренный попугай

Опубликована в ТТ, «Уран-Дойду». Рассказал Аажакай (Дзун-Хемчикский р-н). Записал М. Идам-Сюрюн.

Обрамление сказки (о попугае) воспринято из индийского фольклора через монгольский.

В первой сказке попугай мотив АаАн 910В, во второй — мотив АаАн 664.

К стр. 71 *Сарын-хан*. *Сарын* — уныние, тоска; унылая песня.

К стр. 72 *Уран-Дойду*. *Уран* — искусный. *Дойду* — попугай.

К стр. 75 *Шялан* — так вот; ну так вот — этим словом обычно начинают сказку или ободряют сказителя.

Улуг-Кара-Хем — Большая Черная река.

К стр. 77 *Успа-море*. Возможно, имеется в виду огромное озеро Убсу-нур на границе Тувы и Монголии.

5. Приключения Карыса, обученного китайскому полшебству

Опубликована в ТТ V, «Карыс». Рассказал Ооржак Чанчи-хоо (Бай-Тайгинский р-н). Записал Д. С. Куулар. Мотив АаАн 449А.

К стр. 82 *Илбичи-Кара*. *Илбичи* — волшебник, фокусник.

К стр. 85 *Хартыги* — Ястреб.

Ак-Сагыш — Добродушный.

6. Учитель Ак-Тун

Опубликована в ТТ V, «Аганак оглу Ак-Тун» («Ак-Тун, сын Аганака»). Рассказал Куулар Дамба (Дзун-Хемчикский р-н). Записали Р. Ырбап-оол и Ч. Чульдум. Мотив АаАн 518.

К стр. 91 *Аганак* — Белая куропатка.

Ак-Тун. *Тун* — от монг. *дунг* — большая раковина.

Кара-Далай — Черное море.

К стр. 93 *...Поставил мат нешкой*. — Так говорит, когда хотят сказать, что победил с легкостью, виртуозно.

7. Хеймер-оол и волк величиной с быка

Опубликована в ТТ IV, «Картыган-хан» («Картыган-хан»). Рассказал Баян Узунович Балбыр (Тоджинский р-н). АаАн 550.

К стр. 96 *Картыган-хан* — Ястреб-хан.

К стр. 97 *Алдын-хан* — Золотой хан.

Ай-хан — Луна-хан.

К стр. 98 *Хюн-хан* — Солнце-хан.

8. Старик и вороной хан

Опубликована в ТТ III, «Курту-Дузактар» («Ловиный тетерева»). Записал К. Бадан-оол. АаАн 563—563.

К стр. 100 *Курту-Дузактар* — Ловиный тетерева.
Кускун-хан — Вороной хан.

9. Старик Бумбаадай

Опубликована в УТ, «Мун кара хойлуг Бумбаадай ирей» («Старик Бумбаадай с тысячу черных овец»). Рассказал Д. Давал (Тес-Хемский р-н). Записал Д. С. Куулар. Подстрочный перевод В. Монгуша.

10. Балдыр-Бээжек

Опубликована в ТТ V, «Балдыр-Бээжек». Рассказал Куулар Дамба (Дзуи-Хемчикский р-н). Записали Р. Ырбан-оол и Ч. Чульдум.

К стр. 106 *Балдыр-Бээжек* — фольк. малыш. (соотв. мальчик-е-пальчик).
Алдын-Бижээчи, *Монгун-Бижээчи* — Золотой писарь, Серебряный писарь.

К стр. 107 *Ак-Мергендей*, *Мергендей* — см. *мерген*.

К стр. 109 *Кан-Мёге* — Стальной Силач.

К стр. 110 *Калчаа-Кара-Далай* — Кипящее черное море.
Хан-Херети, *Херети* — от санскр. *гаруда* — огромная фантастическая птица. Образ проник в тувинский фольклор из индийского через монгольский.

11. Дээр-Мёге и шестиголовый мангыс Калчаа-Мерген

Опубликована в ТТ VI, «Алды баштыг Калчаа-Мерген болгаш Дээр-Мёге» («Дээр-Мёге и шестиголовый Калчаа-Мерген»). Вспомниная, записал К. Экер-оол (Дзуи-Хемчикский р-н). Мотив АаАн * 313 I.

К стр. 112 *Кызыл-Хем* — Красная река.

К стр. 114 *Калчаа-Мерген* — Бешеный Мерген.

Дээр-Мёге — Небесный Силач.

Чер-Алды-хан. *Чер* — земля. *Алды* — илз. — Подземный хан.

12. Оскуе-оол и Караты-хан

Опубликована в ТТ, «Оскуе-оол» и в ТНС 2, «Оскуе-оол». Рассказал Чалбай-оол (Барун-Хемчикский р-н). Записал М. Люндуп.

К стр. 117 *Оскуе-оол*, *Оскуе* — сирота. *Оол* — мальчик, царень.

Тактагалдай — непереводимое слово-заклинание, «волшебное» слово. Должно обозначать: «приклейся», «прилипни», «пристань».

Бодара — слово-заклинание, «волшебное» слово, обозначающее «отлипин», «отеталь».

13. Осюс-оол и красавица, излучающая свет солнца и луны

Опубликована в ТТ, «Тос шилги аъттыг Оскус-оол» («Осүс-оол с девятью рыжими конями»), и в ТНС, «Осүс-оол и его девять рыжих коней». Рассказал Хая из Чадана (Дзун-Хемчикский р-н). Записал М. Ляндуп.

Две сокращенные версии этой сказки опубликованы в книге Н. Ф. Катанова «Опыт исследования урянхайского языка», Казань, 1903. Мотив АаАн 465А.

К стр. 128 *Снизу вверх и сверху вниз спросил всех рыб.* — Море в тувинском фольклоре, как и река, имеет верх и низ. См. прим. к сказке «Хан-Хулук».

14. Осүс-оол и дочь Курбушту-хана

Опубликована в ТТ V, «Осүс-оол», и в ТНС 3, «Осүс-оол». Вспомнившая, записал Саая Балымдай (Бай-Тайгинский р-н). Мотив АаАн ЧООА.

К стр. 138 *Монгун-Тайга — Серебряная Тайга, Алдын-Тайга — Золотая тайга.*

К стр. 139 *Демир-Кара-богатыри — Железные Черные богатыри.
Буга-Кара-кони — кони Черные Быки.*

15. Осүс-оол, который слышал разговор двух воронов

Опубликована в ТТ V, «Кускун чугазы диннаар Осүс-оол» («Осүс-оол, слышавший разговор воронов»), и в ТНС 3, «Осүс-оол и черные вороны». Рассказала Саллак Билеп (Бай-Тайгинский р-н). Записала студентка Кызыльского пединститута В. Комбу-Сюрюн.

16. Осүс-оол, который пел песни тайги

Опубликована в ТТ IV, «Ак-сара аъттыг Осүс-оол» («Осүс-оол со светло-соловым конем»). Вспомнившая, записал Агылдыр Маскырович Монгуш (Дзун-Хемчикский р-н).

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

17. Рыбак Осүс-оол

Опубликована в ТТ II, «Балыкчи Багай-оол» («Рыбак Багай-оол»), и в ТНС, «Бедный рыбак Багай-оол».

Эту же сказку рассказывал нам в 1965 г. в Бай-Сютском доме престарелых и инвалидов восьмидесятидвухлетний Монгуш Дондокович Белек из Чадана (Дзун-Хемчикский р-н). Героя в этой версии звали не Багай-оол, а Оскюс-оол. Это позволило условно отнести сказку к циклу об Оскюс-ооле. Записал и сделал подстрочный перевод О. С. Мандара.

18. Оскюс-оол, который постиг три пауки

Опубликована в ТТ II, «Уш эртеминг оол» («Парень с тремя науками»), и в ТНС, «Парень с тремя знаниями». Рассказал Чооду Симчитмаа (Тес-Хемский р-н). Записал М. Люндуп.

19. Старик Ак-Сал и джумет

Рассказал М. Белек (см. прим. к сказке «Рыбак Оскюс-оол»). Записал и сделал подстрочный перевод О. С. Мандара.

Одна из версий опубликована в ТНС 2.

К стр. 155 Ак-Сал — Белая Борода.

20. Искусница Шевер-Чечен

Опубликована в ТТ IV, «Ээр-Сарыг аъттыг Экер-оол» («Экер-оол с Ээр-Сарыг-конем»). Вспоминая, записал Агылдыр Маскырович Монгуш (Дзун-Хемчикский р-н).

К стр. 157 *Шевер-Чечен. Шевер* — искусный, умелый, мастерской, образцовый.

Чечен — изящный.

Шуужен-хан. Шуужен — рыхлый.

К стр. 158 *Херээжок* — букв. «пенужная». Так называли женщину в старой Туве.

Марьин корень употреблялся в пищу.

К стр. 160 *Экер-оол. Экер* — добрый, удалой, молодецкий.

К стр. 161 *Ээр-Сарыг* — Высокий Соловый.

Демир-Ала-марал — Железный Пегий марал.

21. Три брата

Опубликована в ТТ II, «Уш алышкы» («Три брата»). Подстрочный перевод В. Монгуша. АаАи 925.

22. Коолу-Сандак

Опубликована в ТТ III, «Коолу Сандак», записал М. Дербет-оол.

К стр. 170 *Если он скажет, что это — шапка черта...* Перекати-поле пелувински — *азабёрго*, букв. «шапка черта».

23. Орлан-оол и Чечен-кыс

Опубликована в ТНС 3, «Орлан-оол и Чечен-кыс». Вспоминая, записал Ооржак Амзырасич Маншай (Дзун-Хемчикский р-н). Рукописный фонд ТННННЛНН.

К стр. 171 *Орлан-оол* — Удалой парень.
Чечен-кыс — Нзящая девушка.

24. Находчивый Орлан

Опубликована в ТТ III, «Хайдып Угер-даа дугайында тоолчаан чугаа» («Предание об Угер-даа Хайдыпе»).

К стр. 175 *Нойон* — князь, правитель хошуна (района).
К стр. 176 *Надел шанку с шариком*. Шанки с шариками носили только чиновники. Шарики являлись знаками различия.

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

25. Храбрый козлик

Опубликована в ТТ II, «Хуаажик» («Козлик»), и в ТНС, «Храбрый козленок». Рассказал Тенек-Кежеге (Дзун-Хемчикский р-н). Записал Л. Чадамба. АаАн 103, 125, 126.

26. Лепивая сова

Опубликована в ТТ IV, «Илексокпа» («Сова»), и в ТНС 2, «Лепивая сова». Вспоминая, записал Х. Сереп (Бай-Тайгинский р-н).

27. Голодный волк и жирный козлик

Опубликована в ТТ III, «Аштаав беру биле сергежигеш» («Голодный волк и козлик»), и в ТНС 2, «Голодный волк и козленок». Записал К. Тоюн.

28. Белый заяц

Опубликована в ТТ V, «Койгунак» («Зяец»), и в ТНС 3, «Белый зайчик». Вспоминая, записал Саая Балдырмай (Бай-Тайгинский р-н). АаАн 155.

29. Как заяц спас овцу

Опубликована в ТНС 3, «Заяц и овца». Рассказала Капчыыр Лопсеновна Куулар (Дзул-Хемчикский р-н). Записали студенты Кызыльского пединститута Чылбак-оол Кара Монгуш и Мария Давая. Рукописный фонд ТНИИЯЛИ.

30. Семь братьев-мышей

Опубликована в ТНС 3, «Как поссорились мыши с котом». Записал Б. С. Бягыт-оол (Улуг-Хемский р-н). Рукописный фонд ТНИИЯЛИ.

31. Почему птицы не говорят

Опубликована в ТТ III, «Часкы» («Летучая мышь»), и в ТНС 2, «Почему птицы не говорят». Вспоминая, записал Маадыр-оол. Мотив АаАн 221.

32. Кто виновнее?

Опубликована в ТНС 3, «Волк и заяц». Рассказал Дамба Намзыраевич Монгуш (Дзул-Хемчикский р-н). Записал Монгуш Дамбанович Серен. Рукописный фонд ТНИИЯЛИ.

33. Кот-наставник

Опубликована в ТНС 3, «Кот-наставник». Рассказал Монгуш Шагдырович Дунчээ (Кызыл). Записал Санчай-оол Шожал-Дрожуевич Ооржак. Рукописный фонд ТНИИЯЛИ.

34. Почему лиса стала красной

Опубликована в ТТ IV, «Дилги чуге кыскал апарганыл» («Почему лиса стала красной»), и в ТНС 2, «Почему лиса стала красной». Вспоминая, записал Чолдак Серен (Тоджинский р-н).

35. Верблюд

Опубликована в УТ, «Теве» («Верблюд»); одна из версий — в ТНС 3, «Верблюд».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АаАи — Н. П. Андреев, Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне, Л., 1929.
- Радлов — Опыт словаря тюркских наречий В. В. Радлова, тт. I—IV, СПб., 1893—1911.
- ТНИИЯЛИ — Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.
- ТТ — «Тыва тоолдар» («Тувинские сказки»), Кызыл, 1947.
- ТТ II — «Тыва тоолдар, II» («Тувинские сказки», вып. II), Кызыл, 1951.
- ТТ III — «Тыва тоолдар, III» («Тувинские сказки», вып. III), Кызыл, 1955.
- ТТ IV — «Тыва тоолдар, IV» («Тувинские сказки», вып. IV), Кызыл, 1957.
- ТТ V — «Тыва тоолдар, V» («Тувинские сказки», вып. V), Кызыл, 1960.
- ТТ VI — «Тыва тоолдар, VI» («Тувинские сказки», вып. VI), Кызыл, 1963.
- УТ — «Уругларга тоолдар» («Сказки для детей»), Кызыл, 1959.
- ТНС — «Тувинские народные сказки», Кызыл, 1954.
- ТНС 2 — «Тувинские народные сказки», вып. 2, Кызыл, 1958.
- ТНС 3 — «Тувинские народные сказки», вып. 3, Кызыл, 1964.

СОДЕРЖАНИЕ

Д. С. Куулар. Предисловие	5
От переводчика	9

БОГАТЫРСКИЕ СКАЗКИ

1. Богатырь Тевене-Мёге и конь его Демир-Шилги . .	13
2. Бесстрашный Хан-Хулук	42

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

3. Шесть братьев	59
4. Уран-Дойду, одаренный попугай	71
5. Приключения Карыса, обученного китайскому волшебству	81
6. Учитель Ак-Тун	91
7. Хеймер-оол и волк величиной с быка	96
8. Старик и вороний хан	100
9. Старик Бумбаадай	104
10. Балдыр-Бээжек	106
11. Дээр-Мёге и шестиголовый мангыс Калчаа-Мерген	112
12. Оскюс-оол и Караты-хан	117
13. Оскюс-оол и красавица, излучающая свет солнца и луны	121
14. Оскюс-оол и дочь Курбусту-хана	130
15. Оскюс-оол, который слышал разговор двух воронов	139
16. Оскюс-оол, который пел песни тайги	142

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

17. Рыбак Оскюс-оол	149
18. Оскюс-оол, который постиг три науки	153
19. Старик Ак-Сал и джумет	155
20. Искусница Шевер-Чечен	157
21. Три брата	165
22. Коолу-Сандак	167
23. Орлан-оол и Чечен-кыс	171
24. Находчивый Орлан	174

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

25. Храбрый козлик	179
26. Ленивая сова	181
27. Голодный волк и жирный козлик	182
28. Белый заяц	184
29. Как заяц спас овцу	186
30. Семь братьев-мышей	187
31. Почему птицы не говорят	188
32. Кто виновнее?	191
33. Кот-наставник	193
34. Почему лиса стала красной	193
35. Верблюд	194
Примечания	196

ТУВИНСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

*
Редактор И. Л. Еленич
Художник Л. С. Эрман
Художественный редактор Э. Л. Эрман
Технический редактор Л. Н. Гиптова
Корректор Р. Ш. Чемерис
*

Сдано в набор 9/XII 1970 г. Подписано к печати 14/VI 1971 г. Формат 60 × 84^{1/16}.
Бум. № 1. Печ. л. 13,0. Усл. п. л. 12,09. Уч.-пзд. л. 10,93. Тираж 100 000 экз.
Изд. № 2427. Зак. № 4036. Цена 59 коп.

*
Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»
Москва, Краснопролетарская, 16